

ФРАНЦ БОАС

УМ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. М. ВОДЕНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я занимался проблемой, рассматриваемой на нижеследующих страницах, в течение многих лет и в разное время трактовал ее в небольших статьях. Некоторые из этих статей, в пересмотренном виде и с добавлениями, вошли в эту книгу. Я использовал также часть введения в мое «Руководство к изучению американских индейских языков» (Бюллетень 40, издание Бюро американской этнологии) и некоторые из результатов, формулированных в моем докладе об «Изменениях в телесной форме потомков иммигрантов» (том 39 «Отчетов комиссии, изучающей вопрос об иммиграции», Вашингтон).

Франц Боас.

I

РАСОВЫЕ ПРЕДРАССУДКИ.

Гордясь своими удивительными успехами, цивилизованный человек смотрит свысока на низших членов человеческого рода. Он покорил силы природы и заставил их служить себе. Он превратил дремучие леса в плодородные поля. Горные недра отдают ему свои сокровища. Свирепые животные, препятствующие его прогрессу, истребляются, между тем как он заботится о размножении других, полезных ему, животных. Волны океана переносят его из одной страны в другую, а высокие горные цепи не являются для него преградой. Его гений создал из косной материи мощные машины, ждущие прикосновения его руки, чтобы служить его разнообразным потребностям.

Он смотрит с высокомерным сожалением на тех членов человеческого рода, которым не удалось подчинить себе природу, для которых океан, река или горы являются непреодолимыми преградами, которые стараются пополнять свое скудное существование продуктами пустыни, с трепетом прислушиваются к реву диких зверей, уничтожающих продукты их трудов, и стараются добыть необходимое для жизни с помощью немногих простых орудий.

Таков контраст, представляющийся наблюдателю. И неудивительно, что цивилизованный человек считает себя существом высшего порядка по сравнению с первобытным и утверждает, что белая раса представляет более высокий тип, чем все другие.

Прежде чем согласиться с этим выводом, накладывающим клеймо вечного подчинения на целые человеческие расы, мы хотим остановиться и подвергнуть критическому анализу основу наших мнений о способностях различных народов и рас. Наивное предположение о превосходстве европейских наций и их потомков, очевидно, основано на их удивительных успехах. Из того, что их цивилизация выше, мы делаем вывод, что и их способность к цивилизации выше, а из предположения, что способность к цивилизации зависит от совершенства телесного и духовного аппарата, выводится заключение, что белая раса представляет высший тип совершенства. В этом заключении, получаемом путем сравне-

ния социального положения цивилизованного и первобытного человека, молчаливо допускается, что достигнутые первым успехи зависят исключительно, или, по крайней мере, главным образом, от его способностей.

Из утверждения, что способности европейских наций выше, непосредственно вытекает второй вывод о значении различия между типами европейской расы и рас других континентов или даже между различными европейскими типами. Бессознательный ход нашей мысли приблизительно таков: способности европейца оказываются высшими, а следовательно высшим оказывается и его физический и умственный тип, и всякое отклонение от типа белой расы непременно представляет характерную черту низшего типа.

Тот факт, что, при равенстве прочих условий, раса обыкновенно характеризуется как стоящая на тем более низком уровне, чем глубже ее отличие от белой расы, доказывает, что вышеупомянутое недоказанное предположение лежит в основе наших суждений о расах. Последствием этого предположения явились и долго тянувшиеся споры о том, встречаются ли у первобытного человека такие анатомические особенности, которые характеризовали бы его как существо низшего порядка в зоологическом ряду, и подчеркивание того, что такие черты встречаются у первобытного человека и отсутствуют у европейской расы.

Тема и характер этих споров доказывают, что в умах исследователей укоренился взгляд, согласно которому мы должны заранее предполагать, что в белой расе мы находим высший тип человека.

Этой точки зрения часто придерживаются и в суждениях, в основе которых лежат социальные различия. Допускают, что так как умственное развитие белой расы является высшим, то ей же свойственны и высшие способности. Поэтому предполагают, что белой расе свойственна наиболее утонченная умственная организация. Первоначальные психические причины не столь очевидны, как отличительные анатомические признаки, а потому при суждении об умственном состоянии какого-либо народа часто руководятся различием между его и нашим собственным социальным состоянием. Суждение о народе бывает тем строже, чем значительнее разница между интеллектуальными, эмоциональными и моральными процессами, свойственными, с одной стороны, нашей цивилизации, а с другой — данному народу. Лишь тогда, когда Тацит открывает добродетели, которые в прошлом были свойственны его собственному народу, у чужеземных племен, он ставит их в образец своим согражданам, у которых мечтатель, придерживавшийся идей давно пережитой эпохи, вероятно, вызывал улыбку сожаления.

Для ясного понимания отношений между расой и цивилизацией необходимо подвергнуть тщательному анализу эти два недоказанные предположения. Мы должны выяснить, насколько

мы в праве предполагать, что, во-первых, успехи той или иной нации обусловлены, главным образом, ее исключительными способностями, и что, во-вторых, европейский тип, или, формулируя это понятие наиболее резко, северно-европейский тип — представляет высшую стадию развития человечества. Полезно выяснить эти пункты, прежде чем приступить к исследованию подробностей.

Относительно первого пункта можно сказать, что хотя успехи не служат непременно мерилom способностей, однако, представляется допустимым судить об одних по другим. Не была ли степень вероятности успеха одинакова для большинства рас? Итак, почему же у одной лишь белой расы развилась такая цивилизация, которая распространилась по всему миру, и по сравнению с которой все другие формы цивилизации представляются слабыми начатками, пресекшимися в младенчестве или остановившимися и окаменевшими на ранней ступени развития? Не следует ли считать, по крайней мере, вероятным, что раса, достигшая высшей ступени цивилизации, была наиболее одарена, и что расы, оставшиеся на дне, не были способны подняться до более высокого уровня?

Чтобы найти ответ на эти вопросы, рассмотрим вкратце общий ход истории цивилизации, перенесем мыслью за несколько тысячелетий до нынешнего времени, к той эпохе, когда цивилизация восточной и западной Азии находилась в младенческом состоянии. С течением времени эта цивилизация передавалась от одного народа к другому, при чем некоторые из народов, являвшихся представителями высшего типа культуры, отступали на задний план, тогда как другие занимали их место. Мы видим, что на заре истории цивилизация держалась в известных странах, в которых она усвоивалась, то одним народом, то другим. При многочисленных столкновениях, происходивших в этот период, более цивилизованные народы нередко оказывались побежденными. Однако победители заимствовали культуру от побежденных и продолжали дело цивилизации. Таким образом, центры цивилизации перемещались в пределах ограниченных районов, и прогресс шел медленно или совсем приостанавливался. В этот период предки тех рас, которые ныне принадлежат к числу наиболее цивилизованных, ни в каком отношении не стояли выше таких первобытных людей, каких мы находим в настоящее время в странах, которых не коснулась цивилизация нового времени.

Имела ли цивилизация, достигнутая этими древними народами, такой характер, что мы могли бы считать эти народы более даровитыми, чем какую бы то ни было иную расу?

Прежде всего, мы должны иметь в виду, что ни одна из этих форм цивилизации не была продуктом гения какого-нибудь отдельного народа. Идеи и изобретения передавались от одного народа к другому, при чем, хотя сношения между ними отличались медленностью, однако, всякий народ, принимавший участие в развитии цивилизации в древние времена, вносил свою долю в общий

прогресс. Можно привести бесчисленное множество доказательств того, что идеи распространялись, пока народы находились в общении друг с другом, и что ни раса, ни язык, ни расстояние не могли ограничить этого распространения идей. Мы должны преклоняться пред гением всех народов, представителями какой бы группы — хамитской, семитической, арийской или монгольской — они ни являлись, так как все они содействовали развитию древних цивилизаций.

Теперь мы можем поставить вопрос, не выработали ли и другие расы равноценной культуры? Повидимому, цивилизация древнего Перу и центральной Америки выдерживает сравнение с древними цивилизациями Старого Света. В обоих случаях мы находим стоявшую на высокой ступени развития политическую организацию, разделение труда и сложную организацию духовенства. Производились большие архитектурные работы, требовавшие сотрудничества множества индивидуумов; приручались животные, разводились растения, было изобретено искусство письма. Изобретения и познания народов Старого Света были, повидимому, несколько многочисленнее и обширнее, чем изобретения и познания народов Нового Света, но не подлежат сомнению, что в общем их цивилизация стояла на приблизительно столь же высоком уровне ¹⁾. Этого для нас достаточно.

В чем же заключается различие между цивилизацией Старого и Нового Света? По существу это различие во времени. Первая достигла известной стадии развития на три или четыре тысячелетия раньше, чем вторая.

Хотя большей быстроте развития Старого Света придавалось особое значение, однако, по моему мнению, она никоим образом не доказывает превосходства рас Старого Света, но достаточно объясняется законами теории вероятности. Когда два тела проходят один и тот же путь, с переменной скоростью двигаясь то быстро, то медленно, то чем длиннее проходимый ими путь, тем вероятнее, что в их относительном положении обнаружатся случайные различия. Так, напр., два ребенка, прожившие лишь несколько месяцев, оказываются весьма сходными по своему физиологическому и психическому развитию; юноши одинакового возраста отличаются друг от друга гораздо больше; а из двух стариков одинакового возраста — у одного силы могут еще вполне сохраняться, а другой может оказаться дряхлым, главным образом, вследствие случайного ускорения или замедления развития. Разница в продолжительности периода развития не означает еще качественной разницы между ними, обусловливаемой наследственностью.

Рассматривая таким же образом историю человечества, мы можем сказать, что разница в несколько тысяч лет не имеет

¹⁾ См. Ratzel, „History of Mankind“, а также Sophus Müller, „Ungeschichte Europas“.

значения по сравнению с продолжительностью существования человеческого рода. Время, потребовавшееся для развития существующих рас, может быть определяемо лишь путем догадок, но мы можем быть вполне уверены, что оно весьма продолжительно. Нам известно также, что человек существовал в восточном и западном полушариях в эпоху, продолжительность которой может быть определена лишь на основании геологических данных. Недавние исследования Пенка¹⁾ о ледниковом периоде в Альпах привели его к тому выводу, что с появления человека прошло более ста тысяч лет, и что цивилизация Магдаленской эпохи, характеризующаяся значительным развитием специализации, имеет за собой не менее, чем двадцатитысячелетнюю давность. Нет оснований полагать, что эта стадия была достигнута человечеством повсюду в один и тот же период времени; но мы должны принять за исходный пункт отдаленнейшие времена, в которые мы находим следы человека. Итак, разве имеет какое-нибудь значение, что одна группа в течение ста тысяч лет достигла той же стадии развития, которой другая группа достигла в течение ста четырех тысяч лет? Разве недостаточно истории жизни народов и исторических перемен для полного объяснения такого рода замедления, так что нет надобности и допускать различия в способностях народов к социальному развитию²⁾. Это замедление имело бы значение лишь в том случае, если бы можно было доказать, что, независимо от других условий, оно неоднократно встречается у одной и той же расы, тогда как у других рас наблюдается большая быстрота развития.

Тем не менее заслуживает внимания тот факт, что в настоящее время все члены белой расы фактически в большей или меньшей степени принимают участие в прогрессе цивилизации, между тем как цивилизация других рас оказалась неспособной распространиться среди всех племен или народов данной расы. Это вовсе не значит, что все члены белой расы были способны создать и развить зачатки цивилизации с одинаковой быстротой: нельзя доказать, что для родственных друг другу племен, которые развивались под влиянием цивилизации, созданной немногими членами этой расы, без этой помощи не потребовалось бы гораздо более продолжительного времени для достижения того высокого уровня, на котором они находятся в настоящее время. Однако это, повидимому, свидетельствует о замечательной способности к усвоению цивилизации, не проявлявшейся в такой степени ни у какой другой расы.

Итак, следует выяснить, почему племена древней Европы легко усваивали цивилизацию, тогда как в настоящее время мы наблюдаем, что первобытные племена приходят в упадок и вырождаются

1) A. Penck, „Das Alter des Menschengeschlechtes“. (Zeitschrift für Ethnologie, vol. XL, pp. 390 et seq.). Penck und Brückner, „Die Alpen im Eiszeitalter“ (Leipzig).

2) Th. Waiz, „Anthropologie der Naturvölker“, 2^{ed.} vol. I, p. 381.

при соприкосновении с цивилизацией, вместо того, чтобы благодаря ей развиваться. Не является ли это доказательством более высокой организации обитателей Европы?

По моему мнению, нет надобности далеко искать причин этого факта, и не нужно предполагать, что эти причины заключаются в больших способностях европейских и азиатских рас. По внешнему виду первобытные и более цивилизованные люди древней Европы были сходны между собой. Поэтому не существовало основной трудности, препятствующей возвышению первобытных племен: отдельная личность, усвоившая себе более высокую цивилизацию, уже не считалась принадлежащей к низшей расе. Таким образом, в древности в колониях возможен был рост общества путем присоединения к нему личностей, вышедших из народа, культура которого была более примитивна.

Далее, опустошительное влияние болезней, свирепствующих ныне среди обитателей территорий, ставших недавно доступными белым, не было столь сильно, вследствие постоянного соседства народов Старого Света, всегда соприкасавшихся друг с другом. С другой стороны, захват Америки и Полинезии сопровождался занесением к уроженцам этих стран новых болезней. Страдания и опустошения, причиненные эпидемиями вслед за открытием вышеупомянутых стран, слишком известны, так что нет надобности их подробно описывать. Во всех тех случаях, когда численность населения уменьшается, в редко заселенной местности наступают почти полное расстройство экономической жизни и разрушение социальной структуры.

Кроме того, контраст между той культурой, представителями которой являются белые в новое время, и первобытной культурой гораздо глубже, чем контраст между древними культурными народами и теми, с которыми им приходилось соприкасаться. В настоящее время, главным образом благодаря колоссальному развитию фабричного производства, промышленность отсталых народов, неспособных конкурировать с производительностью, свойственной машинному производству белых, гибнет вследствие дешевизны и огромного количества продуктов, ввозимых белыми торговцами, между тем как в древности продукт ручного труда высшего качества конкурировал с продуктом ручного труда низшего типа. Когда для приобретения приподных к употреблению орудий или изделий от торговца достаточно одного дня работы, между тем как для изготовления соответственных орудий или материалов самим туземцем понадобилось бы несколько недель, вполне естественно, что туземное население вскоре перестает заниматься более медленными и утомительными процессами.

Следует также принять в расчет, что в некоторых странах, особенно в Америке и в некоторых частях Сибири, первобытные племена подавляются численностью расы, переселяющейся в населенную ими страну и столь быстро вытесняющей их из их старинных убежищ, что не оказывается времени для постепенной ассими-

ляции. В древности, несомненно, не существовало такого громадного численного неравенства, как ныне наблюдаемое во многих странах.

Итак, условия для ассимиляции в древней Европе были гораздо благоприятнее, чем в тех странах, где в наше время первобытные народы соприкасаются с цивилизацией. Поэтому нам нет надобности предполагать, что древние европейцы отличались большею одаренностью, чем другие расы, не подвергавшиеся до недавнего времени влиянию цивилизации¹⁾.

Этот вывод можно подтвердить еще и другими фактами. В средние века арабы, несомненно, достигли более высокой стадии цивилизации, чем многие европейские нации в этот период. Обе эти цивилизации развились в значительной степени из одних и тех же источников, они должны быть рассматриваемы, как ветви одного и того же дерева. Арабы, являвшиеся носителями цивилизации, вовсе не были членами той же расы, к которой принадлежат европейцы, но никто не станет оспаривать их важных заслуг. Интересно наблюдать, каким образом они повлияли на негритянские расы Судана. В раннюю эпоху, главным образом между второй половиной восьмого века и одиннадцатым веком христианского летоисчисления, Судан подвергался нашествиям хамитских племен, и магометанство быстро распространялось в Сахаре и в западном Судане. С того времени возникали и разрушались в борьбе с соседними государствами обширные империи, и достигалась сравнительно высокая культура. Завоеватели вступали в браки с туземцами, при чем смешанные расы, из коих некоторые оказываются почти чисто негритянскими, поднялись высоко над уровнем других африканских негров. Один из лучших примеров этого представляет, быть может, история Борну. Барт²⁾ и Нахтигаль³⁾ ознакомили нас с историей этого государства, сыгравшего весьма важную роль в истории Северной Африки.

Почему же магометане были способны цивилизовать эти племена и поднять их почти до того уровня, которого сами они достигли, между тем как белые не были в состоянии в сколько-нибудь значительной степени повлиять на негров в Африке? Очевидно, это объясняется различием в способах распространения культуры. Между тем как магометане влияют на народы таким же образом, каким древние цивилизовали европейские племена, белые посылают в негритянские страны лишь продукты своих мануфактур и немногих лиц из своей среды. Подлинного смешения между

---

¹⁾ Georg Gerland, „Das Aussterben der Naturvölker“. F. Ratzel, „Anthropogeographie“ vol. II, pp. 330 et seq.

²⁾ Henry Barth, „Travels and Discoveries in North and central Africa“ (21. ed., London 1857—58, vol. II, pp. 253 et seq.; vol. III, pp. 425 et seq., 528 et seq.; vol. IV, p. 406 et seq., 579 et seq.).

³⁾ Gustav Nachtigal, „Sahara und Sudan“, vol. II, pp. 391 et seq. 601 et seq.; vol. III, pp. 270 et seq., 355 et seq.

более образованными белыми и неграми никогда не происходило. Смешение негров с магометанами особенно облегчается благодаря многоженству, при чем завоеватели вступают в браки с туземными женщинами и воспитывают своих детей, как членов своих семейств.

Распространение китайской цивилизации в восточной Азии можно сравнить с распространением древней цивилизации в Европе. Благодаря колонизации и смешению с родственными племенами, а в некоторых случаях истреблению мятежных подданных, за которым следовала колонизация, установилось замечательное единообразие культуры на обширной территории.

Наконец, если мы рассмотрим низшее положение, занимаемое негритянской расой в Соединенных Штатах, хотя негры живут в теснейшем соприкосновении с современной цивилизацией, мы не должны забывать, что старое расовое чувство подчинения цветной расы по-прежнему сильно, и что оно оказывается ужасным препятствием для возвышения и прогресса этой расы, несмотря на то, что для нее открыты школы и университеты. Скорее мы могли бы удивляться тому, как много сделано в продолжение краткого промежутка времени в борьбе с тяжкими препятствиями. Вряд ли можно сказать, что стало бы с неграми, если бы они могли жить в совершенно одинаковых условиях с белыми. Рассмотрение шансов негров в Соединенных Штатах в труде мисс Овингтон ¹⁾ убедительно доказывает неравенство условий экономического прогресса для негров и белых даже и после уничтожения неравенства, устанавливаемого законами.

На основании вышеприведенных соображений мы приходим к следующему выводу: у разных рас развилась цивилизация, сходная по типу с тою, от которой произошла наша собственная цивилизация. Некоторые благоприятные условия облегчили быстрое распространение этой цивилизации в Европе. Из этих условий сильнее всего влияли одинаковый физический внешний вид, близкое соседство, незначительность различий в способах производства. Когда впоследствии цивилизация начала распространяться и на других континентах, те расы, с которыми соприкасалась цивилизация нового времени, не находились в столь же благоприятном положении. Резкие различия расовых типов, предшествовавшая изолированность, обуславливавшая во вновь открываемых странах опустошительные эпидемии, и более значительный прогресс цивилизации делали ассимиляцию гораздо более трудной. Быстрое расселение европейцев по всему свету уничтожало все возникшие в разных странах и обещающие дальнейшее развитие начатки. Таким образом, ни одной расе, за исключением восточно-азиатской, не было дано шансов для того, чтобы развить независимую цивилизацию. Распространение европейской

¹⁾ Mary White Ovington. „Half a Man, the Status of the Negro in New York“ (New York, Longmans, Green, and Co. 1911).

расы пресекло рост существовавших независимых зародышей, не считаясь с умственными способностями тех народов, среди которых оно совершалось. С другой стороны, мы видели, что нельзя придавать большого значения более раннему возникновению цивилизации в Старом Свете, которое удовлетворительно объясняется как случайный успех. Словом, исторические события, повидимому, гораздо более способствовали развитию цивилизации, чем способности различных рас, так что, следовательно, успехи рас не дают нам права предполагать, что одна раса даровитее другой.

Найдя таким образом ответ на первый из вышеуказанных вопросов, мы можем приступить к разрешению второго, а именно: насколько мы имеем право рассматривать те анатомические признаки, по отношению к которым иноземные расы отличаются от белой, как доказательство того, что эти расы оказываются низшими. В одном отношении ответить на этот вопрос легче, чем на предыдущий. Мы признали, что один успех не дает нам права предполагать у белой расы большие умственные способности, чем и других, если мы не в состоянии подтвердить наше предположение доказательствами. Из этого вытекает, что не следует истолковывать различий между белой расою и другими в смысле превосходства белой расы над остальными, если такого соотношения между ними нельзя доказать анатомическими или физиологическими данными.

Не лишнее пояснить примером легко и очень часто вкрадывающуюся логическую ошибку. В старательном исследовании, произведенном несколько лет тому назад, г. Р. Б. Бин¹⁾ демонстрировал известные характерные различия в форме всего мозга и его частей между балтиморским негром и балтиморским белым. Различия эти заключаются в форме и относительной величине лобной и затылочной долей и в величине мозолистого тела. Истолкование этого различия таково, что меньшие размеры передних долей и мозолистого тела указывают на низшее умственное развитие. Этот вывод был опровергнут Франклином П. Моллем²⁾. Здесь, где нас главным образом интересует логическая ошибочность таких выводов, достаточно обратить внимание на тот факт, что в результате сравнения длинноголовых и короткоголовых индивидуумов одной и той же расы, например, длинноголовых французов северной Франции и короткоголовых французов центральной Франции, получились бы подобного же рода различия, но что в таком случае не обнаружилось бы такой готовности вывести отсюда заключение относительно больших или меньших способностей.

Конечно, не подлежит сомнению, что в характерных физических чертах человеческих рас обнаруживаются значительные раз-

¹⁾ Robert Bennet Bean, „On a Racial Peculiarity in the Brain of the Negro“. (American Journal of Anatomy, vol. IV [1905].)

²⁾ Fr. P. Mall, „On Several Anatomical Characters of the Human Brain, said to vary according to Race and Sex, etc.“ (Ibid., vol. IX, pp. 1--32.)

личия. Цвет кожи, волосы и очертания губ и носа явственно отличают африканца от европейца. Следует разрешить вопрос: в каких отношениях находятся эти черты к умственным способностям расы? Этот вопрос можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, можно утверждать, что раса, у которой оказываются особенности, характерные для низших стадий в животном ряду, представляет во всех отношениях низший тип. Во-вторых, мы можем обратить внимание, главным образом, на центральную нервную систему и исследовать, выше ли ее анатомическое строение у одной расы, чем у другой.

Для выяснения первой точки зрения я упомяну о некоторых из образований в человеческом теле, признаваемых характерными для низших рас, так как они встречаются в качестве типичных черт развития у животных. Сюда относится изменение в форме височной кости, которая у человека обыкновенно отделена от лобной кости клиновидною и теменною костями. Оказывается, что у некоторых лиц височная кость занимает по отношению к клиновидной и к теменным костям больше места, чем обыкновенно, и соприкасается с лобной костью. Это преобладает у обезьян. Доказано, что это изменение встречается у всех рас, но не одинаково часто.

Особая форма большеберцовой кости, известная под именем платикнемия (поперечное сплющивание), наблюдалась на скелетах древнейших останков человека в Европе и также на скелетах различных рас. Другими характерными чертами, напоминающими низшие формы, являются особенности в образовании суставных поверхностей большеберцовой кости и бедра, найденные у некоторых человеческих типов: к о с т ь и н к о в, или кость, находящаяся между теменными костями и затылочной костью, встречающаяся у всех рас, но особенно часто у перуанцев и у обитателей древних пуэблосов; мелкие носовые кости и их срастание с верхней челюстью, так называемые *fossae praenasales*, и некоторые вариации в расположении артерий и мышц. Все эти изменчивые черты встречаются у всех рас, но степень изменчивости не везде одинакова. Вероятно, такие вариации могут быть рассматриваемы, как характерные черты человека, еще не успевшие стать устойчивыми, так что в этом смысле их можно признать все еще подверженными процессу эволюции. Если это истолкование правильно, то, повидимому, мы можем признать те расы, у которых характерные черты человека устойчивее, обладающими более высокой организацией.

Можно также классифицировать расы соответственно разным типичным чертам таким образом, что одна из них представляется наиболее удаленной от типов высших животных, а другие — менее. Во всех этих классификациях между человеком и животным оказывается значительный пробел, вариации же, наблюдаемые при переходе от одной расы к другой, незначительны по сравнению с этим пробелом. Так, мы находим, что, по сравне-

нию с черепом, размеры лица негров больше, чем размеры лица американца, размеры лица которого, в свою очередь, больше, чем размеры лица белого. Нижняя часть его лица имеет бóльшие размеры. Альвеолярная дуга выдвинута вперед, получая таким образом вид, напоминающий высших обезьян. Нельзя отрицать, что эта черта составляет в высшей степени постоянный характерный признак черных рас, и что она представляет тип, несколько более приближающийся к животному, чем европейский тип. То же самое можно сказать и о широких и приплюснутых носсах негров и монголов.

Если мы примем общие теории Клаача¹⁾, Штраца²⁾ и Шегенсака³⁾, признающих австралийца древнейшим и наиболее обобщенным типом человека, то мы можем также обратить внимание на тонкие позвонки, на неразвитость кривизны позвоночного столба, на которые впервые обратил внимание Кеннингэм⁴⁾, и на особенности ноги, напоминающие о животных, живущих на деревьях, ноги которых должны были служить для лазания с ветки на ветку.

Относительно истолкования всех этих наблюдений, необходимо обратить особое внимание на то, что те расы, которые мы привыкли называть «высшими», никоим образом не стоят во всех отношениях в конце ряда и не оказываются наиболее далекими от животных. У европейцев и у монголов самый большой мозг, у европейцев — небольшое лицо и выдающийся нос; все это черты, более удаленные от вероятного животного-предка человека, чем соответствующие черты других рас. С другой стороны, у европейцев имеются и низшие отличительные черты, свойственные австралийцам: и те и другие в сильнейшей степени сохраняют волосатость животного предка, тогда как специфически свойственное человеку развитие красных губ наиболее резко выражено у негров. Соотношения между частями тела у негров также более резко отличаются от соответствующих соотношений у высших обезьян, чем у европейцев.

Истолковывая эти данные с точки зрения современной биологии, мы можем сказать, что черты, специфически свойственные человеку, появляются у различных рас с переменной интен-

1) H. Klaatsch, „The Skull of the Australian Aboriginal“ (Reports from the Pathological Laboratory of the Lunacy Department, New South Wales Government, vol. I, part III [Sydney 1908], pp. 3—167); „Der primitive Mensch der Vergangenheit und Gegenwart“ (Verhandlungen der Gesellschaft deutscher Naturforscher und Aerzte, 80 Vers zu Cöln, part I, p. 95; Anatomische Hefte, 1902.

2) C. H. Stratz den Haag, „Das Problem der Rasseneinteilung der Menschheit“ (Archiv für Anthropologie, N. S., vol. I, pp. 189 et seq.).

3) Otto Schoetensack, „Die Bedeutung Australiens für die Heranbildung des Menschen aus einer niederen Form“ (Zeitschrift für Ethnologie, vol. XXXIII [1901], pp. 127 et seq.).

4) D. I. Cunningham, „The Lumbar Curve in Man and Apes“ (Cunningham Memoirs [Dublin 1886]).

сивностью и что отклонение от животного-предка развилось в различных направлениях.

Раз даны все эти различия между расами, возникает вопрос: имеют ли они какое-либо значение по отношению к умственным способностям? В данный момент я могу позволить себе не касаться различий в величине и в структурном развитии нервной системы и ограничиться значением других черт для умственных способностей. Общая аналогия умственного развития животных и человека побуждает нас приводить низшие умственные черты в связь с зверообразными чертами. Мы должны, однако, различать здесь между теми характерными анатомическими признаками, о которых мы говорили, и развитием мускулов лица, туловища и членов, вызванным привычною деятельностью. В руке, никогда не употребляемой для родов деятельности, требующих такого утонченного приспособления, которое характерно для психологически сложных действий, не окажется формирования, вызываемого развитием каждого мускула. В лице, мускулы которого не отзывались на нервные возбуждения, сопровождающие глубокие мысли и утонченные чувства, окажется недостаток индивидуальности и утонченности. Шея, выдерживавшая тяжелые грузы и не выполнявшая разнообразных требований деликатных изменений положения головы и тела, покажется массивной и неуклюжей. Эти различия, относящиеся к физиономии, не должны сбивать нас при наших истолкованиях. Но даже и без них мы склонны делать выводы относительно умственной жизни на основании отступающего назад лба, грузной челюсти, больших и тяжеловесных зубов, а пожалуй даже и на основании чрезмерной длины рук или необычного развития волосатости.

Со строго научной точки зрения эти выводы, повидимому, вызывают в высшей степени серьезные сомнения. Относительно этих проблем были произведены лишь немногие исследования, но их результаты оказались вполне отрицательными. Важнейшее из этих исследований, — сделанная Карлом Пирсоном ¹⁾ тщательная попытка исследовать отношение ума к величине и форме головы. Его выводы столь важны, что я повторю их здесь: «По моему мнению те, которые а priori считают вероятной такую связь, должны были бы доказать, что иные измерения и более тонкие психологические наблюдения привели бы к более определенным результатам. Меня лично результат настоящего исследования убедил в том, что у человека мало связи между внешними физическими и психическими характерными чертами». По моему мнению, все произведенные до сих пор исследования заставляют предполагать, что на самом деле не оказывается никакой прямой связи между характерными признаками систем костной,

---

¹⁾ Karl Pearson, „On the Relationship of Intelligence to Size and Shape of Head, and to other Physical and Mental Characters“ (Biometrika, vol. V, pp. 136 et seq.).

мускульной, внутренностей и органов кровообращения и умственными способностями людей (Мануврие)¹⁾.

Переходим к важному вопросу о величине мозга, которая, повидимому, оказывается единственною анатомическою чертою, имеющею прямое отношение к занимающему нас в данное время вопросу. Кажется правдоподобным, что, чем больше размеры центральной нервной системы, тем даровитее раса, тем больше ее умственные способности. Дадим обзор известных фактов. Для установления величины центральной нервной системы применяются два метода: определение веса мозга и определение емкости черепной полости. Из этих методов первый обещает наиболее точные результаты. Конечно, число европейцев, вес мозга которых был определен, значительно превышает число индивидуумов других рас. Однако, имеется достаточно данных для того, чтобы установить как несомненный факт, что вес мозга у белых больше, чем вес мозга у большей части других рас, в особенности у негров. Вес мозга белого мужчины равняется приблизительно 1360 граммов. Исследования емкости черепов вполне согласуются с этими результатами. По Топинару²⁾, емкость черепа мужчин неолитического периода в Европе равняется приблизительно 1560 куб. сант. (в 44 случаях); емкость черепа нынешних европейцев — такова же (в 347 случаях); монголоидной расы — 1510 куб. сант. (в 68 случаях); африканских негров — 1405 куб. сант. (в 83 случаях); негров Тихого океана — 1460 куб. сант. (в 46 случаях). Следовательно, здесь мы имеем ясно выраженное отличие в пользу белой расы.

Истолковывая эти факты, мы должны поставить вопрос: доказывает ли возрастание величины мозга возрастание способностей? Это представлялось бы весьма вероятным, и можно было бы привести факты, свидетельствующие в пользу этого предположения. Первым из этих фактов является относительно большая величина мозга у высших животных и еще большая его величина у человека. Далее, Мануврие³⁾ измерил емкость черепов тридцати пяти выдающихся людей. Он нашел, что она в среднем равнялась 1665 куб. сант. по сравнению с 1560 куб. сант., т.-е. с общим средним, полученным на основании измерений емкости черепов

---

¹⁾ L. Manouvrier, „Les aptitudes et les actes dans leurs rapports avec la constitution anatomique et avec le milieu extérieur“ (Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, 4e series, vol. I. [189]), pp. 918 et seq.)

²⁾ P. Topinard, „Eléments d'Anthropologie générale“, p. 620. Здесь величина для африканских негров весьма мала. Другой ряд, приводимый Топинаром (Ibid., p. 622), заключающий по 100 черепов каждой группы, дает следующие средние числа: парижане—1551 куб. сант., овернцы — 1585 куб. сант., африканские негры—1477 куб. сант., новокаледонцы—1488 куб. сант., (цифра 1588 куб. сант. в книге Топинара — опечатка).

³⁾ L. Manouvrier, „Sur l'interprétation de la quantité dans l'encéphale“. (Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, vol. III, pp. 284, 277, 281.)

110 индивидуумов. С другой стороны, он нашел, что емкость черепов сорока пяти убийц равнялась 1580 куб. сант., т.-е. так же превышала общее среднее. Такой же результат получился и путем взвешивания мозга выдающихся людей. Мозг тридцати четырех из них обнаруживал среднее увеличение в 93 грамма по сравнению с средним весом мозга, равняющимся 1357 граммам. Другой факт, который можно привести в пользу теории, гласящей что бóльший мозг сопровождается бóльшими способностями, заключается в том, что головы лучших английских студентов больше голов заурядных студентов (Гальтон)¹⁾. Но не следует преувеличивать значения аргументов, вытекающих из этих наблюдений.

Во-первых, не у всех выдающихся людей мозг необычайно велик. Наоборот, в ряду их было найдено небольшое количество необычайно малых мозгов. Далее, бóльшая часть величин веса мозга, составляющих общий ряд, определяется в анатомических институтах; индивидуумы, туда попадающие, слабо развиты вследствие плохого питания и жизни при неблагоприятных обстоятельствах, тогда как выдающиеся люди являются представителями гораздо лучше питающегося класса. Так как плохое питание уменьшает вес и размеры всего тела, то оно вызовет и уменьшение размеров и веса мозга. Следовательно, не установлено достоверно, что наблюдаемая разница всецело обусловлена бóльшими способностями выдающихся людей. Это может так же об'яснить бóльшие размеры мозга специалистов по сравнению с необученными рабочими (Феррайра)²⁾. Следует перечислить дальнейшие факты, ограничивающие значение вышеприведенного вывода. Важнейшим из них является различие в весе мозга между мужчинами и женщинами. Когда сравниваются мужчины и женщины одинакового роста, оказывается, что мозг женщины гораздо легче мозга мужчины. Тем не менее, способности женщины, качественно, может быть, отличающиеся от способностей мужчины, не могут быть признаны стоящими ниже последних. Следовательно в данном случае, меньший вес мозга повсюду сопровождается одинаковыми способностями. Из этого факта мы делаем тот вывод, что возможно, что меньший мозг мужчин других рас выполняет ту же самую работу, которая производится бóльшим мозгом людей белой расы. Но это сравнение производится не при полном равенстве условий, так как мы можем предположить, что между мужчиной и женщиной существует известное структурное различие, обуславливающее разницу в размерах между полами, так что сравнение между мужчиной и женщиной не тождественно со сравнением между различными мужчинами.

---

¹⁾ F. Galton, „Head Growth in Students at Cambridge“. (Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. XVIII, p. 156.)

²⁾ A. da Costa Ferraira, „La capacité du crâne chez les Portugais“. (Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, Série V, vol. IV [1903], pp. 417 et seq.)

Несмотря на эти ограничения, увеличение размеров мозга у высших животных и недостаточное развитие у индивидуумов микроцефалов являются основными фактами, делающими более чем вероятным, что возрастание размеров мозга обуславливает возрастание способностей, хотя это соотношение и не оказывается столь непосредственным, как часто предполагают.

Нетрудно найти объяснение того, что между весом мозга и умственными способностями не оказывается точного соответствия. Функционирование мозга зависит от нервных клеток и волокон, отнюдь не составляющих всей массы мозга. Мозг со многими клетками и сложными связями между клетками может содержать в себе меньше соединительной ткани, чем другой мозг, нервная структура которого проще. Другими словами, если существует тесная связь между формой и способностями, ее следует искать скорее в морфологических чертах мозга, чем в его размерах. Связь между величиной мозга и количеством клеток и волокон существует, но эта связь слаба (Дональдсон)¹⁾.

Несмотря на многочисленные попытки найти такие структурные различия между мозгами у различных человеческих рас, которые могли бы быть непосредственно выражены в психологических терминах, не было получено никаких достоверных результатов. Состояние наших нынешних знаний было хорошо резюмировано Франклином П. Моллем²⁾, на исследование которого я уже ссылался. Он полагает, что вследствие значительной изменчивости индивидуумов, составляющих каждую расу, чрезвычайно трудно определять расовые различия, и что пока не найдено расовых различий, выдерживающих серьезную критику.

Теперь мы можем резюмировать результаты нашего предварительного исследования. Мы нашли, что недоказанное предположение тождественности культурных успехов и умственных способностей основано на ошибке суждения, что вариации в культурном развитии можно объяснить и общим ходом исторических событий, не прибегая к теории материальных различий между умственными способностями у различных рас. Мы нашли, далее, что подобная же ошибка лежит и в основе обычного предположения, согласно которому белая раса представляет физически высший тип человека, и что анатомические и физиологические соображения не подтверждают этих взглядов.

---

¹⁾ H. H. Donaldson, „The Growth of the Brain“ (1895); Raymond Pearl, „Variation and Correlation in Brain-Weight“. (Biometrika, vol. IV, pp. 13 et seq.).

²⁾ Franklin P. Mall. „On Several Anatomical Characters of the Human Brain, said to vary according to Race and Sex, etc.“.

II

ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТИПЫ.

Убедившись в том, что высокая степень нашей цивилизации не обуславливается непременно превосходством анатомической организации носителей этой цивилизации сравнительно с другими расами, мы можем заняться более подробным исследованием характерных признаков различных подразделений человеческого рода. Ясно, что наши исследования могут основываться не на неопределенных описаниях путешественников, делающих замечания о громадных пищеварительных органах первобытных людей, об их небольшом росте, недостаточном развитии их членов или даже об их сходстве с обезьянами, а на серьезном изучении характерных анатомических признаков.

Здесь можно различить две проблемы, которые слишком часто смешивались при рассмотрении характерных умственных признаков цивилизованных и первобытных людей. Первая из этих проблем относится к различиям между расами, а вторая — к различию между социальными слоями одной и той же расы. Соответственно смыслу терминов «цивилизованный» и «первобытный», вполне понятно, что могут существовать как цивилизованные группы, принадлежащие к различным расам (напр., к китайцам и европейцам), и как цивилизованные, так и первобытные группы, принадлежащие к одной и той же расе (напр., к сибирским юкагирам и к китайцам, или к группе образованных негров в Соединенных Штатах и к первобытным негритянским племенам на африканском побережье). Проблемы, представляемые различиями между разными человеческими расами и различиями между социальными группами в пределах одних и тех же рас, конечно, вполне различны, и каждая из них должна быть рассматриваема отдельно.

У обеих проблем есть одна общая особенность, которую следует отметить, прежде чем надлежащим образом приступить к их рассмотрению. Сравнивая индивидуумов, принадлежащих к какому-либо расовому или социальному типу, мы находим, что они вовсе

не однообразны, но обнаруживают значительные различия. Когда мы стараемся думать о норвежце и о негре, нашему уму представляются два совершенно различных типа: норвежец — высокого роста, с белокуроыми, несколько волнистыми волосами, голубыми глазами, светлой окраской кожи, тонкими чертами лица и тонким носом; негр — среднего роста с черными и курчавыми волосами, черными глазами, темной кожей, выступающей челюстью и массивным приплюснутым носом. Однако эти картины представляют собою лишь отвлечения того, что, как мы думаем, мы чаще всего подмечали в каждом типе. Сравнивая между собою норвежцев или негров, мы находим, что в каждом из указанных народов у всякого индивидуума есть свои особенности, несвойственные другим. Норвежцы бывают высокого и низкого роста, волосы их светлы или темны, прямы или волнисты, цвет глаз их колеблется от коричневого до голубого, цвет кожи у них бывает светлый или смуглый, черты лица у них более или менее тонки. То же самое наблюдается и у негров. Степень черноты, характерная особенность подбородка, заключающаяся в том, что он выдается, приплюснутость носа — обнаруживают весьма значительные вариации. Наблюдения показали, что во всех случаях этого рода преобладает один определенный тип, одна известная комбинация черт; отклонения же от этого типа в том или ином направлении становятся тем реже, чем они значительнее. Так, у норвежцев обнаруживается преобладание известной степени светлой окраски. Индивидуумы, у которых цвет волос гораздо светлее, чем обыкновенно, тем реже встречаются, чем значительнее различие между цветом их волос и встречающимся обычно; точно так же и лица, у которых цвет волос гораздо темнее, чем обыкновенный, встречаются тем реже, чем больше отклонение цвета и волос от обыкновенного. Степень распространенности подобных вариаций не всегда одинакова. В некоторых случаях индивидуумы, составляющие группу, обнаруживают замечательное сходство или однообразие типа; в других случаях весьма замечательно разнообразие типов, встречающихся в одном и том же обществе. Мы называем ряд тем более изменчивым, чем чаще в нем встречаются отклоняющиеся от нормы типы. Итак, средняя величина различий между индивидуумами, составляющими ряд, и обыкновенным типом может служить мерилем изменчивости ряда.

Эти соображения имеют первостепенное значение при всех попытках сравнивать различные расы. В некоторых случаях встречаются различия, оказывающиеся достаточно глубокими для того, чтобы легко и определенно отличить одну расу от другой. Так, цвет кожи, цвет и форма волос и очертания губ и носа определенно отличают африканского негра от северного европейца. Однако, сравнивая все человеческие расы и типы, мы находим, что существуют бесчисленные переходы, затрудняющие констатирование того, что какая-нибудь определенная черта является специфической особенностью одного типа. Так, напри-

мер, нетрудно было бы найти у членов американской расы губы и носы, приближающиеся по форме к губам и носам негров. То же самое можно сказать и о цвете волос и кожи. Эта неопределенность различий между разными типами вызвана вышеуказанною изменчивостью типов.

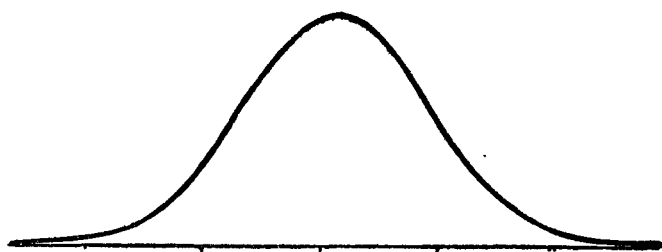
Например, у негров — толстые губы, однако их толщина не одинакова у всех их. В некоторых случаях она весьма мала, в других — очень велика. У европейцев — тонкие губы, но мы можем встретить индивидуумов, у которых губы очень толсты. Таким образом оказывается, что встречаются негры, губы которых отклоняются от нормального типа, будучи необыкновенно тонкими, вследствие чего они оказываются сходными с губами тех европейцев, у которых они необыкновенно толсты. Чем менее отличаются друг от друга два типа, тем больше окажется в обеих группах сходных друг с другом индивидуумов. Из сказанного вытекает также, что, чем значительнее изменчивость каждого типа, тем вероятнее, что некоторые индивидуумы обоих типов окажутся сходными между собою при сравнении их друг с другом. Пожалуй, мы можем всего лучше выразить это, сказав, что разновидности, составляющие каждый тип, перекрывают друг друга. Во многих случаях, и притом в некоторых из наиболее важных для нашего исследования, это перекрывание значительно. Так, я отметил различие в среднем весе мозга между разными расами. Однако вес мозга настолько изменчив, что встречается значительное перекрывание, и даже средняя величина мозга белой расы встречается во многих случаях у других рас. Представительницей мозга средней величины у белых сможет служить группа лиц, емкость черепа которых равняется 1450 — 1650 куб. сант. Эта группа обнимает собою 55 процентов африканских негров и 58 процентов меланезийцев. Такой же результат получается при сравнении числа лиц, обладающих большой емкостью черепа. Мы находим, что у 50 процентов всех белых емкость черепа превышает 1550 куб. сант., а, с другой стороны, емкость черепа превышает эту величину у 27 процентов негров и у 32 процентов меланезийцев. Если бы мы могли предположить прямое соответствие между размерами мозга и способностями, что, как мы уже видели, недопустимо, то мы могли бы, самое большее, предвидеть у негров недостаток людей высоко гениальных, но мы не должны были бы ожидать, что у огромной массы негров, живущих среди белых и находящихся под благотворным влиянием лучших людей этой расы, обнаружится сколько-нибудь значительный недостаток способностей.

С другой стороны, мы находим у различных рас столь обособленные и столь мало изменчивые характерные признаки, что перекрывание вполне или практически исключено. Примерами таких признаков могут служить курчавые волосы негров по сравнению с прямыми волосами монголов; высокие и узкие носы армян и плоские носы негров; различия в пигментации северных европейцев и туземцев Центральной Африки.

В результате исследований о характере изменчивости, основанных на измерениях тела, на изучении социальных и экономических явлений, а также изменчивых физических явлений, как например, метеорологических данных, было установлено, что почти всегда распределение численных величин наблюдений приблизительно подчиняется одному и тому же закону. (Локк, Баулей)¹⁾.

Было выяснено, что представляющие явление величины распределены таким образом, что известные численные величины встречаются очень часто, и что чем больше разница между наблюдением и величиною встречающеюся в наибольшем числе случаев, тем меньше число таких наблюдений. Характер этого распределения показан на фиг. 1-й, где горизонтальная линия представляет численные величины, полученные при наблюдениях, а вертикальные расстояния представляют многократность того наблюдения, которому соответствует вертикальное расстояние. При теорети-

Фиг. 1.

ческом распределении, представленном на фиг. 1, найдены следующие величины роста некоторого количества людей:

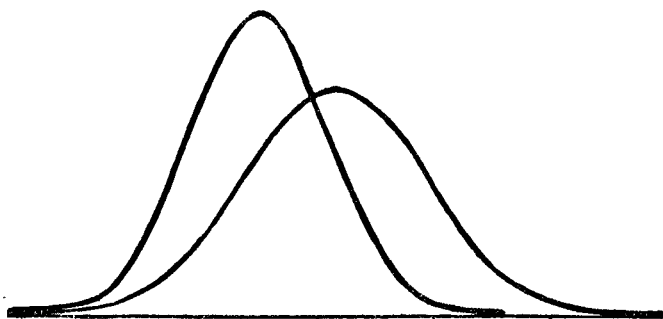
1415 — 1955	м.м.	5 случаев.
1455 — 1495	"	11 "
1495 — 1535	"	44 "
1535 — 1575	"	135 "
1575 — 1615	"	325 "
1615 — 1655	"	607 "
1615 — 1695	"	882 "
1695 — 1735	"	1000 "
1735 — 1775	"	882 "
1775 — 1815	"	607 "
1815 — 1855	"	325 "
1855 — 1895	"	135 "
1895 — 1935	"	44 "
1935 — 1975	"	11 "
1975 — 2015	"	5 "

¹⁾ R. H. L o c k, „Recent Progress in the study of Variation, Heredity and Evolution“ (1906), pp. 73 et seq.; A. L. B o w l e y, „Elements of Statistics“ (1901).

Когда мы сравниваем два ряда этого класса, сгруппированные вокруг различных величин, они могут перекрывать друг друга. Например, у людей высокого роста и у людей низкого роста, возможно было бы следующее теоретическое распределение численных величин роста:

I.		II.	
1415 — 1455	мм	1425 — 1455	мм. . . . . 5-случаев.
1455 — 1495	"	1455 — 1485	" . . . . . 11 "
1495 — 1535	"	1485 — 1515	" . . . . . 44 "
1535 — 1575	"	1515 — 1545	" . . . . . 135 "
1575 — 1615	"	1545 — 1575	" . . . . . 325 "
1615 — 1655	"	1575 — 1605	" . . . . . 607 "
1655 — 1695	"	1605 — 1635	" . . . . . 882 "
1695 — 1735	"	1635 — 1665	" . . . . . 1000 "
1735 — 1775	"	1665 — 1695	" . . . . . 882 "
1775 — 1815	"	1695 — 1725	" . . . . . 607 "
1815 — 1855	"	1725 — 1755	" . . . . . 325 "
1855 — 1895	"	1755 — 1785	" . . . . . 135 "
1895 — 1935	"	1785 — 1815	" . . . . . 44 "
1935 — 1975	"	1815 — 1845	" . . . . . 11 "
1975 — 2015	"	1845 — 1875	" . . . . . 5 "

В этих двух рядах в группе величин роста от 1575 мм. до 1695 мм. оказывается 1814 случаев в первом ряду, 3371 случай во втором ряду; т.-е. в обоих классах оказывается 1814 индивидуумов, и 1557 (т.-е. 3371—1814) — оказывается в классе людей высокого роста, отдельно взятом. На фиг. 2-й я представил эти два

Фиг. 2.

ряда, пользуясь одною системою координат. Очевидно, все индивидуумы, принадлежащие к обоим рядам и представленные на площади, заключенной между двумя кривыми, находятся в обоих рядах; лишь остальные, оказывающиеся вне этой площади и принадлежащие к одной из групп, не находятся в другой.

Принимая во внимание эти факты, относящиеся к типам и к вариациям, мы можем перейти к рассмотрению характерных особенностей первобытных и цивилизованных людей и членов различных рас.

Сначала мы обратим внимание на различие между цивилизованными и первобытными людьми, оказывающимися членами

одной и той же расы. Для белой расы это различие уже не может быть наблюдаемо, так как не существует первобытных белых в точном смысле этого слова. Тем не менее, мы можем находить известные аналогичные случаи. Некоторые из крестьян в далеких горных местностях Юго-восточной Европы ведут образ жизни, не особенно отличающийся от образа жизни тех, кого мы обыкновенно называем первобытными людьми, ибо, поскольку дело идет о питании и о занятиях, образ жизни занимавшихся земледелием индейцев Северной Америки, в эпоху Колумба, или некоторых занимающихся земледелием негритянских племен совершенно сходен с их образом жизни. Образ жизни некоторых рыболовов, живущих на европейском побережье, также может быть уподоблен образу жизни американских или азиатских рыболовов. Более непосредственные сравнения могут быть сделаны по отношению к населению Восточной Азии, где мы можем сопоставить культурных китайцев и первобытные племена, живущие на берегах Амура, северных японцев и айносов, цивилизованных малайцев и горные племена Суматры и Филиппинских островов. Подобные же сравнения оказываются возможными для негритянской расы, если мы сопоставим немногочисленный образованный класс негров в Америке и африканские племена, и для американской расы, если мы сопоставим образованных индейцев, в особенности тех, которые живут в Южной Америке, и племена, обитающие в прериях и в девственных лесах.

Очевидно, что во всех этих случаях мы сравниваем группы одного и того же происхождения, но живущие в различных экономических, социальных и иных условиях, зависящих от окружающей среды. Если мы находим между ними различия, то эти различия могут обуславливаться, прямо или косвенно, лишь окружающей средой. Таким образом, нам приходится заняться основной проблемой: насколько человеческие типы устойчивы, и насколько они изменчивы под влиянием окружающей среды.

Трудно приступить к этому исследованию путем прямого сравнения между типами первобытных и цивилизованных людей, принадлежащих к одним и тем же расам, отчасти вследствие того, что нелегко найти материал, отчасти вследствие того, что часто однородность расы представляется сомнительною. Но непосредственно очевидно, что всякое исследование изменчивости типов людей, живущих под влиянием различных типов окружающей среды, поможет нам выяснить занимающий нас вопрос, так что мы должны перейти к более общему рассмотрению проблемы устойчивости или изменчивости формы человеческого тела.

Принципы биологической науки не позволяют нам предполагать постоянную устойчивость телесной формы. Все наше современное понятие развития разновидностей и видов основано на допущении вариации, совершающейся или путем накопления изменений или сразу. Вариации, открытые в человеческом теле, вполне согласуются с этой точкой зрения, и я могу привести здесь не-

сколько слов из замечательного трактата Видерсгейма ¹⁾ о тех указаниях на историю человека, которые дает его строение: «В течение филогенетического процесса тело человека подвергалось ряду изменений, отчасти все еще находящихся выражение в его онтогении. Имеются указания на то, что изменения в его организации все еще продолжают совершаться, и что человек будущего будет отличаться от нынешнего человека». Лучшей иллюстрацией этих изменений служат формы органов, подвергающихся редукции. Так, мы можем наблюдать, что у современного человека малый палец на ноге часто содержит две фаланги. Это явление, вероятно, вызвано недостатком функционального употребления, и оно наблюдалось как у рас, ходящих босиком, так и у рас, носящих обувь, так что его нельзя приписать искусственным причинам. В зубах также проявляется тенденция к постепенной редукции, в особенности сказывающаяся в изменчивых размерах коренных зубов и верхних боковых резцов. Третий коренной зуб, или зуб мудрости, часто сохраняется, и у большинства рас величина его значительно уменьшается. Сохранение или слабое развитие верхнего бокового резца также часто встречается. Подобную же редукцию можно наблюдать на нижнем конце грудной полости, где обнаруживаются значительные вариации в развитии ребер и грудной кости.

Значение этих явлений заключается в том факте, что в эволюционном ряду ненормальные случаи, встречающиеся у разных рас неодинаково часто, являются новыми чертами развития, которые увеличили бы дифференциацию между человеком и низшими формами, если бы они стали нормальными. В действительности не доказано, что эти черты встречаются чаще и обращаются в постоянные характерные признаки; но это представляется более чем вероятным.

Сильным аргументом в пользу этого вывода является существование рудиментарных, не функционирующих органов и временное появление низших черт в течение онтогенетического развития.

Было выяснено, что некоторые из этих редукций, — например, сохранение боковых резцов — наследственны и таким образом могут стать постоянными. Этим до некоторой степени объясняется то, что, как наблюдалось, известные вариации встречаются чаще у первобытных племен, чем у цивилизованных людей. Первобытные племена большею частью очень малочисленны, или в течение долгих периодов, когда они численно возрастали, их сношения с иноземцами были редки. Если в такой группе в каком-либо из первоначальных семейств обнаруживалась известная особенность, последняя должна и теперь встречаться чаще у этого племени, чем у других племен. Этого рода случаями являются лишние позвонки, часто встречающиеся у индейцев на острове Ванку-

---

¹⁾ R. Wiedersheim, „Der Bau des Menschen“ (4 ed., 1908); „The Structure of Man an Index to his Past History“ (1895).

вере, а вероятно, и *torus palatinus*, часто встречающийся у лапландцев. Вопрос о том, можно ли объяснить таким же образом часто встречающуюся у индейцев, обитателей пуэблосов, и у перуанцев «кость инков», остается нерешенным. Поэтому возможно, что большая изменчивость известных рас по отношению к этим явлениям не есть выражение низшей или высшей — смотря по обстоятельствам — степени развития всей группы, но доказывает существование большого числа членов семейств, обладавшего этой особой характерной чертой. В этих случаях мы имеем дело не с самопроизвольными вариациями, но с их наследственным воспроизведением. Иными словами, если бы нам пришлось принять тот вывод, что большая изменчивость означает низшую или высшую стадию развития, то необходимо было бы предварительно доказать, что эти вариации появляются самопроизвольно у любого члена группы, а не принадлежат известным семействам, в которых данная черта наследственна. Иначе необходимо будет доказать, что в обширных группах рода человеческого тем семействам, в которых обнаруживается особая аномалия, была свойственна большая вероятность переживать других, чем остальным.

Как бы то ни было, то обстоятельство, что такие вариации встречаются, доказывает, что нельзя предполагать, что человеку свойственна устойчивая форма. Само собою разумеется, вопрос о том, какова продолжительность времени, нужного для того, чтобы какая-либо из рассматриваемых нами вариаций стала постоянным признаком, вовсе не разрешен.

Общая тенденция антропологического исследования заключалась в том, чтобы предполагать постоянство характерных анатомических черт нынешних рас, начиная с европейских рас ранней неолитической эпохи. Наиболее решительный из сторонников этой теории, Колльман¹⁾, утверждает, что древнейшие человеческие останки, найденные в неолитических отложениях Европы, представляют типы, все еще встречающиеся в неизменном виде среди нынешнего цивилизованного населения этого континента. Он пытался отождествить все разновидности, найденные среди доисторического населения неолитического периода, с разновидностями, живущими в настоящее время.

Все исследования, производившиеся для выяснения распределения форм головы и других антропометрических черт, обнаружили их однообразие на протяжении обширных сплошных пространств и в течение продолжительных периодов. Естественным выводом отсюда было то, что антропометрические формы сохраняются благодаря наследственности, а потому эти формы оказываются устойчивыми (Деникер²⁾).

¹⁾ I. Kollmann, „Beiträge zu einer Kran'ologie der Europä'ischen Völker“. (Archiv für Anthropologie, vol. XIII; vol. XIV, pp. I, 70, 179); Die Rassenanatomie der Hand und die Persistenz der Rassenmerkmalen. (Ibid., vol. XXVIII, pp. 91 et seq.)

²⁾ I. Deniker, „The Races of Man“.

Существует лишь одно исключение из этого правила. Во всех тех случаях, когда антропометрические черты подвергаются весьма значительным изменениям в течение периода роста, сказывается влияние благоприятных или неблагоприятных причин. Исследования, произведенные Гудом и Бекстером¹⁾ во время междоусобной войны, показали, что представители европейских наций, родившиеся в Америке, выше ростом, чем представители тех же наций, родившиеся в Европе. Было высказано предположение, что лучшее питание, или, быть может, вообще лучшие гигиенические и экономические условия, могут вызвать повышение роста людей. Эти выводы были подтверждены измерениями детей, обучающихся в школах в Бостоне, произведенными Баудичем²⁾ и антропометрическими исследованиями Пеккэма³⁾ в Мильвоки. Эти изменения в росте, вызванные изменившимися условиями, были недавно доказаны и в Европе, где Аммон⁴⁾ показал, что рост населения Бадена существенно повысился в течение последних тридцати лет. Другие данные, подтверждающие этот вывод, были добыты путем изучения различных социальных классов, при чем Баудич нашел повышение роста, начинающееся с детей необученных рабочих и возрастающее у детей обученных рабочих, членов торгового класса и лиц, занимающихся свободными профессиями, и путем наблюдений, обнаруживающих соответствие между характером улиц, населенных состоятельными людьми и бедняками, и ростом их обитателей (Риплей)⁵⁾. Тем не менее эти изменения в росте не были истолкованы как изменения в типе, так как их, конечно, можно объяснить устранением задерживающих влияний, препятствующих многим индивидуумам достигнуть нормального роста.

Результаты наблюдений над ростом подтверждаются другими антропометрическими исследованиями, относящимися к различным профессиям. Наиболее достоверен факт различия между типами моряков и солдат, измеренных в течение междоусобной американской войны, основанный на наибольшем количестве наблюдений. Было установлено, что у моряков ноги столь же длинные, как у негров, и что у них соответственно короче туловище, между тем как их руки столь же длинные, как у армейских солдат. Мы можем также обратить внимание на исследования, производившиеся в наших колледжах и доказывающие, что многие измерения, в значитель-

1) B. A. Gould, „Investigations in the Military and Anthropological Statistics of American Soldiers“ (New York 1869); I. H. Baxter, „Statistics, Medical and Anthropological“ (Washington 1875).

2) H. P. Bowditch, „The Growth of Children“ (Eighth Annual Report of the State Board of Health of Massachusetts [Boston 1877]).

3) Geo. W. Peckham, „The Growth of Children“ (Sixth Annual Report of the State Board of Health of Wisconsin).

4) Otto Ammon, „Zur Anthropologie der Badener“ (Jena 1899), p. 514; Eiv. Ph. Mackeprang, „De Værnepligtige Legenshoide i Danmark“ (Meddelser om Danmarks Anthropologie [Kopenhagen 1907], vol. I); Hans Daae; Legemets udvikling hos Norges mandlige ungdom.

5) William Z. Ripley, „The Races of Europe“ (New York, 1899), p. 381.

ной степени зависящие от функций групп мускулов, изменяются очень быстро под влиянием упражнения. Само собой разумеется, следует признать, что различия в функционировании мускулов в детском возрасте, которое продолжается и в дальнейшей жизни, должны вызывать постоянные или, по крайней мере, временные различия в строении.

Исследование условий роста показывает, как должны развиваться такие изменения в форме тела. Оставляя в стороне развитие организма до рождения, мы находим, что ко времени рождения некоторые части тела до такой степени развиты, что они не очень далеки от свойственных им окончательных размеров, тогда как другие совершенно неразвиты. Так, череп сравнительно велик ко времени рождения, он быстро растет в течение краткого времени, но очень скоро достигает размеров, приближающихся к его окончательной величине, и затем продолжает расти очень медленно. С другой стороны, конечности растут быстро в течение многих лет. Другие органы начинают быстро развиваться лишь в гораздо более поздний период жизни. Таким образом оказывается, что действующие на тело в разные периоды роста замедляющие или ускоряющие влияния могут вызывать совершенно различные результаты. После того как рост головы почти закончился, замедляющие условия могут все еще влиять на длину конечностей. Лицо, быстро растущее в течение более продолжительного периода, чем череп, может подвергаться различным влияниям позднее, чем последний. Одним словом, влияние окружающей среды может быть тем более выражено, чем менее развит подвергающийся ему орган. Данные относительно неравномерной скорости роста различных частей тела приведены у Вейссенберга ¹⁾.

Поскольку было изучаемо влияние замедления, оно, повидимому, оказывается прочным. Иными словами, ущерб, вызванный замедлением в развитии, никогда не возмещается продолжительным развитием. Если, вследствие неблагоприятных влияний, дитя росло медленно в течение нескольких лет, то оно, вероятно, будет продолжать расти дольше, чем другие, нормальные дети, но в общем итоге его рост навсегда останется слишком малым (Боас и Висслер ²⁾). С другой стороны, дети, развитие которых ускорялось, рано достигнут зрелости, но тем не менее в общем итоге их рост окажется относительно большим. Из этого рассмотрения действия, оказываемого замедлением и различием в периоде роста, вытекает, что не только абсолютная величина тела, но и соотношения в нем должны подвергаться влиянию периодов замедления или ускорения.

Таким образом, общая тенденция исследований роста подчеркивает важность действия быстроты развития на окончательную

¹⁾ Относительно общих данных о росте см. S. Weissenberg, „Das Wachstum des Menschen“ (1911).

²⁾ F. Boas and C. Wissler, „Statistics of Growth“ (Report of the U. S. Commissioner of Education for 1904, pp. 25 — 132).

форму тела. Болезнь в раннем детстве, плохое питание, недостаток чистого воздуха и физических упражнений оказываются замедляющими причинами, обуславливающими то, что растущий индивидуум известного возраста является по своему физиологическому развитию моложе, чем здоровый, хорошо питающийся индивидуум, пользующийся обилием свежего воздуха и хорошо упражняющий свою мускульную систему. Однако, вследствие замедления или ускорения изменяется дальнейший ход развития, так что конечная стадия окажется тем более удовлетворительной, чем меньше было замедляющих причин.

Судя по ходу развития тех немногих простых родов умственной деятельности, которые были изучены, представляется более чем вероятным, что умственное развитие подчинено законам, представляющим полную аналогию с законами физического развития (Мейман)¹⁾.

Эти факты, относящиеся к росту, имеют фундаментальное значение для правильного истолкования часто обсуждавшихся явлений ранней остановки роста. Мы видели, что у членов одной и той же расы продление периода роста идет рука об руку с неблагоприятным развитием, между тем как благодаря сокращению периода роста при всех физических измерениях получаются большие величины и достигается превосходство умственной деятельности. Само собой разумеется, что сюда не относятся патологические случаи полной преждевременной остановки развития или чрезмерного развития,—случаи карликового роста или микроцефалии, равно как и случаи гипертрофического роста органов. Отсюда вытекает, что при суждении о физиологическом значении остановки роста нельзя придавать самостоятельного значения тому простому факту, что рост прекращается у одной расы раньше, чем у другой, без наблюдений относительно быстроты роста.

Все еще остается неразрешенным вопрос, насколько возможны такие изменения в человеческих типах, которых нельзя объяснить ускорением или замедлением роста.

Ригер²⁾ сделал попытку объяснить различия в форме головы действием физиологических и механических условий, и Энгель³⁾ подчеркивает действие давления мускулов на форму головы. Вальхер⁴⁾ пытается объяснить разные формы головы рассмотрением положения головы младенца в колыбели. Он думает, что, если ребенок лежит на спине, получают круглые головы, а если

¹⁾ G. Meumann, „Vorlesungen zur Einführung in die experimentelle Pädagogik“ (Leipzig 1907), vol. I.

²⁾ Rieger, „Ueber die Beziehungen der Schädellehre zu Psychologie, Psychiatrie und Ethnologie“ (1882).

³⁾ Joseph Engel, „Untersuchungen über Schädelformen“ (Prag 1851).

⁴⁾ G. Walcher, „Ueber die Entstehung von Brachy- und Dolichocephalie“ (Zentralblatt für Gynäkologie, vol. XIX [1904], № 7); см. также Anton Nyström „Ueber die Formenveränderungen des menschlichen Schädels und deren Ursachen“ (Archiv für Anthropologie, vol. XXVII, pp. 211 et seq.).

он лежит на боку — длинные головы. Однако различия в форме головы на протяжении обширных пространств в Европе, где обращение с младенцами одинаково, повидимому, слишком велики, чтобы это объяснение могло быть принято.

Было произведено некоторое число наблюдений, убедительно доказывающих различие между городским и деревенским типами. Эти наблюдения были впервые произведены Аммоном¹⁾, который установил, что в Бадене городское население отличается от деревенского формой головы, ростом и пигментацией. Он допускает вывод, что мы имеем в данном случае действительное изменение в типе, вызванное, однако, не прямым действием окружающей среды, а скорее устранением в городской жизни известных типов; иными словами, действие естественного отбора.

Это наблюдение согласуется с наблюдениями, произведенными Ливи²⁾ в итальянских городах, где также обнаруживается различие по сравнению с окружающими местностями. Сравнения нормального лондонского населения с лицами, содержащимися в госпиталях, произведенные Шребзаллем³⁾, не противоречат допущению известной степени соответствия между болезненностью и физическим типом, хотя однородность материала, относящегося к такой столице, как Лондон, и взятого из различных социальных слоев большого города, всегда остается сомнительной.

Другое объяснение, даваемое Ливи, повидимому, удовлетворительно объясняет различие между городским и деревенским населением, не заставляя прибегать к допущению какого-либо значительного действия естественного отбора, предполагающего невероятное соответствие, с одной стороны, между смертностью и плодовитостью, а с другой — между такими чертами, как форма головы и пигментация. Поскольку наблюдалось изменение типа в городах, оно носит такой характер, что в городе всегда обнаруживается большее сходство с средним типом всего обширного округа, в котором он расположен. Если местное деревенское население заметно короткоголово, а общий тип на протяжении того более обширного района, из которого набирается городское население, более длинноголов, то городское население окажется в большей степени длинноголовым, и наоборот. Если нельзя доказать, что в достаточном количестве определенных семейств происходит отбор, то это объяснение представляется более простым и удовлетворительным.

До последнего времени не было представлено доказательств действительных изменений типа, за исключением вышеупомяну-

¹⁾ Otto Ammon, „Zur Anthropologie der Badener“ (Iena 1899), p. 641; Die natürliche Auslese beim Menschen (1893); см. также De Lapouge, „Recherches sur l'anthropologie de l'Ille-et-Vilaine“ (Bulletin de la Société Scientifique et médicale de l'Ouest [Rennes 1895]).

²⁾ Ridolfo Livi, „Antropometria Militare“ (Rome 1895), pp. 87 et seq.

³⁾ F. G. Shruballs, „Physical Characters and Morbid Proclivities“ (St. Bartholomew's Hospital Reports, 1904, vol. XXXIX, pp. 63 et seq.).

тых наблюдений, произведенных Аммоном и Ливи над характерными физическими признаками деревенского и городского населения, и некоторых других наблюдений относительно влияния высоты над уровнем моря на физическую форму. В спорах о распределении различных человеческих типов в Европе, особенности формы тела в известных местностях, — например, в горах центральной Франции, в некоторых частях Тосканы, в провинции Зеландии в Голландии, в юго-западной Норвегии, — объяснялись сохранением древних расовых типов, влиянием естественного отбора, или прямым влиянием окружающей среды, смотря по тому, представлялось ли в данном случае исследователю необходимым указывать ту или иную причину или комбинацию каких-либо двух или всех причин, как подходящее объяснение трудно объяснимого явления (Риплей)¹). Само собой разумеется, что рискованное применение недоказанных, хотя и возможных теорий не может служить доказательством действия, оказываемого отбором или окружающей средой на изменение типов. Действие отбора может быть доказано лишь исследованием тех из обнимаемых типом членов, которые остаются в живых, по сравнению с членами, устраняемыми смертью, или изменчивости населения, находящейся в связи с отбором известного типа. Влияние окружающей среды требует прямого сравнения родителей, живущих в одной окружающей среде, с детьми, живущими в другой окружающей среде.

Я не могу указать ни одного случая, в котором было бы бесспорно доказано влияние отбора. Кажется вероятным, что действие этого фактора могло проявиться в колониях преступников в прежние периоды, в заселении запада Америки энергичнейшими членами нашего восточного населения и в дополнительной чистке сильных элементов в некоторых частях новой Англии, но у нас нет фактических данных для установления связи несомненно происходившего отбора с физическими типами.

С другой стороны, мне удалось доказать существование прямого влияния окружающей среды на телесную форму человека путем сравнения иммигрантов, родившихся в Европе, и их потомков, родившихся в городе Нью-Йорке (Боас)²). Я исследовал четыре группы населения: южных итальянцев, представляющих средиземно-морский европейский тип, характеризующийся низким ростом, длинной головой, смуглостью кожи и темными волосами; центрально-европейский тип, характеризующийся средним ростом, короткой головой, светлыми волосами и светлой окраской кожи; северо-западный европейский тип, характеризующийся высоким ростом, длинной головой, светлой окраской кожи, белокурыми

---

¹) См. напр. W. Z. Ripley, "The Races of Europe" (New York 1899).

²) Franz Boas, "Changes in Bodily Form of Descendants of Immigrants, benign partial report on the results of an anthropological investigation for the U. S. Immigration Commission" (Senate Document № 203, 61 st Congress, 2d session, Washington 1910; "Abstract of the Report on Changes in Bodily Form of Descendants of Immigrants" (Washington 1911).

волосами. Далее. я исследовал длинный ряд восточно-европейских евреев, сходных в некоторых отношениях с центрально-европейской группой. Для исследования я выбрал следующие черты: изменение головы, рост, вес и цвет волос. Из этих черт лишь рост и вес находятся в тесной связи с быстротой роста, между тем как измерения головы и цвет волос лишь в слабой степени подвержены этим влияниям. Различия в цвете волос и в развитии головы не принадлежат к вышеупомянутой группе, в которой определяемые измерением окончательные величины зависят от физиологических условий в течение периода роста. Судя по всему тому, что мы знаем о них, они зависят, главным образом, от наследственности.

В результате нашего исследования, мы пришли к неожиданному выводу: родившиеся в Америке потомки представителей этих типов отличаются от своих родителей, при чем эти различия развиваются в раннем детстве и сохраняются в течение всей жизни. Далее замечательно, что каждый тип изменяется на особый лад. У родившегося в Америке сицилийца голова становится круглее, чем у родившегося не в Америке. Это обуславливается уменьшением длины и увеличением ширины. Лицо становится уже, рост и вес уменьшаются. Годова родившегося в Америке центрального европейца становится менее длинной и менее широкой, при чем уменьшение ширины превышает уменьшение длины, и таким образом получается удлинение головы. Ширина лица весьма значительно уменьшается; рост и вес увеличиваются. Изменения родившихся в Америке потомков шотландского типа не выражены, за исключением увеличения роста и веса. У родившегося в Америке еврея голова уже, чем у родившихся в Европе; поэтому получается значительное удлинение головы. Его лицо уже; рост и вес увеличились. Ни у одного из этих типов не было найдено выраженных различий в цвете волос между лицами, родившимися в Америке и родившимися в других странах.

Чтобы понять причины, вызывающие эти изменения типа, необходимо знать, как велика продолжительность времени, которое должно пройти от переселения родителей до тех пор, пока наступает заметное изменение типа потомства. Это исследование было произведено главным образом для головного индекса, подвергающегося в течение периода роста индивидуума лишь небольшим изменениям. Исследование евреев очень ясно показывает, что головной индекс у лиц, родившихся в других странах, практически один и тот же, при чем возраст индивидуума во время переселения безразличен. Этого можно было бы ожидать в тех случаях, когда иммигранты — люди взрослые или почти достигшие зрелости; но интересно отметить, что даже у детей, приезжающих в Америку, когда им год или небольшое количество лет от роду, оказывается головной индекс, характерный для лиц, родившихся в других странах. Этот индекс равняется, в среднем, 83. Сравнивая величину этого индекса с величиной индекса у лиц, родившихся в Америке, соответственно времени, прошед-

шему с их переселения, мы находим резкое изменение. Величина головного индекса понижается до 82 для лиц, родившихся непосредственно после переселения их родителей, и падает до 79 во втором поколении, т.-е. у детей, родившихся в Америке детей иммигрантов. Иными словами, действие американской окружающей среды сказывается непосредственно и медленно возрастает по мере возрастания времени, прошедшего между переселением родителей и рождением ребенка.

Условия, наблюдаемые у сицилийцев и у неаполитанцев, совершенно сходны с условиями, наблюдаемыми у евреев. Головной индекс лиц, родившихся в других странах, сплошь остается на почти одном и том же уровне. У лиц, родившихся в Америке непосредственно вслед за прибытием их родителей, обнаруживается увеличение головного индекса. В этом случае переход, хотя и быстр, но не настолько резок, как у евреев, вероятно потому, что место рождения лиц, родившихся за год до переселения или через год после него, не вполне достоверно. Эта недостоверность обуславливается привычкой итальянцев переезжать из Италии в Америку и обратно, прежде чем окончательно поселиться в Америке, и неопределенностью их ответов на вопрос о месте рождения ребенка, о котором иногда приходилось умозаключать на основании возраста ребенка и года переселения его матери. Пока существует эта недостоверность, вряд ли существующая в данных, относящихся к евреям, не представляется необходимым предполагать какую-либо иную причину для объяснения большей постепенности изменений головного индекса во время, близкое к переселению.

Переселение итальянцев относится к столь недавнему времени, что лица, родившиеся через много лет после прибытия их родителей в Америку, весьма немногочисленны, лиц же второго поколения вовсе не оказывалось. Поэтому вряд ли возможно решить, продолжает ли индекс возрастать вместе с продолжительностью времени, прошедшего между переселением родителей и рождением ребенка.

Эти замечательные явления нелегко объяснить. Каковы бы ни были их причины, изменение в форме не подлежит сомнению. Можно было бы, однако, высказать предположение, что эти изменения вызываются не глубокими физиологическими причинами, а изменением известных внешних факторов. Состав переселяющегося населения может быть таков, что лица, прибывшие в Америку в разные периоды, обладали различными характерными физическими признаками, и что эти последние ныне отражаются в потомках старых поколений при сравнении их с лицами, переселившимися сравнительно недавно. Однако, можно показать, что различия между евреями, иммигрировавшими в разные периоды между 1860 и 1909 гг., настолько незначительны, что ими не может быть объяснен тип потомков иммигрантов. Этот важный пункт может быть точнее выяснен путем применения иного метода. С этой целью я сравнивал головной индекс всех имми-

грантов известного года с головным индексом их потомков. Из этих сравнений вытекает, что различия, обнаруживающиеся во всем ряде, существуют также между иммигрантами, прибывшими в Америку в известном году, и их потомками. Следовательно, это чисто статистическое объяснение явления может быть отвергнуто.

Более значительные трудности для исследования представляет гипотеза, согласно которой механические воздействия, которым подвергаются дети, могут иметь решающее влияние на форму головы, и изменения в способах качания в колыбели и укладки в постель, производимые некоторыми иммигрантами почти непосредственно вслед за их прибытием в Америку, объясняют изменения формы головы. Если бы это было верно, то непрерывные изменения у евреев свидетельствовали бы только о том, что американский метод качания в колыбели применяется тем чаще, чем дольше данное семейство прожило в Америке. Некоторые исследователи утверждали, что положение, при котором ребенок лежит на спине, способствует возникновению короткоголовости, а положение, при котором он лежит на боку, способствует возникновению длинноголовости (Вальхер)¹⁾. Существуют веские доказательства того, что затылок сплющивается при употреблении очень жесткой подушки и в тех случаях, когда дитя постоянно лежит на спине. Так бывает, например, у многих индейских племен, и подобные результаты могли бы получаться, если бы спеленутому ребенку приходилось постоянно лежать на спине. Распространенность рахитизма в Нью-Йорке свидетельствует об искривлении, вызываемом давлением.

Не будучи в состоянии опровергнуть существования таких влияний, я полагаю, что против допущения их имеются веские соображения. Если мы предположим, что у еврейских детей, родившихся в других странах, головы менее длинны, чем у родившихся в Америке, вследствие того, что они бывают спеленуты и чаще лежат все время на спине, чем дети, родившиеся в Америке, могущие свободно передвигаться, то мы должны сделать тот вывод, что у родившихся в Америке детей происходит известное уменьшение других диаметров головы, могущее служить возмещением за это уменьшение длины. Так как это возмещение распределено по всем направлениям, то его размеры в каком-либо одном направлении окажутся весьма малыми (Боас)²⁾.

Наблюдавшееся уменьшение ширины головы настолько значительно, что его нельзя рассматривать просто как следствие возмещения; но нам приходится допустить еще и добавочную гипотезу, согласно которой дети, родившиеся в Америке, так долго лежат на боку, что у них сужение головы производится механическим давлением. Те же самые соображения применимы и

¹⁾ Walcher, „Ueber die Entstehung von Brachy- und Dolichocephalie“.

²⁾ F. Boas, „The Cephalic Index“ (American Anthropologist, N. S. vol. I. pp. 448 et seq.).

ко всем другим типам. Итак, если в одном случае более свободное положение ребенка увеличивает длину его головы, то трудно объяснить, почему у богемцев те же самые причины уменьшают оба горизонтальные диаметра головы, и почему у сицилийцев длина уменьшается, а ширина увеличивается.

По моему мнению, изменение ширины лица всего яснее показывает, что вовсе не механические воздействия, которым подвергается ребенок, вызывают те изменения, о которых идет речь. Головной индекс весьма незначительно уменьшается со второго года до достижения зрелости. Итак, очевидно, что дети, приезжающие в Америку вскоре после рождения, не могут в значительной степени подвергаться влиянию американской окружающей среды по отношению к их головному индексу. С другой стороны, если мы станем рассматривать измерение, заметно возрастающее в течение периода роста, то мы можем ожидать, что у детей, родившихся в других странах, но рано привезенных в Америку, рост в целом может измениться под влиянием американской окружающей среды. Наилучший материал для этого исследования представляют богемцы, среди которых имеется сравнительно много взрослых индивидуумов, родившихся в Америке. Если расположить цифры, показывающие ширину лица у богемцев в порядке, соответствующем их возрасту во время переселения, то обнаруживается их уменьшение у тех, которые прибыли в Америку в раннем детстве, при чем это уменьшение тем значительнее, чем моложе они были. Продолжая это сравнение с лицами, родившимися в Америке через год, два года или более после прибытия их матерей в Америку, можно констатировать, что ширина лица продолжает уменьшаться. Итак, обнаруживается, что американская окружающая среда обуславливает замедление возрастания ширины лица в период, когда уже невозможны механические влияния.

Я не производил аналогичного исследования роста, так как в данном случае его увеличение можно было бы приписать просто улучшению питания большинства иммигрантов из северной и центральной Европы после их переселения в Америку.

Существует другая гипотеза, с помощью которой можно было бы объяснить наблюдаемые изменения типа. Если предположить, что среди родившихся в Америке потомков иммигрантов немало таких, которые в действительности оказываются детьми американцев, а не их мнимых отцов, то происходила бы общая ассимиляция американским типом. В социальном отношении это отнюдь не представляется правдоподобным; но ввиду важности занимающего нас явления, его следует рассмотреть. Я не думаю, что какие-либо из производившихся наблюдений свидетельствуют в пользу этой теории. Изменения, встречающиеся у богемцев, приезжающих в Америку в раннем детстве, то обстоятельство, что у различных типов изменения происходят в различных направлениях, в особенности укорочение голов у богемцев и у итальян-

цев, — не свидетельствуют в пользу этого предположения. Далее, если бы изменения вызывались смешением рас, то между отцами и детьми, родившимися в Америке, должно было бы оказываться меньше сходства, чем между отцами и детьми, родившимися в других странах, но нет никаких указаний на то, что так бывает в самом деле.

Сравнения отцов и матерей с их детьми, родившимися в других странах, также доказывают, что эта гипотеза не выдерживает критики. Эти сравнения показывают, что различия одинаковы как у отцов и детей, так и у матерей и детей, так что, очевидно, соотношения между отцами и их детьми и между матерями и их детьми вызываются одними и теми же условиями.

Серьезные сторонники теории отбора могли бы утверждать, что все эти изменения обуславливаются результатами изменений в проценте смертности для лиц, родившихся в других странах и в Америке; что или за границей или в Америке для лиц известных типов существует большая вероятность умереть, и что таким образом, эти изменения вызываются постепенно. В общем, те, кто утверждает существование такого, по моему мнению, весьма неправдоподобного соответствия между головным индексом, шириною лица и т. д. и процентом смертности, которое может быть предполагаемо лишь для того, чтобы отстаивать теорию отбора, а не на основании каких-либо действительных фактов, должны были бы доказать свое утверждение. Я признаю желательным разрешение этого вопроса фактическими наблюдениями; но пока не будут произведены таковые, мы можем поставить на вид, что самая быстрота изменений после переселения и отсутствие изменений, которые вызывались бы отбором, благодаря смертности у взрослых иноземцев, потребовали бы столь сложного сличения причины и действия для установления соответствия между смертностью и телесной формой, что теория стала бы невероятной вследствие ее сложности.

Утверждать, что все различные европейские типы становятся одинаковыми в Америке без смешения, исключительно благодаря действию новой окружающей среды, значило бы идти слишком далеко. Во-первых, я исследовал лишь действия одной окружающей среды, но все заставляет полагать, что в Америке развивается несколько различных типов; но мы оставим это в стороне и разберем лишь наши нью-йоркские наблюдения. Хотя длинноголовый сицилиец становится в Нью-Йорке более круглоголовым, а круглоголовые богемец и еврей — более длинноголовыми, однако, нельзя установить приближение к однообразному общему типу, ибо мы еще не знаем, как долго будут продолжаться изменения, и приведут ли все они к одинаковому результату. Признаюсь, я не считаю такого результата вероятным, ибо доказательство пластичности типов не подразумевает, что эта пластичность беспредельна. История британских типов в Америке, голландцев — в Ост-Индии, испанцев — в Южной Америке, свидетельствует в пользу

предположения строго ограниченной пластичности. Конечно, наше исследование должно основываться на этом, более консервативном фундаменте, пока нельзя доказать существование неожиданно многообъемлющей изменчивости типов. Одна из важнейших проблем, выдвигаемых этим исследованием, заключается в том, чтобы определить, как далеко может простираться неустойчивость или пластичность типов.

Как бы ни были значительны эти телесные изменения, если мы признаем правильность наших выводов относительно пластичности человеческих типов, это необходимо влечет за собою и признание значительной пластичности склада ума человеческих типов. Мы наблюдали, что в телесных чертах, почти получивших свой окончательный вид ко времени рождения, в новой окружающей среде обнаруживаются весьма важные видоизменения. Мы видели, что другие черты, развивающиеся в течение всего периода роста и, следовательно, подверженные непрерывному действию новой окружающей среды, видоизменяются даже у индивидуумов, прибывших в Америку в детстве. Из этих фактов мы должны заключить, что основные черты ума, которые находятся в тесной связи с физическими свойствами тела, и развитие которых продолжается в течение многих лет после прекращения физического роста, тем более подвержены далеко простирающимся изменениям. Правда, это — умозаключение по аналогии, но если нам удалось доказать изменения в форме тела, то те, которые, несмотря на эти изменения, продолжают утверждать абсолютное постоянство других форм и функций тела, обязаны доказать это.

Для правильного понимания важности изменений в форме человеческого тела желательно рассмотреть тип нынешнего человека с несколько иной точки зрения.

Прошло уже немало лет с тех пор, как Фритч ¹⁾ указал в своих исследованиях по антропологии Южной Африки, что существует особое различие в форме тела бушменов и готтентотов по сравнению с формой тела европейцев, а именно у первых оказываются более тонкие формы костей, но кость очень плотна по своему строению; между тем как у европейцев скелет представляется более тяжелым, но более сетчатым по своему строению. Подобные же различия можно наблюдать и при сравнении между скелетами диких и прирученных животных, при чем из этого наблюдения был сделан вывод, что по своему физическому телосложению бушмены до известной степени сходны с дикими животными, между тем как европейцы походят по своему строению на прирученных животных.

Эта точка зрения, с которой человеческую расу в ее цивилизованных формах следует сравнивать не с формами диких животных, а скорее с формами прирученных животных, представляется

---

¹⁾ Gustav Fritsch, „Die Eingeborenen Süd Afrikas“ (Breslau, 1872), pp. 30 et. seq.

мне весьма важною. Более подробное изучение условий, в которых живут различные расы, наводит на мысль, что в настоящее время даже наиболее первобытные человеческие типы почти повсеместно подверглись изменениям, зависящим от привычки к домашней жизни.

Следует ясно различать разные типы изменений, вызываемых приручением. С одной стороны, тела приручаемых животных подвергаются значительным изменениям, обусловливаемым изменениями в питании и в телесных функциях. С другой стороны, отбор и скрещивание играли важную роль в развитии рас прирученных животных.

Некоторые изменения первого рода обусловливаются регулярным и более обильным питанием, другие изменения вызываются видоизменениями родов пищи, употребляемой домашними животными по сравнению с дикими животными того же вида; дальнейшие изменения вызываются различными способами функционирования мускульной и нервной системы. Эти изменения не вполне одинаковы у плотоядных и у травоядных животных. Например, собака и кошка в прирученном состоянии питаются довольно регулярно, но даваемая им пища имеет совершенно иной характер, чем та, которую едят дикие собака и кошка. У тех людей, пища которых состоит почти исключительно из мяса, собак обыкновенно кормят вареным мясом, или точнее вареными, сравнительно менее питательными частями животных; между тем у других племен, пользующихся в значительной степени растительной пищей, собак часто кормят маисовой кашей и другими растительными веществами. То же самое можно сказать о наших кошках, которых кормят вовсе не исключительно мясной пищей. Диким плотоядным животным приходится делать для добывания пищи несравненно большие усилия, чем прирученным плотоядным животным. Очевидно, что вследствие этого мускульная и нервная системы животных могут подвергаться значительным изменениям.

Мускульные усилия травоядных животных, поскольку они кормятся на пастбищах, не столь существенно изменяются. Привычки пасущегося ручного рогатого скота и овец приблизительно таковы же, как и привычки пасущихся диких животных того же класса, но быстрые движения и бдительность, нужные для предохранения стада от плотоядных животных, совершенно исчезли. Те животные, которых кормят в хлевах, живут в чрезвычайно искусственных условиях, и у них могут происходить существенные изменения.

По моему мнению, изменения, обусловливаемые этими причинами, можно наблюдать на древнейших типах прирученных животных, находимых в неолитических деревнях Европы, в которых туземные европейские виды являются в прирученном состоянии (Келлер)¹⁾. Их можно также наблюдать на разных континентах

¹⁾ C. Keller, „Die Haustiere als menschlicher Kulturerwerb“ (Der Mensch und die Erde [Berlin, 1906], vol. I. pp. 165 - 304); Studer, Die prähisto-

у собак, представляющих замечательные отличия от дикого вида, от которого они произошли. Даже эскимосская собака, являющаяся потомком серого волка и все еще скрещивающаяся с серым волком, отличается телесной формой от этого дикого животного (Бекман) ¹⁾. Можно наблюдать видоизменения и у недавнего прирученных животных, например, у чукотского северного оленя, отличающегося по типу от дикого северного оленя, живущего в той же местности (Богораз) ²⁾. Судя по нашим сведениям о методах приручения у таких племен, как эскимосы и чукчи, я считаю весьма неправдоподобным, чтобы отбор сколько-нибудь существенно способствовал возникновению видоизменений формы, встречающихся у этих рас первобытных прирученных животных. Их однообразие все еще довольно хорошо выражено, хотя у них образовались типы, отличающиеся от дикого вида.

Повидимому, более определенно выраженной дифференциации прирученных форм не происходит, пока человек не начинает, более или менее сознательно, отбирать и изолировать особые породы. Для такого изолирования представлялось тем больше благоприятных случаев, чем раньше был приручен какой-либо особый вид. Поэтому мы находим, что число различных пород оказалось наибольшим у тех животных, которые всего дольше находятся в прирученном состоянии.

Количество разновидностей прирученных видов также было увеличено неумышленным или умышленным скрещиванием различных видов, от которых происходят многие породы, предков которых часто трудно выяснить.

Итак, повидимому, существуют три различных причины, вызывающие у прирученных животных развитие разных типов: во-первых, влияние перемены питания и образа жизни; во-вторых, сознательный отбор; в-третьих, скрещивание.

Первая и третья из этих причин оказывали сильнейшее влияние на развитие человеческих рас. Условия жизни человеческих племен повсюду таковы, что лишь у очень немногих из них способ питания сходен со способом питания диких животных, а рассмотрение стадий человеческой культуры показывает, что подобные условия преобладали в течение долгого периода. По моему мнению, можно с уверенностью утверждать, что во всех тех случаях, когда человек занимается земледелием, когда он является собственником стад прирученных животных, употребляемых в пищу, снабжение пищей стало регулярным, и оно

---

rischen Hunde in ihren Beziehung zu den gegenwärtig lebenden Rassen (Zürich, 1901).

¹⁾ Beckmann, „Geschichte und Beziehung der Rassen der Hunde“ (Brunswick, 1894—1895).

²⁾ W. Bogoras, „The Chukchee (Publications of the Jesup North Pacific Expedition“ [Leyden, 1904—1909], vol. VII, pp. 73 et seq). Ср., однако, J. A. Allen, „Report on the Mammals collected in Northeast Siberia by the Jesup North Pacific Expedition“. (Bulletin American Museum of Natural History [New York, 1903], vol. XIX, p. 126).

достигается использованием мускульной системы в весьма специализированных направлениях. Например, у негров центральной Африки, сады которых расположены вблизи их деревень, обработка садов составляет, главным образом, занятие женщин, между тем как мужчины занимаются разными специализированными видами промышленности. Эти племена не прибегают к таким телодвижениям, при посредстве которых дикие животные защищаются от врагов. Способы ведения войны таковы, что одна мускульная сила не имеет в военном деле решающего значения, но превосходство оружия и стратегия имеют такое же значение, как простая сила и проворство. Условия, в которых живут американские индейцы-земледельцы в долине Миссисипи и в лесах южной Америки имеют сходный характер с вышеупомянутыми.

В качестве образчика пастушеского народа, питание которого очень регулярно, мы можем упомянуть племена, разводящие северных оленей в Сибири или рогатый скот в Африке.

Мы знаем, конечно, что у всех этих племен наступают периоды голода, обуславливаемые неурожаем или эпидемиями, поражающими стада; но нормальное положение дел характеризуется довольно регулярно и обильным снабжением пищей.

Условия, в которых живут племена, занимающиеся рыбной ловлей, не особенно отличаются от вышеупомянутых, и мы находим, что благодаря методам, позволяющим накапливать запасы, и благодаря избытку снабжения пищей в продолжение одного сезона, при котором пищи хватает на остающуюся часть года, питание этих людей также довольно регулярно. Следовательно, и в этом случае мускульные усилия, требуемые для добывания пищи, специализированы, и они отличаются от мускульных усилий, требующихся для простого преследования дичи.

Единственными современными племенами, среди которых цивилизация оказывает незначительное действие на виды телесной деятельности, являются те, которые, как южно-африканские бушмены, австралийцы, эскимосы арктической Америки, цейлонские ведды, добывают себе средства к существованию ежедневной погоней за животными или собиранием растений или небольших беспозвоночных, рассеянных на обширном пространстве.

В связи с этими условиями находится также характерный выбор пищевых веществ разными племенами, как-то исключительно мясная пища некоторых племен (быть может, наиболее выраженная у эскимосов) и исключительно растительная пища других племен, очень распространенная, например, в южной Азии. По всей вероятности как тот, так и другой род пищи оказывает значительное влияние на телесную форму этих рас.

Вторая группа причин, оказывающая сильнейшее влияние на развитие различных рас прирученных животных, а именно сознательный отбор, вероятно, никогда не играла весьма значительной роли у человеческих рас. Мы не знаем ни одного случая, подтверждающего, что браки между типами определенных типов

одинакового происхождения были воспрещены. Повидимому, тот отбор, который мог совершаться при развитии первобытного общества, скорее принадлежал к типу естественного отбора, благоприятствующего сочетанию подобных, или это был такой сложный отбор, как тот, который обуславливался социальными законами относительно браков, не допускавшими браков между лицами, находящимися в известных степенях родства друг с другом, а часто и между членами различных поколений. Так, благодаря весьма обыкновенной форме ограничения брака, у известных племен дети брата и сестры вступают в брак друг с другом, между тем как ни детям братьев, ни детям сестер не дозволено вступать в брак между собой. Подобные ограничения встречаются в большом количестве, и они, может быть, произвели известное действие, свойственное отбору, хотя вряд ли можно предположить, что они вызвали очень заметные результаты в смысле изменения форм человеческого тела (Пирсон ¹).

В некоторых случаях косвенным последствием социальных законов было увековечение различий между отдельными частями населения или, по крайней мере, замедление их полного смешения. В этом случае законы эндогамии относятся к группам различного происхождения, и его можно наблюдать, например, у каст в Бенгалии, где низшим кастам свойственен характерный южноиндийский тип, между тем как высшие касты сохраняют тип племен северо-западной Индии (Рислей и Гет) ²). Однако существование многочисленных промежуточных каст доказывается, что даже и там, где законы относительно эндогамии столь строги, как в Индии, они не могут предотвратить смешения крови. На вопрос, повлекла ли за собой в крайних случаях эндогамия у небольших групп, как у древних египтян, развитие резко выраженных типов, нельзя дать ответа; но известно, что ни один из этих типов, когда они встречаются среди многочисленного населения, не сохранился.

Что же касается третьего элемента приручения, то он, вероятно, имел очень важное значение в развитии человеческих рас. Скрещивания между различными типами до такой степени обыкновенны в истории первобытного населения и до такой степени редки в истории диких животных, что в этом случае аналогия между прирученными животными и человеком становится весьма явственной. Случаи гибридных форм в природе почти повсюду редки; между тем, как мною указано выше, прирученные животные подвергались бесчисленным скрещиваниям. Скрещивания между в высшей степени различными человеческими типами также происходят очень часто. Как пример, я могу упомянуть браки между хамитскими племенами Сахары и негритянскими

¹) K Pearson, „Mathematical Contributions to the Theory of Evolution, III“ (Philosophical Transactions, 1896—97, pp. 253 et seq.).

²) H. H. Risley and E. A. Gait, „Census of India“. 1901 (Calcutta, 1903), vol. I, pp. 489 et seq.

племенами Судана (Нахтигаль)¹⁾; смешение между негритосами и малайцами, столь частое на малайском полуострове (Мартин)²⁾, и, вероятно, в значительной степени обусловившее характерное распределение типов во всем Малайском архипелаге; смешение, происходившее на островах Фиджи; смешение айносов и японцев в северной части Японии; европейцев и монголов в восточной Европе; не говоря уже о сравнительно недавних смешениях европейцев с другими расами, обыкновенно происходивших при расселении европейской расы по всему миру.

Эта точка зрения, а именно взгляд на человека, как на прирученное существо (за единственным, быть может, исключением немногих охотничьих племен), имеет большое значение и для ясного понимания проявлений его умственной деятельности. Поведение первобытных прирученных животных, например, эскимосской собаки или чукотского северного оленя, резко отличается от поведения диких животных. Пожалуй, можно сказать, что, в общем, умственный кругозор прирученных форм, повидимому, шире, при чем эта широта кругозора возрастает по мере того, как приручение подвигается вперед. Случаи, в которых проявления умственной деятельности прирученных животных несовершеннее, чем у диких животных, встречаются, но они не столь часты, как противоположные случаи. Примером этого рода могут служить овцы.

Таким образом, мы приходим к тому заключению, что окружающая среда оказывает важное влияние на анатомическое строение и на физиологические функции человека, и что, вследствие этого, нужно ожидать различий в типе и в действиях между первобытными и цивилизованными группами одной и той же расы. Представляется вероятным, что одну из главнейших причин этих видоизменений следует усматривать в том, что при развитии цивилизации человек все более и более привыкает к домашней жизни.

---

¹⁾ C. Nachtigal, „Sahara und Sudan“, vol. II, pp. 424 et seq.

²⁾ Rudolf Martin, „Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel“ (Iena, 1905), pp. 1011—1012.

III

ВЛИЯНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТИПЫ.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению другого элемента, определяющего физический тип человека. Хотя мы уже видели, что окружающая среда, в особенности привычка к домашней жизни, имеет далеко простирающееся влияние на телесную форму человеческих рас, эти влияния играют совершенно второстепенную роль по сравнению с далеко простирающимися влияниями наследственности. Если даже допустить наибольшую степень влияния окружающей среды, все же легко убедиться в том, что все существенные черты человека обуславливаются, главным образом, наследственностью. Потомки негров всегда будут неграми, потомки белых — белыми; мы можем даже пойти значительно дальше и признать, что существенные детальны характерные черты типа всегда будут воспроизводиться в потомках, хотя они могут в значительной степени видоизменяться под влиянием окружающей среды. Я склонен полагать, что влияние окружающей среды имеет такой характер, что, хотя у одной и той же расы может вырабатываться иной тип при переходе из одной окружающей среды в другую, однако, она вернется к старому типу, если будет вновь перенесена в старую окружающую среду. Это не было доказано фактическими антропологическими данными, но представляется рациональным сделать это предположение по аналогии с тем, что мы знаем о том, что происходит в таких случаях с животными и растениями. Конечно, было бы чрезвычайно желательно выяснить этот вопрос соответственными исследованиями.

Для более ясного понимания расовой проблемы представляется необходимым определеннее охарактеризовать наследственность. В спорах антропологов нового времени относительно способа унаследования родительских черт детьми отстаивались две теории. Френсис Гальтон и его сторонники¹⁾ допускали, что форма тела

¹⁾ Francis Galton, „Natural Inheritance“. Karl Pearson, „Law of Ancestral Heredity“ (Proceedings of the Royal Society of London, vol. LXII, pp. 387, 388); „Law of Reversion“ (Ibid., vol. LXVI, pp. 142 et seq); „On a Criterion which may serve to test various Theories of Inheritance“ (Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, vol. VII [1904], pp. 524 et seq.).

индивидуума определяется тем расовым типом, к которому принадлежат родители, при чем, однако, он видоизменяется тенденцией возвращаться к типу промежуточному между специальными вариациями, представляемыми родителями. Например, если отец какого-либо индивидуума чрезвычайно высок, а мать несколько выше среднего роста, то предполагается, что у детей будет обнаруживаться тенденция к росту, несколько приближающемуся к общему типу, но в то же время зависящему от промежуточной величины, лежащей между ростом матери и ростом отца. С другой стороны, развитие учение Менделя о наследственности (Локк, Бетсон) ¹⁾ побудило других исследователей предположить, что дети лиц двух различных типов могут представлять собой смешанный тип, но что их потомки обнаружат тенденцию возвращаться или к одному или к другому из родительских типов, или что влияние одного из родительских типов может преобладать над влиянием другого родительского типа. Исследований, относящихся к этой проблеме, не очень много; но полученные до сих пор результаты, повидимому, в общем, свидетельствуют скорее в пользу видоизмененной формы наследственности в смысле Менделя, чем в пользу наследственности, характеризующейся возвращением детей к среднему типу между родителями, или к типу, зависящему от такого среднего типа.

Несколько лет тому назад мне представился случай исследовать значительное число индейцев смешанного происхождения, т.-е. родившихся от индейских матерей и белых отцов ²⁾). Наиболее характерным различием между американскою индейскою и европейскою расами, поскольку эти различия могут быть выражены количественно, оказывается ширина лица. Обширный ряд измерений ширины лица, произведенных у лиц смешанного происхождения, убедительно доказал, что ширина лица не имеет тенденций группироваться вокруг известной промежуточной величины, лежащей между шириной лица у белой расы и шириной лица у индейской расы, но что у детей оказывалась выраженная тенденция походить или на индейскую или на белую расу. Иными словами, та черта наследственности в смысле Менделя, которая вызывает появление смешанных характерных признаков у первого гибридного поколения, не наблюдалась, а вместо этого наблюдалась ясно выраженная тенденция возвращаться к тому или иному типу и сравнительная редкость промежуточных форм. Повидимому, эти результаты свидетельствуют еще и о том, что при этом смешении индейская форма преобладает над белой формой, но не в смысле Менделя, требующего наличности господствующих черт у извест-

¹⁾ R. H. Lock, „Recent Progress in the Study of Variation, Heredity and Evolution“ (1906); Bateson. „Mendelism“.

²⁾ Franz Boas, „Zur Anthropologie der nordamerikanischen Indianer“ (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, vol. XXVII [1895], pp. 366 et seq.); „The Half Blood Indian“ (Popular Science Monthly, vol. XLV [1891], pp. 761 et seq.).

ного определенного числа индивидуумов, а лишь в том смысле, что индейский тип встречался несколько чаще, чем европейский, вследствие чего средняя ширина лица всего ряда оказалась несколько ближе к индейской, чем к белой группе.

Одного этого исследования никоим образом недостаточно для полного определения черт наследственности, характерных для рассматриваемого явления; но оно решительно и бесспорно указывает на то, что, по крайней мере, в этом случае, мы имеем дело с явлением, названным Карлом Пирсоном «альтернативною наследственностью». Стоит отметить, что не во всех чертах тела индейцев смешанного происхождения обнаруживается одна и та же тенденция; так, например, относительно роста можно наблюдать общее увеличение роста лиц смешанного происхождения по сравнению с ростом чистых рас.

Феликс фон Лушан ¹⁾ обратил внимание на сходное явление, встречающееся у смешанного населения южной Малой Азии, где, по его мнению, им найдено альтернативное унаследование формы головы, в особенности в отношениях между шириной и длиной головы: у некоторых людей удерживаются короткие, высокие формы голов, свойственные сходному с армянским типу внутренней Малой Азии, между тем, как у других оказываются длинные низкие головы семитов Сирии.

Для ясного понимания законов наследственности представляется важным знать, встречается ли подобное альтернативное унаследование признаков при браках между лицами, принадлежащими к одному и тому же типу. Я имел возможность исследовать этот вопрос путем изучения восточно-европейских евреев, живущих в Нью-Йорке. Простое соображение показывает, что, если у детей обнаруживается тенденция принадлежать к типу промежуточному между типами родителей, то в одной семье в детях обнаружится одинаковая степень взаимного сродства, при чем безразлично, как велико различие между родителями. Ведь если дети просто имеют тенденцию воспроизводить средний тип, то безразлично, чрезмерно ли низкого роста мать, а отец чрезмерно высокого, или родители оба среднего роста. В обоих случаях промежуточная величина оказалась бы одною и тою же, а поэтому нам следовало бы ожидать, что действие на детей оказалось бы одним и тем же. С другой стороны, если существует какого-либо рода альтернативность в унаследовании признаков, то действие на семью оказывалось бы совершенно иным. Следовало бы ожидать, что в семье, в которой родители оба приближаются к типическому среднему, дети также окажутся близкими к этому среднему. С другой стороны, если мать чрезмерно низкого роста, а отец — чрезмерно высокого, то следовало бы ожидать, что некоторые из детей будут воспроизводить низкий рост

---

¹⁾ F. Von Luschan, „Die Tachtadschy und andere Ueberreste der alten Bevölkerung Lykiens“ (Archiv für Anthropologie, vol. XIX, pp. 31—53).

матери, а другие — высокий рост отца. Окажется, следовательно, что в случае альтернативного унаследования признаков, мы должны ожидать у детей возрастания разнообразия. Сопоставление материала, добытого путем исследования нескольких тысяч семейств, весьма определенно показывает, что у детей, родители которых оба принадлежат к одному и тому же расовому и даже к одному и тому же местному типу, изменчивость возрастает весьма значительно с возрастанием разницы между родителями; так что мы можем допускать выраженную тенденцию к альтернативному унаследованию признаков в этих случаях. Нет, однако, никаких доказательств преобладания одного типа над другим.

Было произведено значительное количество исследований об интенсивности наследственности по отношению к родителям и к деду и к бабушке, и, несмотря на недостоверность количественного результата, повидимому, можно установить, что для каждого из родителей наследственность выражается величиной, приблизительно равняющейся одной трети (Пирсон, Боас)¹⁾. Довольно трудно отчетливо выяснить значение этой величины. Я могу, однако, вкратце пояснить его следующим образом. Если рост матери отличается от расовой нормы на 9 сант., — если, например, она на 9 сант. выше, чем средний индивидум, — то мы можем ожидать, что ребенок окажется на одну треть девяти сант., т.е. на 3 сант. выше среднего. Таким образом, окажется, что, если родители оба отличаются от среднего в одном и том же направлении, то действие обоих будет суммироваться. Если оба они отличаются от свойственного их народу среднего на одну и ту же величину, то совокупное действие обоих родителей может быть выражено коэффициентом, приблизительно равняющимся двум третям. Если бы, например, и отец и мать оказались на 9 сант. выше среднего типа, то следовало бы ожидать, что ребенок окажется приблизительно на две трети среднего, т.е. на 6 сант. выше среднего роста.

Хотя еще нет определенных сведений о степени наследственности по отношению к предшествующим поколениям, однако, представляется вероятным, что дед и бабушка вместе оказывают на потомство влияние, измеряющееся приблизительно двумя девятыми; прадед и прабабушка вместе — влияние, измеряющееся приблизительно двумя двадцатую седьмыми, и т. д.

Изучая эти проблемы согласно статистическим теориям и принимая в расчет наблюдения относительно сходства братьев и сестер, можно показать, что теория альтернативного унаследования признаков не может быть принимаема в слишком буквальном смысле. Ведь, если бы наблюдалось абсолютное возвращение какой-либо черты к чистым типам предков, то мы могли бы ска-

---

¹⁾ Karl Pearson, „On the Laws of Heredity in Man“ (*Biometrika*, vol. II [1902—1903], pp. 357 et seq.) Franz Boas, „Heredity in Anthropometric Traits“ (*American Anthropologist*, N. S., vol. IX [1907], pp. 453 et seq.)

зять, что вероятность того, что два брата воспроизвели бы телесную форму одного и того же предка, была бы весьма невелика, ибо количество предков в дальних поколениях очень велико. Иными словами, должна существовать еще добавочная причина сходства между братьями и сестрами. Можно показать, что в случае, если унаследованию признаков свойственна вышеуказанная сила, и если телесная форма известного поколения обуславливается только альтернативным унаследованием признаков, действие которого исходит от родителей, деда и бабушки, прадеда и прабабушки и т. д., и это действие направлено прямо на рассматриваемое поколение, при чем одни и те же индивидуумы не встречаются на разных местах в ряду предков, то в результате между братьями и сестрами оказывалось бы гораздо менее сходства, чем действительно наблюдается. Если количество всех предков невелико, то повторение одних и тех же форм стало бы более вероятным и однородность ряда возросла бы. В общем, данные, повидимому, всего лучше объясняются, если мы предположим, что существует не только альтернативное унаследование признаков, но и прямая зависимость от комбинации двух родительских типов.

Считаю нужным повторить, что эти результаты получены не с абсолютной достоверностью, и что представляется невероятным, что законы наследственности одинаковы по отношению к разным чертам предков. Я не стану обсуждать вопроса о том, насколько эти черты следуют законам унаследования признаков в смысле Менделя. В настоящее время на этот вопрос нельзя дать определенного ответа (Дэвенпорт)¹⁾.

Эти проблемы имеют фундаментальное значение для более ясного понимания условий, влияющих на форму местных человеческих типов.

В многочисленном населении, столь неустойчивом в своих привычках, как население нынешней Европы и нынешней Америки, количество предков одного лица возрастает очень быстро. Число родителей равняется двум; дедов и бабушек — четырем; прадедов и прабабушек — восьми; теоретическое число предков за двадцать поколений до нынешнего превышало бы миллион или, точнее, оно равняется 1.048.576. Двадцать поколений представляют, соответственно коэффициенту роста населения в новое время, приблизительно семьсот лет; соответственно коэффициенту роста населения в прежнее время, самое меньшее, приблизительно четыреста лет. Эти числа получились бы для ряда поколений, представленного первородными детьми мужского пола; для первородных детей женского пола соответствующие числа были бы приблизительно пятьсот и триста пятьдесят лет. Однако, если мы

¹⁾ C. H. B. Davenport, „Heredity of Eye-Color in Man“ (Science N. S. vol. XXVI [1907], pp. 589—592); „Heredity of Hair-Form in Man“ (American Naturalist, vol. XLII, pp. 341—349) G. and Ch. Davenport, „Heredity of Hair-Color in Man“ (American Naturalist, vol. XLIII, pp. 193—211).

станем рассматривать действительное происхождение семейства, в состав которых входят и индивидуумы, родившиеся позднее, то мы можем, пожалуй, предположить, что двадцати поколениям в Европе соответствует от восьмисот до девятисот лет, а у первобытных народов, быть может, немногим менее, так как в прежние времена различия в быстроте смены последовательных поколений в Европе и у первобытных народов были не очень велики. Отсюда вытекает полная невозможность того, чтобы столь большое число предков, какое требуется теорией, могло способствовать развитию индивидуумов, составляющих нынешнее поколение. Причина этого ясна. Благодаря бракам между членами одних и тех же семейств, значительные количества предков окажутся фигурирующими в двух экземплярах в различных отцовских и материнских линиях. Итак, ряд фактических предков каждого индивидуума представляется гораздо более сложным, чем можно было бы предполагать, исходя из чисто арифметического рассмотрения вопроса. Поучительно, например, вычисление, произведенное для составления таблицы предков германского императора. По О. Лоренцу ¹⁾, количество его предков в последовательных поколениях было таково:

Поколение.	Техническое число.	Фактическое число.
I.	2	2
II.	4	4
III.	8	8
IV.	16	14
V.	32	24
VI.	64	44
VII.	128	74
VIII.	256	116 ²⁾
IX.	512	177 ²⁾
X.	1024	256 ²⁾
XI.	2048	342 ²⁾
XII.	4096	533 ²⁾

Для ряда, обнимающего собой сорок королевских фамилий, получены следующие средние:

Поколение.	Среднее число.
I.	2,00
II.	4,00
III.	7,75
IV.	13,88
V.	23 7/10
VI.	40,53

При сравнении этих условий в густо населенных частях современной Европы и Америки, с их колеблющимся населением,

¹⁾ Ottokar Lorenz, „Lehrbuch der gesamten wissenschaftlichen Genealogie“ (Berlin, 1898) pp. 289 et seq. 308, 310, 311.

²⁾ Эти поколения не вполне выяснены. Указываемые здесь числа являются наибольшими величинами, которые были бы найдены в том случае, если бы у неизвестных индивидуумов не оказалось „потери предков“.

с условиями, наблюдаемыми у первобытных племен, сразу выясняется, что число всех предков каждого типа в небольших общинах должно быть гораздо меньше, чем число предков в вышеупомянутых современных государствах. Характерный пример представляют эскимосы, живущие на берегах Смитового пролива в северной Гренландии. Судя по всему тому, что мы знаем о них, представляется чрезвычайно невероятным, чтобы в прошлом численность этой общины могла когда-либо превышать несколько сот человек. На основании наших сведений об истории эскимосских общин, мы могли бы скорее предполагать, что первоначально она состояла лишь из немногих семейств. Эта община бывала отрезана от внешнего мира в течение очень долгих периодов. Возможны были случаи присоединения новых лиц извне, пожалуй, один раз в каждое столетие, но в общем эта община оставалась совершенно изолированной. Очевидно, следовательно, что количество предков этой группы никоим образом не может равняться такому числу, как требуемый теорией миллион, но все индивидуумы должны оказаться находящимися в родстве друг с другом, благодаря свои дальним предкам.

Если принять в расчет законы наследственности в том виде, как они формулированы выше, то, повидимому, в общине такого типа, насчитывающей немного более двухсот индивидуумов, предок каждого индивидуума, начиная с восьмого поколения, должен оказаться одним и тем же, потому что для восьмого поколения теоретически требовалось бы двести пятьдесят шесть индивидуумов, т.-е. больше, чем в самом деле оказывается в общине, и существование таких индивидуумов, у которых не было бы довольно большого числа близких и дальних предков, общих для них и для всех остальных членов общины, чрезвычайно невероятно, если не невозможно.

Отсюда непосредственно вытекает, что в целом ряде изменчивость, обнаруживающаяся в колебаниях около типического для этого среднего ряда, должна быть скорее невелика, так как у всех членов группы окажется известная степень фамильного сходства. Это однообразие типов будет, конечно, тем больше, чем однообразнее группа предков.

С другой стороны, этими условиями объясняется и другая характерная черта изолированной группы. Благодаря постоянному воспроизведению типов одних и тех же предков в целой группе, тип целого народа становится весьма сходным с характерными чертами небольшой группы предков; и чем малочисленнее эти группы, тем вероятнее, что тип местной группы окажется совершенно отличающимся от типа всего народа, к которому принадлежит эта местная группа.

Мне кажется, что эти условия в значительной степени объясняют существование различных местных типов у первобытных рас. Если мы находим, например, что в Северной Америке резко выраженный тип свойственен арктическому побережью конти-

нента, что совершенно отличающийся от него тип встречается в бассейне Мекензи, а иные типы — в определенных местностях на берегах Тихого Океана, опять-таки иные типы в бассейне Миссисипи, особый тип на юго-востоке, особый тип на берегах Рио-Гранде и в Мексике, то представляется правдоподобным, что можно объяснить их происхождение возрастанием небольших изолированных групп, которое, как мы видели, непременно должно влечь за собою дифференциацию типа.

Этот взгляд на происхождение местных рас вполне согласуется с замечательными результатами, полученными Иоганнсенем в его исследованиях о наследственности ¹⁾. Он искусственно воспроизводил условия, господствующие в небольшой общине, и усиливал их действие, выбирая типы одинаковой формы и размножая их путем самооплодотворения. Он выращивал таким способом бобовые растения из бобов одинакового веса, и ему удавалось ограничивать вариации типа, так что практически любой род бобов определенной веса и определенной формы мог быть разводим с сохранением типа своего предка и без сохранения случайных вариаций предков. В тех случаях, когда группа предков восходит к ограниченному числу индивидуумов, как у наших изолированных племен, вариация не будет, конечно, до такой степени ограниченной; но характерное развитие устойчивого типа вполне аналогично опыту, произведенному Иоганнсенем.

Здесь можно еще указать и на другое явление, пока мало исследованное, но весьма заслуживающее внимания. Мы видели, что в устойчивых общинах в редко населенных странах родство между членами племен оказывается весьма близким, и что это родство непременно повлияет на тип и на его изменчивость. С течением времени между двумя районами, население которых развивалось таким образом, могут установиться сношения, и возможно множество браков между их обитателями. Само собой разумеется, что, хотя между двумя типами, по видимому, существуют лишь небольшие различия, в результате получится полный беспорядок в формах наследственности, так как сочетается большое количество людей, предки которых различны. Например, южные итальянцы и испанцы являются представителями двух типов, не очень отличающихся друг от друга по физическим чертам, но разделенных в течение веков. Небольшие итальянские деревенские общины, подобно испанским, обладают всеми характерными признаками общин, в которых эндогамные браки продолжались в течение долгого периода. В Аргентинской республике между этими двумя типами установилось общение и их члены часто вступают в брак друг с другом. У нас нет наблюдений о действии этого смешения на характерные физические черты, но было отмечено, что распределение рождаемости мальчиков и девочек оказывается совершенно иным, чем в семьях, где родители оба или испанцы или

¹⁾ W. Johannsen, „Elemente der exakten Erblchkeitslehre“ (Iena).

итальянцы (Перль) ¹⁾. Понятно также, что это может быть одним из элементов, вызывающих изменение типа городского населения по сравнению с деревенским в Европе, и, быть может, это играло роль при изменении типа, наблюдаемом у потомков европейских иммигрантов в Америке, ибо, хотя наблюдения производились над чистыми типами, в Америке браки между уроженцами различных деревень гораздо чаще, чем в Европе.

После того как мы рассмотрели влияние наследственности и окружающей среды, поскольку они определяют характерные черты различных человеческих типов, остается прибавить несколько слов относительно индивидуумов, составляющих каждый тип, и относительно различного распределения индивидуумов в различных типах.

Мне уже не раз приходилось упоминать об явлениях вариации у человеческих рас; и я уже отмечал, что, поскольку дело идет об индивидуальных чертах, мы находим, что размеры вариаций в каждом человеческом типе настолько велики, что постоянно встречается перекрывание рядов, в которых обнаруживаются вариации, в разных типах. Мы видели, например, что средней величины мозг европейцев очень часто встречается у негров, и что лишь для чрезмерно малого негритянского мозга не существует параллельных форм у европейцев, а соответственно этому и для чрезмерно большого мозга, встречающегося у европейцев, не существует параллельных форм среди мозгов негров. Степень изменчивости по отношению к различным физическим чертам весьма различна у разных рас. Например, большая часть европейских типов отличается своей значительной изменчивостью. То же самое можно сказать и относительно полинезийцев и некоторых негритянских племен. С другой стороны, такие народы, как европейские евреи, и даже в еще большей степени северо-американские индейцы, отличаются сравнительно гораздо большим однообразием. Степень изменчивости представляет значительные различия по отношению к различным физическим чертам. Очевидно, например, что цвет и форма волос у северных европейцев гораздо разнообразнее, чем цвет и форма волос у китайцев. В Европе цвета волос встречаются от белокурого до черного, при чем есть много лиц с рыжими волосами, и форма волос также очень разнообразна: от прямой до высоких степеней волнистости. С другой стороны, у китайцев не встречается таких же вариаций в темноте окраски, так как у них отсутствуют белокурые и индивидуумы с курчавыми волосами. Подобные же наблюдения могут быть произведены и относительно роста, формы головы и любой иной черты тела, которая может быть выражена при посредстве измерений.

---

¹⁾ M. D. and Raymond Pearl, „On the Relation of Race Crossing to the Sex Ratio“ (Biological Bulletin, vol. XV [1908], pp. 194 et seq.).

Причина различий изменчивости отчасти указана в наших предшествующих замечаниях. Мы видели, что изменчивость народа уменьшается, если он произошел от малочисленной однообразной группы; с другой стороны, изменчивость может значительно увеличиться, если происхождение группы очень разнообразно, или если предки принадлежат к совершенно различным типам. Во всех исследованных случаях, даже и в тех, в которых изменчивость невелика, между индивидуумами, составляющими племенную или национальную или иную социальную единицу, все же остаются значительные различия в телесных формах, при чем то, что верно относительно физических черт, очевидно, не менее применимо и к умственным чертам, но трудно выразить характерные черты ума числами, при посредстве которых определяется изменчивость. Однако, при ознакомлении с племенами, быт которых, очевидно, наиболее прост в социальном отношении, обнаруживается существование известных индивидуумов, принадлежащих к разнообразнейшим типам по своему характеру и уму. Если же мы станем рассматривать умственное состояние в зависимости от телесной формы, то большее разнообразие строения тела, в особенности мозга, обнаруживающееся даже и в наиболее однообразной группе, делает вероятными весьма значительные различия в индивидуальных свойствах.

Сказанное выше относительно перекрывания вариаций у различных рас и типов и значительной изменчивости в каждом типе можно также выразить, сказав, что различия между разными человеческими типами, в общем, не велики по сравнению со степенью изменчивости в каждом типе.

Важность этих наблюдений в сфере умственного развития составит предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

IV

УМСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОБЫТНОГО И ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА.

В предшествующих главах мы рассмотрели биологические условия различных рас и разных социальных групп, поскольку эти условия образуют основу умственной деятельности. Мы должны теперь обратить внимание на психологические характерные черты человечества при изменении расовых свойств и условий, зависящих от окружающей среды.

Если мы станем рассматривать нашу проблему с чисто психологической точки зрения, то нам предстоит придерживаться тех же приемов, которых мы держались при нашем рассмотрении анатомической проблемы. Мы должны постараться ясно указать типические различия между умом человека и умом животных, которые мы должны иметь в виду, приступая к нашему исследованию. При рассмотрении психических различий между цивилизованным и первобытным человеком, мы должны разграничить две проблемы: проблему различий в культурном состоянии членов одной и той же расы и проблему различий в характерных чертах разных рас; иными словами, мы должны разграничить проблемы влияний, оказываемых окружающей средой, и проблемы влияний наследственности.

Для целей нашего исследования нам нет надобности углубляться в рассмотрение первой из вышеуказанных проблем, а именно различий между умом животного и умом человека. Эти различия столь резки, что относительно них существуют лишь незначительные разногласия, или их вовсе не оказывается. Двумя внешними чертами, в которых находит выражение различие между умом животного и умом человека, являются существование у человека организованной членораздельной речи и пользование орудиями, находящими различное применение. И то и другое составляет общее достояние всего человечества. Никогда не встречалось такого племени, которое не обладало бы хорошо организованным языком; никогда не встречалось такой общины, которой не были бы известны употребление инструментов для разбивания, резания или сверления и применение огня и оружия, служа-

щего для самозащиты и для добывания средств к существованию. Хотя у животных имеются способы общения при посредстве звуков, и хотя, повидимому, даже у низших животных имеются способы для осуществления сотрудничества между различными индивидуумами, нам неизвестно ни одного случая, в котором у животных было бы установлено существование подлинной членораздельной речи, из которой исследователь мог бы извлечь абстрактные принципы классификации идей.

Возможно также, что высшие обезьяны иногда пользуются для защиты ветвями деревьев или камнями, но ни для одного из представителей животного ряда не констатировано, что он употребляет сложные орудия. Лишь по отношению к жилищам мы находим некоторое приближение к более сложным родам деятельности; но эти роды деятельности остаются абсолютно неизменными у каждого вида, — как мы выражаемся, инстинктивными, — и они вовсе не свидетельствуют о какой-либо индивидуальной свободе применения, составляющей основной признак человеческих изобретений. Происхождение у животных видов инстинктивной деятельности, ведущей к сложным механическим построениям, все еще не выяснено; но отношение принадлежащего к данному виду индивидуума к этим родам деятельности отличается от отношения человека к его изобретениям полным отсутствием свободы контроля.

Мы привыкли говорить, что существенной характерной чертой умственных процессов человека является способность к рассуждению. Хотя животные могут так же, как человек, совершать действия, приспособленные к достижению какой-либо цели, основанные на воспоминании о результатах прежних действий и на подходящем выборе действий, соответствующих известному намерению, у нас, тем не менее, нет никаких данных, которые показывали бы, что абстрактные понятия, сопровождающие действие, могут быть составляемы животными, между тем как все человеческие группы, от первобытнейших до стоящих на высших ступенях развития, обладают этой способностью.

Этих немногих замечаний относительно общих умственных черт человека достаточно. Приступая к рассмотрению расовых и социальных характерных черт человеческого ума, мы встречаемся с особою трудностью. Мы всегда мыслим в терминах, свойственных окружающей нас социальной среде. Но виды деятельности человеческого ума представляют у народов, населяющих мир, бесконечное разнообразие формы. Для ясного понимания их исследователь должен стараться вполне отрешиться от мнений и эмоций, в основе которых лежит та специфическая социальная среда, с которой он сроднился. Он должен, по мере возможности, приспособлять свой ум к уму изучаемого им народа. Чем более ему удастся освободиться от односторонности, вытекающей из группы идей, свойственных той цивилизации, среди которой он живет, тем успешнее он будет истолковывать человеческие веро-

вания и действия. Он должен прослеживать новые для него черты склада мысли. Он должен становиться причастным к новым эмоциям и понимать, как при непривычных для него условиях те и другие влекут за собою определенные действия. Верования и обычаи людей и то, каким образом индивидуум отзывается на события повседневной жизни, — все это дает нам много случаев наблюдать проявления человеческого ума при изменяющихся условиях.

Ясно, что мысли и действия цивилизованного человека и мысли и действия, констатируемые при наличности более первобытных общественных форм, доказывают, что в разных группах человеческого рода ум, подвергаясь влиянию одних и тех же условий, отзывается на них совершенно различным образом. Двумя основными характерными чертами в первобытном обществе представляются: недостаток логической связи в выводах, недостаток контроля по отношению к воле. При составлении мнений, верования становятся на место логического доказательства. Эмоциональное значение мнений велико, и вследствие этого они быстро влекут за собой действия. Воля представляется неуравновешенной, так как она легко поддается сильным эмоциям, но оказывает упорное сопротивление тогда, когда дело идет о пустяках.

К сожалению, такие описания умиротворенного состояния первобытных людей, как те, которые мы находим у большинства путешественников, слишком поверхностны для того, чтобы ими можно было пользоваться для психологического исследования. Очень немногие путешественники понимают язык посещаемого ими народа; но как можно судить о племени лишь по описаниям переводчиков или по наблюдениям, относящимся к бессвязным действиям, мотивы которых остаются неизвестными? Но даже если язык народа известен путешественнику, последний обыкновенно выслушивает его рассказы, не будучи способен вникнуть в них. Миссионер проникнут сильным предубеждением против религиозных идей и обычаев первобытных людей, а торговец не интересуется их верованиями и варварскими искусстваами. Таких исследователей, как Кэшинг, Каллауэй и Грэй, которые серьезно старались вникнуть во внутреннюю жизнь народа, немного, и их можно пересчитать по пальцам. Тем не менее, в основе большей части аргументов всегда лежат рассказы торопливых и поверхностных наблюдателей. Было сделано множество попыток описать характерные психологические черты первобытного человека.

Я здесь упомяну о попытках Клемма ¹⁾, Каруса ²⁾, де-Гобино ³⁾,

¹⁾ Gustav Klemm, „Allgemeine Culturgeschichte“ (Leipzig, 1843), vol. I, pp. 196 et seq. С его взглядами соглашается A. Wuttke, „Geschichte des Heidentums“ (Breslau, 1852—53), vol. I, p. 36.

²⁾ Carl Gustav Carus, „Ueber die ungleiche Befähigung der verschiedenen Menschheitstämme für höhere geistige Entwicklung“ (Denkschrift zum hundertjährigen Geburtsfeste Goethe's, Leipzig, 1849).

³⁾ I. A. de Gobineau, „Essai sur l'inégalité des races humaines“ (Paris, 1853—55).

Нотта и Глидона ¹⁾, Вайца ²⁾, Спенсера ³⁾, Тайлора ⁴⁾). Их исследования заслуживают внимания как описания характерных черт первобытных людей, но ни об одном из них нельзя сказать, что они описывают психологический характер рас, независимо от их социальной среды. Клемм и Вуттке характеризуют цивилизованные расы как активные, а все другие — как пассивные и предполагают, что все элементы и начатки цивилизации, всречающиеся у первобытных людей — в Америке или на островах Тихого Океана — обязаны своим существованием раннему соприкосновению с цивилизацией. Карус разделяет человечество на «народы дня, ночи и зари». Де-Гобино называет желтую расу мужским элементом, черную — женским и считает лишь белых благородной и одаренной расой. Нотт и Глидон приписывают животные инстинкты лишь низшим расам, утверждая, что белой расе свойственен высший инстинкт, возбуждающий и направляющий ее развитие.

Верование в высшие наследственные способности белой расы возродилось в связи с современным учением о прерогативах ума лиц, призванных к господству, нашедшим наиболее смелое выражение в сочинениях Ницше.

Все такие взгляды представляют собой обобщения, в которых или не принимаются надлежащим образом в расчет социальные условия жизни рас и, таким образом, причина смешивается с действием, или же они продиктованы научными или гуманитарными интересами, желанием оправдать рабство или стремлением предоставить наибольшую свободу наиболее одаренным.

Тайлор и Спенсер, дающие остроумный анализ умственной жизни первобытного человека, не допускают существования расовых характерных черт, хотя эволюционная точка зрения труда Спенсера, повидимому, часто приводит к этому выводу.

Вайц ⁵⁾ держится совершенно иной точки зрения. Он говорит: «По распространенному мнению, стадия культуры, достигнутая народом или индивидуумом, является в значительной степени или исключительно продуктом его способностей. Мы утверждаем, что обратное положение, по меньшей мере, столь же верно. Выражение «способности человека» означает лишь указание на то, что он способен сделать в ближайшем будущем, и эти способности зависят от прежних стадий культуры и от той стадии культуры, которой он достиг».

Взгляды этих исследователей показывают, что относительно характерных признаков первобытных рас в психологии господ-

¹⁾ Nott and Gliddon, „Types of Mankind“ (Philadelphia, 1854); „Indigenous Races of the Earth“ (Philadelphia, 1857).

²⁾ Theodor Waitz, „Anthropologie der Naturvölker“, (2d ed., Leipzig, 1877).

³⁾ Herbert Spencer, „Principles of Sociology“.

⁴⁾ Edward Tylor, „Researches into the Early History of Mankind; Primitive Culture“.

⁵⁾ Theodor Waitz, „Anthropologie der Naturvölker“ (2d ed., 1877). vol. I, p. 387.

ствуется еще большее смешение понятий, чем в анатомии, и что не установлено ясного разграничения между расовой и социальной проблемами. Иными словами, в основе аргументации лежат частью предполагаемые характерные черты умственной жизни рас, какова бы ни была стадия их культуры, частью же характерные черты племен и народов, достигших различных стадий цивилизации, при чем не принимается в расчет, принадлежат ли они к одной и той же расе или к различным. Однако эти две проблемы совершенно различны: первая из них является проблемой наследственности, вторая — проблемой окружающей среды.

Итак, мы признаем возможность двух объяснений различных проявлений человеческого ума. Возможно, что в умах различных рас обнаруживаются различия организации, так что законы умственной деятельности могут оказываться неодинаковыми для всех умов. Но возможно также, что организация ума в действительности тождественна у всех человеческих рас, что умственная деятельность повсюду подчиняется одним и тем же законам, но что ее проявления зависят от характера индивидуального опыта, подверженного действию этих законов.

Вполне очевидно, что роды деятельности человеческого ума зависят от этих двух элементов. Организация ума может быть определена как группа законов, определяющих формы мысли и действия, независимо от того, на какой предмет направлена умственная деятельность. Такого рода законам подчинены способ отличия одних представлений от других, ассоциация представлений с прежними представлениями, действия, вызываемые стимулами, и возникновение эмоций, порождаемых стимулами. Эти законы в значительной степени определяют проявления ума. В них мы усматриваем наследственные причины.

Но, с другой стороны, легко показать, что влияние индивидуального опыта весьма велико. Человеческий опыт накапливается, главным образом, благодаря часто повторяющимся впечатлениям. Один из основных законов психологии гласит, что повторение умственных процессов увеличивает легкость, с которой совершаются эти процессы, и уменьшает степень сопровождающей их сознательности. Этот закон выражает хорошо известные явления привычки. Когда известное представление часто ассоциируется с другим предшествовавшим представлением, одно из них обыкновенно будет вызывать другое. Когда известный стимул часто вызывает известное действие, он будет клониться к тому, чтобы обыкновенно вызывать то же самое действие. Если стимул часто порождал известную эмоцию, он будет клониться к тому, чтобы воспроизводить ее всякий раз. Эти причины принадлежат к группе причин, данных в окружающей среде.

Итак, объяснение деятельности человеческого ума требует рассмотрения двух различных проблем. Первая из них относится к вопросу об единстве или разнообразии организации ума, а вторая относится к разнообразию, порождаемому различием содер-

жаний ума, в том виде, как они бывают даны в различных социальных и географических средах. Задача исследователя в значительной степени заключается в разграничении этих двух причин и в выяснении роли каждой из них в развитии особенностей ума.

Мы займемся сперва вопросом о том, существуют ли различия в организации человеческого ума. С тех пор как Вайц основательно рассмотрел вопрос об единстве человеческого рода, не подлежит сомнению, что характерные умственные признаки человека в главных чертах одинаковы во всем мире; но остается неразрешенным вопрос, существует ли достаточное различие в степени, чтобы позволить нам предполагать, что нынешние человеческие расы могут быть рассматриваемы как стоящие на различных ступенях эволюционного ряда; имеем ли мы право приписывать цивилизованному человеку более высокое положение по организации, чем первобытному человеку.

Главная трудность при разрешении этого вопроса была указана выше. Она заключается в недостоверности того, какие из характерных черт первобытного человека являются причинами низкого уровня культуры и какие обусловлены последним; или какие из характерных психологических признаков оказываются наследственными и не могут быть устранены влиянием, оказываемым цивилизацией. Основная трудность собирания удовлетворительных наблюдений заключается в том факте, что в настоящее время не существует таких больших групп первобытных людей, которые были бы поставлены в условия, обеспечивающие им действительное равенство с белыми. Между нашим обществом и их обществом всегда остается резкое различие, и поэтому нельзя ожидать, чтобы их умы функционировали таким же образом, как наш. То же самое явление, на основании которого мы пришли к тому заключению, что для первобытных рас в настоящее время не представляется благоприятных случаев для развития их способностей, не позволяет нам судить об их природных способностях.

Представляется целесообразным, прежде всего, обратить наше внимание на эту трудность. Если можно показать, что известные умственные черты оказываются общими для всех членов человеческого рода, цивилизация которых носит первобытный характер, то вывод, согласно которому эти черты являются, главным образом, социальными или основанными на характерных физических признаках, обуславливаемых социальной окружающей средой, становится гораздо более убедительным.

Я выберу для выяснения занимающего нас вопроса лишь немногие из характерных умственных черт первобытного человека, а именно: подавление импульсов, способность сосредоточить внимание, способность к оригинальному мышлению.

Сперва мы рассмотрим вопрос, насколько первобытный человек способен подавлять импульсы (Спенсер)¹⁾.

¹⁾ Herbert Spencer, „The Principles of Sociology“ (New-York, 1893). vol. I, pp 55 et seq. 59—61.

Впечатление, выносимое многими путешественниками, а также основанное на опытах, производившихся в Соединенных Штатах, таково, что общей чертой первобытных людей всех рас и сравнительно менее образованных людей нашей расы является то, что они не умеют сдерживать эмоций, что они легче поддаются импульсам, чем люди цивилизованные или высоко образованные. Я полагаю, что этот взгляд в значительной степени объясняется тем, что высказывающие его лица не выясняют, в каких именно случаях в разных формах общества требуется строгое сдерживание импульсов.

Большую часть, чтобы доказать эту предполагаемую особенность, указывают на непостоянство первобытного человека, на изменчивость настроения и на силу страстей, возбуждаемых в нем причинами, повидимому, маловажными. Относительно этого я прямо скажу, что путешественник или исследователь измеряет непостоянство людей значением, приписываемым им таким действиям и намерениям, по отношению к которым они не обнаруживают настойчивости, и что он взвешивает импульс, вызывающий взрывы страсти, применяя свой масштаб. Приведу пример. Путешественник, желающий как можно скорее достигнуть своей цели, обязывает людей отправиться в путь в известное время. Для него время чрезвычайно дорого. Но какое значение имеет время для первобытного человека, не сознающего, что следует окончить определенную работу к определенному времени? Между тем как путешественник сердится и негодует по поводу замедления, его наемники продолжают весело болтать и смеяться, и их невозможно побудить к усилиям иными способами, кроме того, чтобы вызвать в них желание угодить господину. Не были бы они правы, если бы стали порицать многих путешественников за их импульсивность и отсутствие самообладания, когда их раздражает такая маловажная причина, как потеря времени? Наоборот, путешественник жалуется на непостоянство туземцев, скоро перестающих интересоваться предметами, занимающими его.

Для того, чтобы надлежащим образом сравнить непостоянство дикарей и белых, следует сравнивать их поведение в таких предприятиях, которые одинаково важны для каждого из них, т.-е., когда нам нужно дать верную оценку способности первобытного человека сдерживать импульсы, мы не должны сравнивать сдержанность, требующуюся от нас в известных случаях, и сдержанность, проявляемую в тех же случаях первобытным человеком. Если, например, наш социальный этикет воспрещает выражение чувств личного огорчения и беспокойства, то мы должны помнить, что личный этикет у первобытных людей может не требовать какого-либо сдерживания чувств этого рода. Мы должны, скорее, искать таких случаев, в которых сдержанность требуется обычаями первобытных людей. Таковы, например, многочисленные случаи, для которых установлено табу, т.-е. запрещение питаться известными веществами или выполнять известного рода

работу, что иногда требует значительного самообладания. Когда эскимосская община голодает, а ее религиозные предписания запрещают ей воспользоваться греющимися на льду тюленями, то степень самообладания целой общины, удерживающей ее членов от умерщвления этих тюленей, конечно, очень велика. Другими примерами могут служить настойчивость первобытного человека при изготовлении им своей утвари и своего оружия, его готовность подвергаться лишениям и тягостям, нужным, как он уверен, для исполнения его желания; например, готовность индейского юноши поститься в горах в ожидании появления своего духа хранителя; или храбрость и выносливость, проявляемые ими, с целью добиться приема в ряды мужчин своего племени; или часто описываемая выносливость, проявляемая индейскими пленными, подвергаемыми попытке их врагами.

Утверждали также, что первобытный человек обнаруживает недостаток сдержанности в своих вспышках страсти, вызываемых незначительными раздражениями. По моему мнению, в этом случае различие между цивилизованным и первобытным человеком в способе отзываться на раздражение также исчезает, если мы обратим надлежащее внимание на социальные условия, в которых живет индивидуум.

Что сказал бы первобытный человек относительно благородной страсти, вспыхнувшей перед началом междоусобной войны в Америке и проявлявшейся во время этой войны? Не показались ли бы ему права невольников в высшей степени неважным вопросом? С другой стороны, имеется много доказательств того, что его страсти столь же сдерживаются, как и наши, но только в других направлениях. Примером могут служить многочисленные обычаи и ограничения, регулирующие половые отношения. Различие в импульсивности может быть вполне объяснено различным значением, придаваемым мотивам в том и в другом случае. Одним словом, постоянство и сдерживание импульсов требуются от первобытного человека так же, как и от цивилизованного, но в других случаях. Если они не требуются так часто, то причины этого следует искать не в присущей первобытному человеку неспособности проявлять таковые, а в социальном состоянии, не требующем их проявления в такой же степени.

Спенсер ¹⁾ упоминает, как частный случай этого недостатка сдержанности, непредусмотрительность первобытного человека. Я полагаю, что правильнее было бы говорить не о непредусмотрительности, а об оптимизме. «Почему бы мне завтра не иметь такого же успеха, как сегодня?» — таково основное чувство первобытного человека. По моему мнению, это чувство не менее сильно развито у цивилизованного человека. На чем, как не на вере в устойчивость существующих условий, основана коммерческая деятельность? Почему бедняки без колебаний вступают

1) См. предыдущую выноску.

и брак, не будучи в состоянии заранее откладывать сбережения? Мы не должны забывать, что у первобытных людей голодная смерть представляется таким же исключительным случаем, как у цивилизованных людей финансовый кризис; и что для таких периодов нужды, которые наступают регулярно, всегда заготавливаются запасы. Наше социальное состояние устойчивее, поскольку дело идет о приобретении необходимейшего для жизни, так что исключительные условия не часто наступают; но нельзя утверждать, что большинство цивилизованных людей всегда способно свести концы с концами. Мы можем признать различие в степени непредусмотрительности, обусловливаемое различием социального положения, но не специфическое различие между низким и высшим типами людей.

В связи с недостатком способности подавлять импульсы находится еще и другая черта, приписываемая первобытному человеку всех рас, — его неспособность сосредоточиться, когда приходится пользоваться более сложными умственными способностями. Я упомяну пример, который, как мне кажется, способствует выяснению ошибки, допускаемой при этом предположении. В своем описании туземцев западного берега острова Ванкувера Спрот говорит: «Вообще ум туземца кажется образованному человеку сонным... Когда его внимание вполне пробуждено, он проявляет живость в ответах и находчивость в споре. Но краткий разговор утомляет его, в особенности, если задаются вопросы, требующие с его стороны напряжения мысли или памяти. Тогда ум дикаря как бы колеблется взад и вперед просто вследствие своей слабости» ¹⁾. Приведя эту цитату, Спенсер прибавляет ряд других свидетельств, подтверждающих это утверждение. Я знаю упоминаемые Спротом племена по личным сношениям с ними. В действительности вопросы, предлагаемые путешественником, большей частью кажутся индейцу маловажными, и он, понятно, скоро устает от разговора, который ведется на иностранном языке, и в котором он не находит ничего для себя интересного. В действительности этих туземцев легко заинтересовать, и часто первым уставал я. Сложная система обмена, существующая у туземцев, также вовсе не свидетельствует об умственной неподвижности в делах, их касающихся. Без мнемонических пособий они составляют план систематического распределения своей собственности таким образом, чтобы увеличить свое богатство и улучшить свое социальное положение. Эти планы требуют большой предусмотрительности и постоянного внимания.

Наконец, я желаю упомянуть о той черте умственной жизни первобытного человека всех рас, на которую часто указывалось как на главную причину неспособности известных рас достигнуть более высокого уровня культуры, а именно об отсутствии у них оригинальности. Говорят, что консерватизм первобытного чело-

---

¹⁾ G. M. Sprott, „Scenes and Studies of Savage Life“ (1868), p. 120.

века настолько силен, что индивидуум никогда не уклоняется от традиционных обычаев и верований (Спенсер)¹⁾. Правда, в этом утверждении заключается известная доля истины, поскольку у первобытных людей существует большее количество обязательных обычаев, чем в цивилизованном обществе, по крайней мере в наиболее высоко развитых типах последнего, однако, в жизни первобытных людей нет недостатка в проявлениях оригинальности. Упомяну об очень частом появлении пророков среди новообращенных равно как и среди языческих племен. Что касается последних, мы очень часто узнаем о новых догматах, вводимых такими индивидуумами среди их. Правда, очень часто можно установить влияние идей окружающих племен на эти догматы, но они видоизменяются благодаря индивидуальности данной личности и прививаются к общепринятым верованиям народа. Хорошо известен тот факт, что мифы и верования распространяются, и что в процессе распространения они подвергаются изменениям (Боас)²⁾. Не подлежит сомнению, что это часто совершалось благодаря независимой мысли индивидуумов, свидетельством чего может служить возрастающая сложность эзотерических доктрин, доверяемых жрецам. По моему мнению, одним из лучших примеров такой независимости мысли является история церемоний пляски духов в Северной Америке (Муней)³⁾. Доктрины пророков, проповедывающих учение о пляске духов, были новы, но в основе их лежат идеи их народа, их соседей и учения миссионеров. Понятие о будущей жизни у индейского племени, живущего на острове Ванкувере, подверглось, таким образом, изменению, поскольку возникла идея о том, что мертвые оживают в детях их собственного семейства. Такая же независимость мысли сказывается в цитируемых у Овиедо⁴⁾ ответах индейцев Никарагуа на вопросы об их религии, заданные им Бобадильей.

Мне кажется, что в направлении умственной деятельности индивидуумов, развивающихся, таким образом, верования племени, обнаруживаются такие же черты, как у цивилизованных философов. Лицам, изучающим историю философии, хорошо известно, насколько сильное влияние оказывают на ум даже и величайшего гения распространенные в его время мысли. Это хорошо выразил один немецкий писатель (Леман)⁵⁾. Он говорит: «Характер философской системы точно так же, как и всякого другого литературного произведения, определяется, во-первых, личностью ее творца. Всякая подлинная философия отражает в себе жизнь фи-

1) Herbert Spencer, l. c. p. 70.

2) Franz Boas, „The Growth of Indian Mythologies“ (Journal of American Folk-lore, vol. IX [1896], pp. 1—11).

3) I Mooney, „The Ghost-Dance Religion“ (Fourteenth Annual Report of the Bureau of Ethnology, pp. 641 et seq.).

4) Oviedo y Valdés, „Historia General y Natural de las Indias“ [1535—57] (Madrid, 1851—55), Bk. XI. III Chaps, 2, 3 (цитировано у Спенсера, Descriptive Sociology, № II, pp. 42—43).

5) Rudolf Lehmann, „Schopenhauer“.

лософа так же, как всякая настоящая поэма — жизнь поэта. Во-вторых, она носит общий отпечаток данного периода, и чем могущественнее провозглашаемая ею идея, тем сильнее она проникнута жизненными течениями мысли, свойственными данному периоду. В-третьих, на нее влияет особое направление философской мысли данного периода».

Если это можно сказать даже и о величайших умах всех времен, то что же удивительного в том, что в первобытном обществе на мыслителя сильно влияют распространенные в его время мысли? Бессознательные и сознательные подражания являются факторами, влияющими на цивилизованное общество не менее, чем на первобытное, как показал Г. Тард¹⁾, доказавший, что как первобытный, так и цивилизованный человек подражает не только таким действиям, которые полезны, и для подражания которым можно указать логические основания, но и действиям, для усвоения или сохранения которых нельзя указать никакого логического основания.

По моему мнению, вышеизложенные соображения выясняют, что во многих случаях различия между человеком цивилизованным и первобытным оказываются скорее кажущимися, чем действительными; что вследствие особых характерных черт социальных условий, эти условия легко производят такое впечатление, как будто ум первобытного человека функционирует совершенно иначе, чем наш, между тем как в действительности основные черты ума одинаковы.

Это означает не отсутствие всяких различий или невозможность найти таковые, а лишь то, что следует применять иной метод исследования. Невероятно, что умы рас, у которых обнаруживаются различия в анатомическом строении, функционируют совершенно одинаковым образом. Различия в строении должны сопровождаться различиями в функциях как физиологических, так и психологических; и подобно тому, как мы нашли явные доказательства различия в строении между расами, мы должны предвидеть, что будут открыты и различия в характерных умственных чертах. Так, меньшая величина или меньшее количество нервных элементов, вероятно, влекут за собой уменьшение умственной энергии, и немногочисленность связей в центральной нервной системе, вероятно, вызывает неповоротливость ума. Как указано выше, вероятно, будут открыты некоторые небольшие различия этого рода, например, между белыми и неграми, но они еще не доказаны. Так как все структурные различия количественны, то следует ожидать, что окажется, что умственные различия имеют такой же характер. Подобно тому как мы нашли, что вариации в строении перекрывают друг друга, так что многие формы оказываются общими для индивидуумов всех рас, мы можем ожидать, что многие индивидуумы не будут отличаться друг от

---

¹⁾ G. Tarde, „Les Lois de l'imitation“.

друга по способностям, между тем как статистическое исследование, охватывающее целые расы, обнаружило бы известные различия. Далее, подобно тому как известные анатомические черты оказываются наследственными в известных семьях, а следовательно и у племен, а, быть может, даже и у народов, точно так же и умственные черты характеризуют известные семьи и могут преобладать у племен. Однако, повидимому, невозможно удовлетворительно разграничить социальные и наследственные черты. Попытка Гальтона ¹⁾ установить законы наследственного гения и позднейшие изыскания в том же направлении намечают способ исследования этих вопросов, который окажется полезным, поскольку он открывает метод определения влияния наследственности на умственные качества.

Выяснив, таким образом, что, поскольку специфические различия, допускаемые между цивилизованным и первобытным человеком и выведенные из сложных психических реакций, могут быть сведены к одним и тем же основным психическим формам, мы вправе отклонить, как бесполезное, рассмотрение наследственных умственных черт различных разветвлений белой расы. Много было толков о наследственных характерных чертах евреев, цыган, французов и ирландцев: но я не нахожу, чтобы когда-либо были удовлетворительно выделены внешние и социальные причины, под влиянием которых складывался характер лиц, принадлежащих к этим народам, и, более того, мне неясно, каким образом можно было бы это сделать. Легко указать несколько внешних факторов, влияющих на тело и на ум, — климат, питание, занятие, — но, коль скоро мы приступаем к рассмотрению социальных факторов и умственного состояния, мы не в состоянии определенно сказать, что является следствием и что — причиной. Повидимому, превосходное рассмотрение внешних влияний на характер народа было дано А. Верником ²⁾ в его характеристике японцев. Он находит, что некоторые из их особенностей обуславливаются недостатком энергии мускульной системы и пищеварительных органов, в свою очередь, обуславливаемым неудовлетворительным питанием; затем он признает наследственными другие физиологические черты, влияющие на ум. И все же насколько неудовлетворительными представляются его выводы, после того как японцы проявили энергию и выносливость в своем развитии в новое время и в борьбе с русскими!

Можно было бы ожидать, что последствия плохого питания многих поколений оказывают влияние на умственную жизнь бушменов и лапландцев (Вирхов) ³⁾; но все же, после вышеприве-

¹⁾ Francis Galton, „Natural Inheritance; Hereditary Genius“. Karl Pearson, „Biometrika“.

²⁾ A. Wernich, „Geographisch-medicinische Studien nach den Erlebnissen einer Reise um die Erde“ (Berlin, 1878), pp. 81 et seq.

³⁾ Rudolf Virchow, „Die physischen Eigenschaften der Lappen“ (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte, vol. VII [1875], pp. 34 et seq.; так же vol. XXII [1890], p. 411.

денного примера, мы можем, конечно, не спешить высказать какие-либо определенные заключения.

Итак, мы, повидимому, не вправе объяснять различие в умственном состоянии разных групп людей, в особенности находящихся в близком родстве между собою, наследственными причинами, пока мы не в состоянии доказать наследственность физиологических и соответствующих им психологических черт, независимо от социальной и природной окружающей среды.

Этого рода труд начат экспериментальными исследованиями школьных детей в области простых проявлений умственной деятельности и простых физиологических процессов; в трудах Кембриджской научной экспедиции к Торресову проливу (Риверс)¹⁾ была произведена первая систематическая попытка изучения простых психических реакций первобытных людей; подобным же исследованиям были подвернуты те первобытные люди, которые фигурировали на Всемирной выставке в Сен-Луи. Эти исследования систематически производились доктором Вудвортом²⁾. Пока результаты их, в общем, оказываются неблагоприятными для тесри, согласно которой существуют очень глубокие различия между разными расами.

Остается выяснить еще один вопрос, относящийся к нашему исследованию органической основы умственной деятельности, а именно вопрос: была ли органическая основа для человеческих способностей улучшена благодаря цивилизации, и в особенности, может ли органическая основа для умственных способностей первобытных рас быть улучшена цивилизацией? Мы должны рассмотреть как анатомическую, так и психологическую сторону этого вопроса. Я уже указал, что цивилизация обуславливает анатомические изменения такого же рода, как изменения, сопровождающие приручение животных. Вероятно, рука об руку с ними идут изменения умственного характера. Однако, наблюдавшиеся анатомические изменения ограничиваются этой группой явлений. Мы не можем доказать, что в человеческом организме произошли какие-нибудь прогрессивные изменения; в частности, нельзя доказать возрастания величины или сложности строения центральной нервной системы, обусловленного накапливающимися действиями цивилизации.

Еще труднее доказать прогресс в развитии способностей. Мне кажется, что, вероятно, влияние цивилизации на эволюцию человеческих способностей очень преувеличивалось. Психические изменения, являющиеся непосредственным следствием приручения или цивилизации, могут быть значительны. Эти изменения обуславливаются влиянием окружающей среды. Сомнительно, однако,

---

1) W. H. R. Rivers, "Observations in the Senses of the Todas" (Journal of Psychology, vol. I [1905], pp. 322 et seq.).

2) Полные результаты этих исследований не были обнародованы. Исследования относительно слуха были обнародованы Франком Г. Брунером, "The Hearing of Primitive Peoples" (New York, Science Press, 1908).

наступили ли какие-либо прогрессивные изменения или такие изменения, которые передаются благодаря наследственности. Число поколений, подвергавшихся этому влиянию, в общем, представляется слишком небольшим. Для обширных частей Европы мы не можем предположить, чтобы это число превышало сорок или пятьдесят поколений, и даже это число, вероятно, слишком велико, поскольку в средние века большая часть населения находилась на весьма низких ступенях цивилизации.

Кроме того, тенденция человеческого размножения такова, что наиболее культурные семьи исчезают, между тем как другие семьи, менее подвергавшиеся влияниям, регулирующим жизнь культурнейшего класса, занимают их место. Поэтому то, что движение вперед наследственно, гораздо менее вероятно чем то, что оно передается путем воспитания.

При выяснении благотворных действий цивилизации, усваиваемой путем передачи, вообще придается большое значение случаям возвращения индивидуумов, принадлежащих к первобытным расам и получивших образование, в первобытное состояние. Эти случаи возвращения в первобытное состояние истолковываются как доказательство неспособности ребенка, принадлежащего к нижней расе, приспособиться к нашей превосходной цивилизации, даже когда ему предоставляются наиболее благоприятные условия. Правда, упоминается значительное число таких случаев. Упомяну о том огнеземельце, который, по словам Дарвина ¹⁾, прожил в Англии несколько лет и, возвратившись на родину, вернулся к образу жизни своих первобытных соотечественников; и о девушке из западной Австралии, которая вышла замуж за белого, но внезапно бежала в чащу, умертвив своего мужа, и стала снова жить с туземцами. Случаи этого рода действительно бывали, но ни один из них не описан с достаточными подробностями. Общественное положение и умственное состояние упоминаемых индивидуумов никогда не подвергались тщательному анализу. Я склонен думать, что даже в крайних случаях, несмотря на полученное этим индивидуумами лучшее образование, их положение в обществе всегда было изолированным, между тем как благодаря узам родства продолжала существовать их связь с их нецивилизованными собратьями. Та сила, с которой общество удерживает нас в себе и не дает нам возможности выйти из своих пределов, не могла оказывать на них столь же сильного действия как на нас. С другой стороны, состояние, достигнутое многими неграми в условиях нашей цивилизации, имеет, мне кажется, не меньшее значение, чем очень старательно и усердно подобранные немногочисленные случаи возвращения в первобытное состояние. Наряду с ними можно, по моему мнению, поставить те случаи,

---

¹⁾ Charles Darwin, „Journal of Researches into the Natural History and Geology of the Countries visited during the Voyage of H. M. S. Beagle round the World“ (New York, 1895), pp. 228—229.

когда среди туземных племен живут белые люди, почти всегда впадающие в полуварварское состояние, и когда члены преуспевающих семейств предпочитают неограниченную свободу общественным стеснениям и бегут в пустыню, где многие из них ведут жизнь, ни в каком отношении не стоящую выше жизни первобытного человека. При исследовании поведения членов иноземных рас, получивших образование в европейском обществе, мы должны также иметь в виду влияние мыслей, чувств и действий, к которым они привыкли в раннем детстве, и о которых у них не сохранилось никакого воспоминания. Если верно предположение С. Фрейда, согласно которому эти забытые влияния остаются живой силой в течение всей жизни, при чем их действие тем сильнее, чем более они забыты ¹⁾, то нам пришлось бы сделать вывод, что многие из мелких черт индивидуумов, которые мы обыкновенно считаем наследственными, приобретаются благодаря влиянию тех индивидуумов, среди которых ребенок провел первые пять лет своей жизни. Все наблюдения над силой привычки и над интенсивностью сопротивления, оказываемого изменениям в привычках, подтверждают эту теорию.

Наше краткое рассмотрение некоторых из проявлений умственной деятельности человека в цивилизованном и в первобытном обществе привело нас к тому выводу, что эти функции человеческого ума являются общим достоянием всего человечества. Следует заметить, что, согласно нашему нынешнему методу рассмотрения биологических и психологических проблем, мы должны предположить, что эти формы развились из низших форм, существовавших в прежнее время, и что, несомненно, некогда должны были существовать расы и племена, у которых охарактеризованные здесь свойства были совершенно неразвиты или лишь слабо развиты; но верно и то, что у нынешних человеческих рас, как бы ни были они первобытны по сравнению с нами, эти способности весьма развиты.

Возможно, что у разных человеческих типов могут обнаруживаться некоторые различия в степени развития этих функций; но я не думаю, что мы можем в настоящее время дать верную оценку наследственных умственных способностей разных рас. Сравнение их языков, обычаев и родов деятельности наводит на мысль о том, что, может быть, эти способности развиты у них неодинаково, но различия недостаточны для того, чтобы мы были вправе отводить одним народам низшие ступени, а другим высшие. Следовательно, эти соображения, в общем, приводят к отрицательным выводам. Мы не склонны признать, что в умственной организации различных человеческих рас оказываются различия в основных чертах. Поэтому, хотя нам и неизвестно, как распределены

---

¹⁾ Краткое резюме теории Фрейда можно найти в *American Journal of Psychology*, vol. XXI (1910).

Способности у человеческих рас, мы можем сказать, что средние способности белой расы в такой же степени встречаются у большого числа индивидуумов всех других рас. Вероятно, что некоторые из этих рас не дадут такого большого количества великих людей, как наша раса; однако нет оснований предполагать, что они неспособны достигнуть того уровня цивилизации, на котором стоит большая часть нашего народа.

V

РАСА И ЯЗЫК.

В предыдущей главе я старался показать, что главные характерные черты ума первобытного человека встречаются у первобытных племен всех рас, и что поэтому нельзя прийти к тому заключению, что эти умственные черты являются характерными расовыми признаками. Однако этот отрицательный вывод, всецело основанный на рассмотрении немногих отдельных черт, очень часто упоминаемых в описаниях первобытных племен, не дает нам положительного доказательства полного отсутствия соответствия между умственной жизнью и расовым происхождением. Итак, мы должны обратить внимание на те случаи, в которых можно предполагать, что между умственной жизнью и расовым происхождением существует непосредственное соотношение.

Некоторые исследователи в самом деле утверждали существование такого рода соотношения, в особенности между языком и расовыми типами, и все еще продолжают держаться того мнения, что родство лингвистическое и родство расовое являются как бы эквивалентными друг другу терминами. Примером, выясняющим эту точку зрения, могут служить продолжительные споры относительно родины «арийской расы», в которых белокурый северо-западный европейский тип отождествляется с древним народом, у которого развивались индо-европейские или арийские языки.

Если бы можно было показать, что различные языки принадлежат различным расовым типам и что эти языки свидетельствуют о различных ступенях развития, или что в них выражаются различные типы мышления, то у нас получилась бы надежная база, которая дала бы нам возможность судить о характере каждого народа, как отражающемся в его языке. Далее, если бы мы могли показать, что известные культурные типы принадлежат известным расам и чужды характеру других, то наши выводы опирались бы на гораздо более солидные основания.

Итак, это приводит нас к рассмотрению важного во всех отношениях вопроса: существует ли между типами, языками и культурами столь тесная взаимная связь, что всякая человеческая раса характеризуется известной комбинацией физического типа, языка и культуры.

Ясно, что если бы существовало это соответствие в точном смысле, то и попытки классифицировать род человеческий с какой-либо из этих трех точек зрения неизбежно приводили бы к одним и тем же результатам: иными словами, каждую из этих точек зрения можно было бы пользоваться независимо или в сочетании с остальными при изучении отношений между различными группами человечества. В самом деле, этого рода попытки часто производились. Некоторые классификации человеческих рас основаны всецело на анатомических признаках, при чем часто принимаются в расчет еще и географические соображения; другие классификации основаны на рассмотрении сочетания анатомических и культурных черт, признаваемых характерными для известных групп человечества; далее существуют классификации, основанные, главным образом, на изучении языков, на которых говорят люди, являющиеся представителями известного анатомического типа.

Производившиеся таким образом попытки приводили к совершенно различным результатам (Топинар) ¹⁾. Блюменбах, один из первых ученых, пытавшихся классифицировать человечество, различал пять рас: кавказскую, монгольскую, эфиопскую, американскую и малайскую. Ясно, что эта классификация основана как на анатомических, так и на географических соображениях, хотя характеристика каждой расы является главным образом анатомической. Кювье различал три расы: белую, желтую и черную. Гэксли ²⁾ строже держался биологической базы. Он соединил часть блюменбаховых монгольской и американской рас в одну, отнес часть южно-азиатских народов к австралийскому типу и подразделил европейскую расу на темноцветную и светлоцветную разновидности. Численное преобладание европейских типов, очевидно, побудило его установить более тонкие различия в этой расе, которую он разделил на ксантохрическую, или светлоцветную и меланохрическую, или темноцветную расы. Легко было бы установить имеющие такое же значение подразделения в других расах. Еще явственнее сказывается влияние точек зрения на культуру в таких классификациях, как классификации Гобино и Клемма, из которых последний различал активную и пассивную расы соответственно культурным успехам различных человеческих типов.

Наиболее типической попыткой классифицировать человечество на основании как анатомических, так и лингвистических точек зрения является попытка Фридриха Мюллера ³⁾. Он кладет в основу своих главных делений форму волос, между тем как все дальнейшие подразделения основаны на лингвистических соображениях.

---

¹⁾ Исторический обзор этих попыток можно найти у P. Topinard'a „Éléments d'Anthropologie générale“ (Paris, 1885), pp. 1—147.

²⁾ H. Huxley, „On the Geographical Distribution of the Chief Modifications of Mankind“. (Journal of the Ethnological Society, N. S. vol. II [1870] pp. 404—412).

³⁾ Friedrich Müller, „Allgemeine Ethnographie“ (Vienna, 1879).

Попытка установить соответствие между многочисленными предложенными классификациями обнаруживает их полную беспорядочность и противоречивость, так что мы приходим к тому выводу, что, быть может, между типом, языком и типом культуры нет тесной и постоянной связи. Поэтому мы должны рассмотреть действительное развитие этих разных черт у существующих рас.

В нынешний период мы можем наблюдать много случаев, в которых полное изменение языка и культуры происходит без соответствующего изменения в физическом типе. Это можно сказать, например, о северо-американских неграх, народе преимущественно африканском по происхождению, по культуре же и по языку, напротив того, по существу дела — европейском. Правда, известные пережитки африканских культуры и языка встречаются у наших американских негров, но по существу дела их культура есть культура необразованных классов того народа, среди которого они живут, язык их, в общем, тождественен с языком их соседей, — англичан, французов, испанцев и португальцев, смотря по тому, какой язык господствует в разных частях материка. Можно было бы возразить, что африканская раса была переселяема в Америку искусственно и что в прежние времена не происходило значительных иммиграций и переселений этого рода.

Однако история средневековой Европы доказывает, что значительные изменения в языке и в культуре неоднократно совершались без соответствующих изменений в крови.

Новейшие исследования физических типов Европы очень ясно показали, что распределение типов не изменялось в течение долгого периода. Не рассматривая деталей, можно сказать, что легко отличить альпийский тип, с одной стороны, от северо-европейского, а с другой стороны — от южно-европейского типа (Риплей) ¹⁾. Альпийский тип представляется довольно однообразным на протяжении обширной территории, каковы бы ни были язык и национальная культура, преобладающая в той или иной области. Средне-европейские французы, германцы, итальянцы и славяне до такой степени принадлежат почти к одному и тому же типу, что мы вправе предположить между ними значительную степень родства по происхождению, несмотря на лингвистические различия.

Подобного рода примеры, в которых мы находим неизменность крови при значительных изменениях в языке и культуре, встречаются в других частях света. Можно упомянуть, например, о цейлонских веддах. Этот народ глубоко отличается по типу от соседних сингалезов, язык которых он, повидимому, усвоил и от которых он, очевидно, заимствовал и некоторые культурные черты (Саразин) ²⁾. Примером этого могут служить японцы северной части Японии, из которых многие, несомненно, происходят

¹⁾ W. Z. Ripley, „The Races of Europe“ (New York, 1899); I. Deniker, „The Races of Man“ (London, 1900).

²⁾ F. Sarasin, „Ergebnisse naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon“ (Wiesbaden, 1892—93), vol. III, pp. 569 et seq.

от айносов (Бельц)¹⁾, и сибирские юкагиры, которые, в значительной степени сохранив чистоту крови, были ассимилированы по отношению к культуре и языку соседними тунгузами (Иохельсон)²⁾.

Итак, очевидно, что, хотя во многих случаях народ не подвергался значительному изменению в типе благодаря смешению, но его язык и культура совершенно изменялись. Можно показать, что в других случаях народ сохранял свой язык, подвергаясь материальным изменениям, относившимся к крови и к культуре или к той и к другой. Примером этого могут служить европейские мадьяры, сохранившие свой старый язык, но смешавшиеся с людьми, говорящими на индо-европейских языках и усвоившие во всех отношениях европейскую культуру.

Подобные условия должны были существовать у атабасков, составляющих одну из больших лингвистических семей Северной Америки. Масса населения, говорящего на языках, принадлежащих к этой лингвистической семье, живет в северо-западной Америке, между тем как на других диалектах говорят мелкие племена в Калифорнии, а еще на других говорит масса населения в Аризоне и в новой Мексике³⁾. Родство между всеми этими диалектами является столь близким, что их следует признать разветвлениями одной обширной группы, и приходится предполагать, что все они произошли от языка, на котором некогда говорили на протяжении сплошной территории. В настоящее время в населении, говорящем на этих языках, обнаруживаются глубокие различия по типу, а именно, обитатели берегов реки Мекензи весьма отличаются от калифорнских племен, а последние, в свою очередь, отличаются от племен новой Мексике (Боас)⁴⁾. Формы культуры в этих разных местностях также совершенно различны: культура калифорнских атабасков сходна с культурой других калифорнских племен, тогда как на культуру атабасков новой Мексики и Аризоны повлияла культура других народов этой местности (Годард)⁵⁾. В высшей степени вероятно, что разветвления

¹⁾ E. Bälz, „Menschenrassen Ostasiens mit specieller Rücksicht auf Japan“ (Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft, vol. XXXIII [1901], pp. 166—189); H. Ten Kate, „Anthropologisches und Verwandtes aus Japan“ (Internationales Centralblatt für Anthropologie, vol. VII [1902], p. 659)

²⁾ W. Jochelson, „The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus“ (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, vol. IX [1910], p. 59).

³⁾ См. Капту в Handbook of American Indians (Bulletin 30 of the Bureau of American Ethnology), part. I. (1907).

⁴⁾ Franz Boas, „A. I. Stone's Measurements of Natives of the Northwest Territories“ (Bulletin of the American Museum of Natural History, vol. XIV [New York, 1901], pp. 53—68); „Zur Anthropologie der nordamerikanischen Indianer“ (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, vol. XXVII [1895], pp. 367 et seq.).

⁵⁾ Pliny Earle Goddard, „Life and Culture of the Hupa“ (University of California Publications, American Archaeology and Ethnology, vol. I [Berkeley, 1903—1904]: Washington

этого племени переселялись из одной части этой обширной территории в другую, где они сменялись с соседним населением, и таким образом их характерные физические черты изменились, а язык сохранился. Конечно, этого процесса нельзя доказать без исторических свидетельств.

Эти два, повидимому, противоположные друг другу явления, а именно сохранение типа при изменении языка и сохранение языка при изменении типа, все же находятся в тесной взаимной связи и во многих случаях идут рука об руку. Примером этого может служить расселение арабов вдоль северного берега Африки. В общем, арабский элемент сохранил свой язык; но в то же время браки с туземными расами были обыкновенны, так что у потомков арабов часто сохранялся их язык и изменялся тип. С другой стороны, туземцы до некоторой степени отказались от своих языков, но продолжали вступать в браки между собой, и, таким образом, их тип сохранился. Поскольку какое-либо изменение этого рода находится в связи со смешением, изменения того или другого типа всегда должны происходить одновременно, и их причисляют к изменениям типа или к изменениям языка, смотря по тому, на тот или на другой народ обращено наше внимание, или, в некоторых случаях, смотря по тому, какое изменение резче выражено. Случай полной ассимиляции без всякого смешения между подвергающимися этому процессу народами, повидимому, редки, или даже их вовсе не бывает.

Случаи неизменности типа и языка и изменения культуры гораздо более многочисленны. В самом деле, все историческое развитие Европы, с доисторических времен, представляет бесконечный ряд примеров этого процесса, который, повидимому, совершается гораздо легче, так как ассимиляция культур происходит повсюду без фактического смешения крови, как результат подражания. Доказательства диффузии культурных элементов можно найти в каждой культурной стране, охватывающей области, где говорят на нескольких языках. В Северной Америке хорошим примером этого служит Калифорния, так как там говорят на нескольких языках и наблюдается известная степень дифференциации типа, но в то же время преобладает значительное однообразие культуры ¹⁾. Другим примером может служить побережье новой Гвинеи, где, несмотря на значительную местную дифференциацию, преобладает известный, довольно характерный, тип культуры, идущей рука об руку со значительной дифференциацией языков. Из народов, стоящих на более высокой ступени цивилизации, можно привести, как пример, обитателей всего района, находящегося под влиянием китайской культуры.

Matthews, „Navaho Legends“ (1897); P. A. G. Morice, „The Great Déné Race“ (Anthropos, vol. I, II, IV [1906, 1907, 1909]).

¹⁾ A. L. Kroeber, „Types of Indian Culture in California“ (University of California Publications, American Archaeology and Ethnology, vol. II [1904—07], pp. 81—103).

Эти соображения в достаточной степени выясняют, что, по крайней мере, в настоящее время судьба анатомического типа, языка и культуры не непременно одинакова: тип и язык народа могут остаться неизменными, а его культура может измениться; неизменным может остаться его тип, но его язык может измениться; или его язык может остаться неизменным, а тип и культура — измениться. Итак, очевидно, что попытки классификации человечества, основанные на нынешнем распределении типов, языков и культуры, должны приводить к различным результатам, смотря по точке зрения: классификация, опирающаяся главным образом на одни типы, приведет к установлению системы, представляющей более или менее точно кровное родство людей, не совпадающее непременно с их культурными связями; точно так же как классификации, основанные на языке и культуре, не должны непременно совпадать с биологической классификацией.

Если это верно, то такой проблемы, как вышеупомянутая арийская, в действительности, не существует, так как эта проблема—прежде всего лингвистическая, относящаяся к истории арийских языков; предположение же, согласно которому этот язык в течение всего хода истории должен быть языком известного определенного народа, между членами которого всегда существовало кровное родство, равно как и другое предположение, согласно которому этому народу всегда должен был быть присущ известный культурный тип, — совершенно произвольны и не согласны с наблюдаемыми фактами.

Тем не менее, следует признать, что теоретическое рассмотрение истории типов человечества, языков и культур заставляет нас предполагать, что в раннюю эпоху существовали такие условия, при которых каждый тип был гораздо более изолирован от остального человечества, чем в настоящее время. Поэтому культура и язык, принадлежащие отдельному типу, должны были оказываться гораздо резче обособленными от культуры и языка других типов, чем в нынешний период. Правда, такого состояния нигде не наблюдалось, но из наших сведений об историческом развитии почти неизбежно вытекает предположение, согласно которому оно существовало в очень ранний период развития человечества. Если это так, то возник бы вопрос: характеризовалась ли изолированная группа в ранний период непременно одним типом, одним языком и одной культурой, или в такой группе могли быть представлены разные типы, разные языки и разные культуры.

Историческое развитие человечества представляло бы более простую и более ясную картину, если бы мы были вправе предположить, что в первобытных обществах эти три явления находились в тесной взаимной связи. Однако подобное предположение совершенно недоказуемо. Наоборот, при сравнении нынешнего распределения языков с распределением типов представляется правдоподобным, что даже в самые ранние эпохи биологические еди-

ницы могли быть шире, чем лингвистические, и, вероятно, шире, чем культурные единицы. По моему мнению, можно утверждать, что во всем мире биологическая единица — если не обращать внимания на мелкие местные различия — гораздо шире, чем лингвистическая единица: иными словами, группы людей, являющиеся по телесному виду столь близко родственными, что мы должны рассматривать их как представителей одной и той же разновидности человечества, обнимают собой количество индивидуумов, значительно превышающее число людей, говорящих на таких языках, о которых нам известно, что они генетически родственны друг другу. Примеры этого рода можно указать во многих частях света. Так, европейская раса — разумея под этим термином приблизительно всех тех индивидуумов, которых мы без колебания причисляем к членам белой расы — обнимала бы народы, говорящие на индо-европейских, на баскском и на урало-алтайских языках. Западно-африканские негры представляли бы индивидуумов известного негритянского типа, говорящих, однако, на разнообразнейших языках. То же самое можно было бы сказать, из азиатских типов, о сибиряках; из американских типов, — о части калифорнских индейцев.

Поскольку у нас имеются исторические свидетельства, нет оснований полагать, что когда-либо существовало меньшее число различных языков, чем теперь; наоборот, все наши данные свидетельствуют о том, что в прежние времена языков, не находящихся в родстве между собой, было гораздо больше, чем теперь. С другой стороны, число вымерших типов представляется скорее небольшим, так что нет оснований предполагать, что в ранний период существовало более точное соответствие между количествами различных лингвистических и анатомических типов. Итак, мы приходим к тому заключению, что в раннюю эпоху каждый человеческий тип, вероятно, существовал в виде нескольких небольших изолированных групп, у каждой из которых были свой язык и своя культура.

Мы можем заметить здесь, что, с этой точки зрения, значительное разнообразие языков во многих отдаленных горных местностях не должно быть объяснено как результат постепенного вытеснения остатков племен в недоступные округа, но скорее оно представляется пережитком такого более древнего общего состояния человечества, когда каждый материк был населен сравнительно небольшими группами людей, говорившими на разных языках. Нынешнее соотношение должно было развиваться путем постепенного исчезновения многих древних племен и их поглощения или устранения другими, занявшими, таким образом, более обширную территорию.

Как бы то ни было, наиболее вероятным оказывается предположение, согласно которому нет надобности допускать, что первоначально всякий язык и всякая культура были приурочены к одному типу, или что всякий тип и всякая культура были приурочены

к одному языку; словом, что когда-либо существовало точное соответствие между этими тремя явлениями.

Из предположения, согласно которому между типом, языком и культурой первоначально существовало точное соответствие, вытекало бы и дальнейшее предположение, согласно которому эти три черты развивались приблизительно в один и тот же период и притом развивались совместно в течение продолжительного времени. Это предположение никоим образом не представляется правдоподобным. Те основные человеческие типы, представителями которых являются негроидная и монголоидная расы, должны были дифференцироваться задолго до образования форм речи, ныне признаваемых в мировых лингвистических семьях. По моему мнению, даже дифференциация важнейших подразделений великих рас предшествует образованию существующих лингвистических семей. Во всяком случае, биологическая дифференциация и образование речи были в этот ранний период подвержены действию тех же самых причин, которые ныне действуют на них, и весь наш опыт показывает, что эти причины могут вызывать значительные изменения в языке гораздо скорее, чем в человеческом теле. Главным образом на этом соображении основана теория, согласно которой между типом и языком не оказывается соответствия даже и в продолжение периода образования типов и лингвистических семей ¹⁾.

Очевидно, сказанное выше об языке еще в большей степени подтверждается по отношению к культуре. Иными словами, если известный человеческий тип рассеялся по обширной территории, прежде чем его язык принял форму, которую теперь можно проследить в родственных ему лингвистических группах, и прежде чем его культура приняла определенный тип, дальнейшее развитие которого может быть ныне установлено, то невозможно установить соответствие типа, языка и культуры, если бы даже такое когда-либо и существовало; но вполне возможно, что в действительности такого соответствия никогда и не было.

Вполне понятно, что известный расовый тип мог рассеяться на протяжении обширной территории в течение периода генезиса речи, и что языки, развившиеся у разных групп этого расового типа, стали настолько различными, что теперь невозможно доказать их генетическое родство. Точно также культура могла развиваться в новых формах, настолько совершенно чуждых связи с прежними типами, что уже невозможно открыть прежние генетические родственные связи, даже если они и существовали.

Если мы станем на эту точку зрения и, таким образом, устраним гипотетическое допущение, согласно которому существует

---

¹⁾ Этого не следует понимать в том смысле, что всякий первобытный язык беспрестанно подвержен быстрым изменениям. Существует много доказательств, свидетельствующих о значительном постоянстве языков. Однако, если, благодаря известным внешним или внутренним причинам, начинаются перемены, то они способны вызывать полное изменение формы речи.

соответствие между первобытным типом, первобытным языком и первобытной культурой, то мы признаем, что всякая попытка классификации, основанная более чем на одной из этих черт, не может быть последовательной.

Можно добавить, что понятие, выражаемое употреблявшимся выше общим термином «культура», может быть подразделяемо со многих точек зрения, при чем можно ждать разных результатов, смотря по тому, примем ли мы за основание при нашей классификации изобретения, типы социальной организации или верования.

После того, как мы показали, таким образом, что язык, культура и тип не могут быть рассматриваемы, как находящиеся в постоянной связи друг с другом, и признали, что у одного и того же человеческого типа развились различные языки, все еще остается нерешенным вопрос о том, имеют ли языки, развившиеся у какого-либо племени, характер превосходства или они стоят ниже других. Утверждали, например, что высоко развитые флексионные европейские языки стоят значительно выше громоздких агглютинативных или полисинтетических языков северной Азии и Америки (Габеленц) ¹⁾. Утверждали также, что отсутствие фонетической разборчивости, отсутствие способности к абстракции являются характерными чертами первобытных языков. Важно выяснить, действительно ли эти черты присущи каким-либо языкам первобытных людей. Рассмотрение этого вопроса заставляет нас вернуться к выяснению характерных умственных черт, приписываемых различным человеческим типам.

Мнение о недостаточной фонетической дифференциации опирается на тот факт, что известные звуки первобытных языков истолковываются европейцами иногда как один, иногда как другой из привычных для нас звуков: их называли альтернативными звуками. Однако, во всех этих случаях более точное изучение фонетики показало, что эти звуки вполне определены, но, что благодаря способу их произношения, они являются промежуточными между привычными звуками. Так например звук *m*, произносимый при очень слабом смыкании губ и с полураскрытым носом звучит для нашего уха отчасти как *m*, отчасти как *b* и отчасти как *v*, и, смотря по слабым случайным изменениям, при произнесении его слышится то один, то другой из этих звуков, хотя на самом деле этот звук не более изменчив, чем наше *m*. Случаи этого рода весьма многочисленны, но ссылаться на них, как на доказательство недостаточной определенности звуков в первобытных языках, значило бы ложно их истолковывать (Боас) ²⁾. В самом деле, ограничение числа звуков, повидимому, необходимо в каждом языке, чтобы возможно было быстрое общение. Если бы число звуков, употребляемых в каком-либо языке, было без-

¹⁾ См. замечания относительно этого у Georg von der Gabelentz, „Die Sprachwissenschaft“ (Leipzig, 1891) pp. 371 et seq.

²⁾ Franz Boas, „On alternating Sounds“ (American Anthropologist, vol. II [1889], pp. 47 et seq.

гранично, то, вероятно, не существовало бы той правильности, с которой совершаются движения сложного механизма, нужного для произнесения звуков, а следовательно быстрота и правильность произношения, а вместе с тем и правильное истолкование тех звуков, которые мы слышим, стало бы трудным или даже невозможным. С другой стороны, благодаря ограничению числа звуков, движения, требуемые для произнесения каждого из них, становятся автоматическими; прочно фиксируются ассоциации между тем звуком, который мы слышим, и мускульными движениями и между слуховым впечатлением и мускульным ощущением артикуляции. Таким образом, ограниченные фонетические ресурсы необходимы для легкости общения.

Второй чертой, на которую часто указывают для характеристики первобытных языков, является отсутствие способности к классификации и к абстракции. Здесь, опять-таки, нас легко вводят в заблуждение наша привычка пользоваться классификациями, свойственными нашему языку и поэтому считать их наиболее естественными и игнорирование принципов классификации, применяемых в языках первобытных людей.

Следует выяснить себе, что составляет элементы всех языков. Основной и общей чертой членораздельной речи является то, что группы произносимых звуков служат для передачи идей, и каждая группа звуков имеет определенный смысл. Языки отличаются друг от друга не только характером своих составных фонетических элементов и групп звуков, но и группами идей, находящих выражение в определенных фонетических группах.

Общее число возможных комбинаций фонетических элементов также беспредельно, но лишь ограниченное число их применяется для выражения идей. Отсюда вытекает, что число всех идей, выражаемых различными фонетическими группами, количественно ограничено. Мы называем эти фонетические группы «основами слов».

Так как объем личного опыта, для выражения которого служит язык, бесконечно разнообразен, и весь этот опыт должен выражаться при посредстве ограниченного числа основ слов, то очевидно, что в основе всякой членораздельной речи должна лежать обширная классификация опытов.

Это совпадает с основной чертой человеческой мысли. В нашем нынешнем опыте не оказывается двух тождественных чувственных впечатлений или эмоциональных состояний. Тем не менее, мы классифицируем их, соответственно их сходствам, в более или менее обширные группы, границы которых могут быть определяемы с разных точек зрения. Несмотря на индивидуальные различия, мы признаем в наших опытах общие элементы и считаем их родственными или даже тождественными, если у них оказывается общим достаточное число характерных признаков. Таким образом, ограничение числа фонетических групп, выражающих различные идеи, является выражением того психологического факта,

что многие различные индивидуальные опыты кажутся нам представителями одной и той же категории мысли.

Примером могут служить термины, служащие в разных языках для обозначения цветов. Хотя число цветовых оттенков, которые могут быть различаемы, очень велико, однако, лишь небольшое количество их обозначается специальными терминами. В новое время число этих терминов значительно увеличилось. Во многих первобытных языках группировки желтого, зеленого и голубого цветов не согласуются с нашими. Часто желтый и желтовато-зеленый цвета соединяются в одну группу, зеленый и голубой — в другую. Типической, всюду встречающейся чертой является употребление одного термина для обозначения большой группы сходных ощущений.

Эту черту человеческой мысли и речи можно сравнить с ограничением всего ряда возможных артикулирующих движений, путем выбора ограниченного числа привычных движений. Если бы вся масса понятий со всеми их вариантами выражалась в языке совершенно разнородными комплексами звуков или основами слов, не находящимися ни в какой связи друг с другом, то близкое родство идей не выражалось бы в соответственном родстве их звуковых символов, и для их выражения требовалось бы бесконечно большее число различных основ слов. В таком случае ассоциация между идеей и служащей ее представительницей основой слова не становилась бы достаточно прочной для того, чтобы ее можно было во всякий данный момент воспроизводить автоматически без рефлексии. Благодаря автоматическому и быстрому пользованию артикуляциями, из бесконечно большого количества возможных артикуляций и групп артикуляций было выбрано лишь ограниченное число артикуляций, изменчивость которых ограничена, и ограниченное число звуков. Точно таким же образом бесконечно большое число идей было сведено, путем классификации, к меньшему числу идей, между которыми, благодаря их постоянному применению, установились прочные ассоциации, которыми можно пользоваться автоматически.

Теперь важно подчеркнуть тот факт, что в группах идей, выражаемых специфическими основами слов, в разных языках обнаруживаются весьма существенные различия, и что они никоим образом не соответствуют одним и тем же принципам классификации. Беря пример из английского языка, мы находим, что идея «воды» выражена в большом числе разнообразных форм. Один термин служит для обозначения воды, как жидкости; другой — воды, занимающей большое пространство, «озера»; другие — воды, как текущей в большом или небольшом количестве (река и ручей); еще другие термины обозначают воду в форме дождя, росы, волны и пены. Вполне понятно, что это разнообразие идей, каждая из которых выражается в английском языке при посредстве особого независимого термина, могло бы быть выражено в других языках производными от одного и того же термина

Другими примером того же рода могут служить слова, служащие для обозначения «снега» в языке эскимосов. Здесь мы находим одно слово, обозначающее «снег на земле», другое — «падающий снег», третье — «снежный сугроб», четвертое — «снежную вьюгу».

В том же языке тюлень в различных положениях обозначается различными терминами. Одно слово является общим термином для «тюленя», другое означает «тюленя, греющегося на солнце», третье — «тюленя, находящегося на плавающей льдине», не говоря уже о многих названиях для тюленей разных возрастов и для самца и самки.

Как пример такого способа группировки терминов, выражаемых нами независимыми словами, при котором эти термины подводятся под одно понятие, может служить дакотский язык. Термины «ударять», «связывать в пучки», «кусать», «быть близким к чему либо», «толочь», — сплошь произведены от общего, объединяющего их элемента, означающего «схватывать», между тем как мы пользуемся для выражения разных идей различными словами.

Очевидно, что выбор таких простых терминов должен, до известной степени, зависеть от главных интересов народа. Там, где необходимо различать многие стороны известного явления, каждая из которых играет в жизни народа совершенно независимую роль, могут развиться многие независимые слова, тогда как в других случаях могут оказываться достаточными видоизменения одного термина.

Таким образом, оказывается, что каждый язык может, с точки зрения другого языка, казаться произвольным в своих классификациях: то, что представляется одной простой идеей в одном языке, может быть характеризуемо в другом языке рядом различных основ слов.

Тенденция языка выражать сложную идею одним термином была названа «holophrasis» (Пауель) ¹⁾. Повидимому, всякий язык может, с точки зрения другого языка казаться голофрастическим. Вряд ли можно признать эту тенденцию основной, характерной чертой первобытных языков.

Мы уже видели, что своего рода классификацию выражений можно найти во всяком языке. Благодаря этой классификации идей по группам, каждая из которых выражается независимой основой слова, понятия, смысл которых трудно выразить посредством одной основы, непременно должны выражаться комбинациями или видоизменениями элементарных основ в соответствии с теми элементарными идеями, к которым сводится данная идея.

Эта классификация и необходимость выражать известные опыты посредством других опытов, которые находятся в связи с ними и, ограничивая друг друга, определяют ту специальную

¹⁾ I. W. Powell, „Introduction to the Study of Indian Languages“ (2d ed., Washington, Bureau of Ethnology, pp. 69 et seq.).

идею, которую нужно выразить, — подразумевают присутствие известных формальных элементов, определяющих отношения простых основ слов. Если бы каждая идея могла быть выражена одной основой слова, то возможны были бы языки без форм. Однако идеи должны быть выражаемы путем сведения их к нескольким идеям, находящимся в связи с ними, а потому роды связи становятся важными элементами в членораздельной речи. Отсюда вытекает, что все языки должны содержать в себе формальные элементы, и число их должно быть тем больше, чем меньше число элементарных основ слов, служащих для определения специальных идей. В языке, располагающем очень обильным фиксированным запасом употребляемых слов, число формальных элементов может стать очень небольшим.

Убедившись, таким образом, в том, что все языки требуют известных классификаций и формальных элементов и содержат их в себе, мы приступим к рассмотрению отношения между языком и мыслью. Утверждали, что сжатость и ясность мысли народа в значительной степени зависят от его языка. Та легкость, с которой мы выражаем в наших новых европейских языках широкие отвлеченные идеи одним термином и с которою широкие обобщения формулируются в простых фразах, признавалась одним из основных условий ясности наших понятий, логической силы нашей мысли и точности, с которой мы устраним в наших мыслях не относящиеся к делу детали. Повидимому, многое говорит в пользу этого взгляда. Если сравнить современный английский язык с некоторыми из наиболее конкретными по свойственной им выразительности индейских языков, то контраст поразителен. Когда мы говорим: «Глаз есть орган зрения», индеец может оказаться неспособным образовать выражение «глаз», может быть, ему придется указывать, имеется ли в виду глаз человека или глаз животного. Индеец может также оказаться неспособным легко обобщить отвлеченную идею глаза, как представителя целого класса объектов; но, может быть, ему придется специализировать мысль выражением вроде «этот глаз здесь». Далее, он, пожалуй, не в состоянии выразить одним термином идею «органа», но ему придется подробно определять ее при посредстве выражения вроде «орудия видения», так что вся фраза может принять форму вроде «глаз неопределенного лица есть орудие его видения». Все же следует признать, что общая идея может быть хорошо выражена в этой более специфической форме. Кажется весьма сомнительным, насколько в самом деле можно считать ограничение употребления известных грамматических форм препятствием при формулировке обобщенных идей. Гораздо вероятнее, что отсутствие этих форм обусловлено отсутствием надобности в них. Первобытный человек, разговаривая со своим собратом, не имеет обыкновения рассуждать об отвлеченных идеях. Его интересы сосредоточиваются на занятиях его обыденной жизни; а когда затрагиваются философские проблемы, они обсуждаются или в связи с определенными индивидуумами,

или в более или менее антропоморфных формах религиозных верований. В первобытной речи вряд ли встречаются рассуждения о качествах без связи с объектом, которому качества принадлежат, или о действиях или состояниях, рассматриваемых без связи с идеей деятеля или субъекта, находящихся в известном состоянии. Таким образом, индеец не станет говорить о доброте, как таковой, хотя он, конечно, может говорить о доброте какого-либо лица. Он не станет говорить о состоянии блаженства без отношения к лицу, находящемуся в таком состоянии. Он не станет упоминать о способности к движению, не указывая индивидуума, обладающего такой способностью. Таким образом, оказывается, что в языках, в которых идея обладания выражается элементами, подчиненными именам существительным, все отвлеченные термины всегда являются с притяжательными элементами. Однако, вполне возможно, что индеец, приученный к философской мысли, взялся бы за освобождение основных именных форм от притяжательных элементов и, таким образом, дошел бы до отвлеченных форм, точно соответствующих отвлеченным формам наших новых языков. Я сделал этот опыт, например, на одном из языков острова Ванкувера, в котором ни один отвлеченный термин никогда не встречается без своих притяжательных элементов. После некоторых разговоров я нашел, что очень легко развить идею отвлеченного термина в уме индейца, который признал, что слово без притяжательного местоимения имеет смысл, хотя оно и не употребляется в языке. Мне удалось, например, изолировать, таким образом, термины для выражения «любви» и «сожаления», обыкновенно встречающиеся лишь в притяжательных формах вроде «его любовь к нему» или «мое сожаление к вам». В правильности этой точки зрения можно убедиться также и по отношению к языкам, в которых притяжательные элементы являются как независимые формы, например, в языках сиюксов. В этих языках чистые отвлеченные термины весьма обыкновенны.

Есть также данные, свидетельствующие о том, что можно обходиться без других, столь характерных для многих индейских языков, специализирующих элементов, когда, по той или иной причине, представляется желательным обобщить какой-либо термин. Беря пример из одного из западных языков (Квакиутль на острове Ванкувере), идея «сидеть» почти всегда выражается неотделимым суффиксом, обозначающим место, на котором сидит какое-либо лицо, как-то: «сидит на полу в доме», «на земле», «на оглоблом берегу», «на пруде вещей» или «на круглой вещи» и т. д. Однако, когда по какой-либо причине требуется подчеркнуть идею сидения, может употребляться форма, выражающая просто «будучи в сидячем положении». В этом случае также оказывается налицо способ, которым можно пользоваться для обобщенного выражения, но случаи его применения представляются редко, или, быть может, никогда не представляются. По моему мнению, то, что верно в этих случаях, верно и для строения всякого языка. Тот

факт, что обобщенные формы выражения не употребляются, не доказывает неспособности образовать их, но доказывает лишь то, что образ жизни народа таков, что они не нужны, но что тем не менее они развивались бы по мере надобности.

Эта точка зрения подтверждается также изучением числовых систем первобытных языков. Хорошо известно, что существуют многие языки, в которых числительные не идут далее двух или трех. Из этого делали тот вывод, что люди, говорящие на этих языках, неспособны образовать понятие дальнейших чисел. По моему мнению, это истолкование существующего положения дел совершенно ошибочно. Такие народы, как индейцы Южной Америки (у которых встречаются эти неполные числовые системы) или эскимосы (у которых старая система чисел, вероятно, не шла далее десяти), вероятно, не нуждаются в обозначениях дальнейших чисел, так как предметов, которые им приходится считать, немного. С другой стороны, чуть только эти самые люди начинают соприкасаться с цивилизацией и приобретают мерил ценности, которые приходится считать, они очень легко усваивают дальнейшие числительные из других языков и развивают более или менее совершенную систему счета. Это не означает, что всякий индивидуум, которому никогда не приходилось пользоваться высшими числительными, легко усвоил бы более сложные системы; но племя, как целое, повидимому, всегда оказывается способным приспособиться к требованиям счета. Следует иметь в виду, что счет не становится необходимым, пока предметы не рассматриваются в такой обобщенной форме, что их индивидуальность совершенно теряется из виду. Поэтому возможно, что даже лицо, владеющее стадом прирученных животных, знает их по именам и по их характерным признакам, никогда не желая считать их. Члены военной экспедиции могут быть известны по именам и не подлежать счету. Словом, нет доказательств того, что недостаточное применение числительных каким-либо образом связано с неспособностью образовать понятия дальнейших числительных, когда понадобится.

Чтобы правильно судить о влиянии, оказываемом языком на мысль, следует иметь в виду, что наши европейские языки в их нынешнем виде в значительной степени сформировались благодаря отвлеченному мышлению философов. Такие термины, как «сущность» и «существование», многие из которых теперь употребляются обыкновенно, являются по своему происхождению искусственными средствами для выражения результатов отвлеченной мысли. Таким образом, их можно признать сходными с искусственными, несвойственными языку отвлеченными терминами, образование которых возможно в первобытных языках.

Таким образом, препятствия к обобщению мыслей, заключающиеся в форме языка, представляются лишь маловажными, и, вероятно, один язык не помешал бы народу перейти к более обобщенным формам мышления, если бы общее состояние его куль-

туры требовало выражения таких мыслей; скорее, при таких условиях язык формировался бы благодаря состоянию культуры. Поэтому существование какого-либо прямого соответствия между культурой племени и языком, на котором оно говорит, вероятно лишь постольку, поскольку язык формируется благодаря состоянию культуры, но известное состояние культуры не обуславливается морфологическими чертами языка.

Таким образом, мы нашли, что язык не дает искомого средства для того, чтобы установить различия в умственном состоянии разных рас.

VI

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ЧЕРТ.

Остается рассмотреть один вопрос, а именно: представляют ли некоторые племена низшую культурную стадию, если взглянуть на них с эволюционной точки зрения?

Наш обзор показал, что почти при всех попытках охарактеризовать ум первобытного человека принимаются в расчет не расовые аффилиации, а лишь стадии культуры, и результаты наших попыток определить характерные расовые различия имеют сомнительную ценность. Ясно, следовательно, что антропологи нового времени не только предполагают родовое единство человеческого ума, но молчаливо пренебрегают количественными различиями, которые, конечно, могут встречаться. Поэтому мы можем основывать наши дальнейшие соображения на теории сходства функций ума у всех рас.

Однако наблюдение показало, что не только эмоции, ум и воля человека повсюду сходны, но между различнейшими народами оказывается гораздо более значительное сходство, относящееся к деталям мышления и действий. Это сходство, очевидно, касается таких деталей и оказывается настолько значительным, что Бастиану пришлось говорить об ужасающей монотонности основных идей человечества во всем мире.

Таким образом, оказалось, что метафизические понятия человека могут быть сведены к немногим общераспространенным типам. Точно так же обстоит дело и по отношению к общественным формам, законам и изобретениям.

Далее, в высшей степени сложные и, повидимому, нелогичные идеи и в высшей степени странные и сложные обычаи встречаются там и сям у некоторых племен в таких формах, что нельзя предположить, что они имеют общее историческое происхождение. При изучении культуры какого-либо племени можно найти у многих весьма различных народов черты, представляющие более или менее близкую аналогию с отдельными чертами культуры этого племени. Примеры таких аналогий были собраны в большом коли-

честве Тайлором ¹⁾, Спенсером ²⁾, Фрэзером ³⁾, Бастианом ⁴⁾, Андрее ⁵⁾, Постом ⁶⁾ и многими другими, так что нет надобности подробнее доказывать здесь этот факт. Достаточно привести несколько примеров. Из более общих идей я могу упомянуть о веровании в страну душ умерших, расположенную на западе, при чем для того, чтоб попасть в нее, нужно переправиться через реку; это известное всем нам из греческой мифологии верование распространено также и среди туземных племен Америки и Полинезии. Другим примером может служить идея множественности миров, из которых один или несколько находятся над нами, другие простираются под нами, при чем в центральном мире живет человек; в верхнем живут боги и счастливые души, в подземном мире живут несчастные души. Эта идея знакома нам по положениям, отводимым небу и аду, но она не менее распространена в Индии, в Сибири и в Северной Америке. Другой пример представляет идея о том, что человек способен снискивать благосклонность покровительствующих ему духов-хранителей. Столь же поразительные примеры представляет другая область умственной жизни. Повсеместно распространенное умение добывать огонь трением, варка пищи, знакомство со сверлом свидетельствуют о том, что известные изобретения повсеместны. Другими явлениями этого рода оказываются известные элементарные черты грамматической структуры, вроде употребления выражений для местоимений трех лиц, — а именно для обозначения говорящего лица, того лица, к которому обращена речь, и того лица, о котором идет речь, или часто встречающееся различие чисел единственного и множественного.

Примерами специальных любопытных аналогий, встречающихся в далеких друг от друга местностях, могут служить такие верования, как верование в возможность предсказывать будущее по расгрескиванию жженных костей (Андрее ⁷⁾; тот факт, что легенда о Фаэтоне распространена в Греции и в северо-западной Америке (Боас ⁸⁾; употребление небольшого лука и стрелы для кровопуска-

---

¹⁾ E. B. Tylor, „Primitive Culture; Researches into the Early History of Mankind“.

²⁾ Herbert Spencer, „The Principles of Sociology“.

³⁾ I. G. Frazer, „The Golden Bough; Totemism and Exogamy“.

⁴⁾ A. Bastian, „Ideale Welten“ (Berlin, 1892); „Die Welt in ihren Spiegelungen unter dem Wandel des Völkergedankens“, (Berlin, 1887); „Allerlei aus Volks- und Menschenkunde“ (Berlin, 1888); „Geographische und ethnologische Bilder“ (Jena, 1873); etc.

⁵⁾ Richard Andree, „Ethnographische Parallelen und Vergleiche“ (Stuttgart, 1878; Neue Folge, Leipzig, 1889).

⁶⁾ Albert H. Post, „Grundriss der Ethnologischen Jurisprudenz“ (Oldenburg und Leipzig, 1894).

⁷⁾ Richard Andree, „Scapulimantia“, in Boas Anniversary Volume (New York, G. E. Stechert, 1906) pp. 143 et seq.

⁸⁾ Franz Boas, „Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Amerikas“ (Berlin, A. Ascher, 1895) pp. 333--339

ний у животных (Гергер)¹⁾; развитие астрологии в Старом и Новом Свете; сходство техники и узоров при изготовлении корзин в Африке и в Америке (Диксон)²⁾; изобретение духового ружья в Америке и у малайцев.

Эти примеры наводят на мысль о тех классах явлений, которые я имею в виду. Из этих наблюдений вытекает, что, когда мы находим у разных народов аналогии в отдельных чертах культуры, следует предполагать не существование общего для них исторического источника, а то, что они возникли независимо друг от друга. Представляется правдоподобной теория, согласно которой то, что эти явления постоянно встречаются у разнообразнейших членов человеческого рода, к какой бы расе они ни принадлежали, объясняется одной общей причиной.

Дальнейшее исследование показывает, что эти обычаи распространены не вполне одинаково, но что существует известная более или менее тесная связь между развитием производства, социальной организацией и религиозными верованиями народов, населяющих землю, так что у народа с простыми формами производства можно найти мысли, несколько отличающиеся от мыслей народа, далее подвинувшегося вперед в развитии материальной культуры. Было также констатировано, что существует связь между этнической жизнью народа и географической средой, способствующей или препятствующей его материальному развитию.

Общую причину этого сходства действий и верований народов и племен, отделяемых друг от друга обширными пространствами, принадлежащих к различным расам и находящихся на разных ступенях культурного развития, старались найти различным образом.

Некоторые исследователи, например, Ратцель и, в прежнее время, Карл Риттер и Гюйо, особенно подчеркивали влияние географической окружающей среды на жизнь человека. Они выдвигают те черты сходства, которые проявляются в сходных типах окружающей среды.

Другие полагают, что многие из обычаев, верований и изобретений, составляющих общее достояние людей, живущих в странах, находящихся на больших расстояниях одна от другой, являются общим наследием, полученным от древнейших времен, когда род человеческий все еще населял лишь небольшую часть земной поверхности.

Некоторые старались изолировать наиболее обобщенные формы сходных этнических явлений. Бастиан, важнейший из представителей этой группы исследователей, назвал эти формы «элементарными идеями» и старался показать, что они необъяснимы.

Наконец, психологи пытались объяснить сходства анализом умственных процессов.

¹⁾ Franz^o Heger, „Aderlassgeräthe bei den Indianern und Papuas“ (Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, vol. XXIII [1893], Sitzungsberichte, pp. 83—87).

²⁾ Roland B. Dixon, „Basketry Designs of the Indians of Northern California“ (Bulletin of the American Museum of Natural History, vol. XVII, p. 28).

Необходимо несколько подробнее рассмотреть эти четыре метода объяснения.

Нетрудно выяснить важное влияние географической окружающей среды на формы изобретений. Разнообразие жилищ, которыми пользуются племена разных стран, представляет пример этого влияния. Снежный дом эскимоса, устраиваемый из древесной коры вигвам индейца, пещерные жилища племен пустыни могут служить иллюстрациями того, каким образом обеспечивается возможность укрыться от непогоды, смотря по тому, какого рода материалы оказываются доступными. Другими примерами могут служить формы более специальных изобретений, как-то: составные луки эскимосов, употребление которых, повидимому, вызвано отсутствием длинного упругого материала для палок, служащих для изготовления луков; способы обеспечить упругость лука, когда трудно достать упругое дерево, или когда лук должен быть очень крепким, кожаные вместилища и корзины, часто заменяющие глиняную посуду у племен, не имеющих постоянных жилищ. Мы можем также указать на зависимость выбора мест для деревень от снабжения пищей и от сообщения по доступным дорогам или от легкости сообщений по водным путям. Влияние окружающей среды обнаруживается в территориальных границах известных племен и народов, равно как и в распределении населения и в его густоте. Влияние окружающей среды можно открыть даже в более сложных формах умственной жизни, например, в мифах о природе, объясняющих деятельность вулканов или существование странных очертаний земли, или в верованиях и обычаях, относящихся к местным характеристикам времен года.

Если в наших теориях мы придаем значение лишь наблюдениям, показывающим, что человек зависит от географической окружающей среды, и предполагаем одинаковость или сходство ума у всех человеческих рас, мы неизбежно приходим к тому заключению, что одинаковая окружающая среда повсюду вызовет одинаковые культурные результаты.

Это, очевидно, неверно, так как в формах культуры народов, живущих в одинакового рода окружающей среде, часто обнаруживаются резкие различия. Мне нет надобности пояснять это сравнением американского колониста с северо-американским индейцем или сравнением между собой народностей, последовательно поселявшихся в Англии и развивавшихся от каменного века до современной английской культуры. Однако, желательно показать, что даже у первобытных племен тип культуры вовсе не определяется одной географической средой. Доказательством этого факта может служить образ жизни эскимосов, занимающихся охотой и рыбной ловлей, и чукчей, разводящих оленей (Богораз)¹⁾, африканских па-

¹⁾ Waldemar Bogoras, „The Chukchee“ (Publications of the Yesup North Pacific Expedition, vol. VII [Leiden, 1904—09]); Franz Boas, „The Central Eskimo“ (Sixth Annual Report of the Bureau of Ethnology [Washington, 1888]),

стухов-голтентотов и охотников-бушменов при их прежнем расселении на протяжении более обширных территорий (Шульце)¹⁾; негритосов и малайцев юго-восточной Азии (Мартин)²⁾.

Вторым и более важным элементом, который следует принимать в расчет, является социальное состояние каждого народа. Можно было бы думать, что окружающая среда важна лишь постольку, поскольку она стесняет проявления деятельности, свойственные какой-либо особой группе, или благоприятствует им. Можно даже показать, что старинные обычаи, гармонизировавшие с известным типом окружающей среды, обнаруживают тенденцию сохраняться при новых условиях, при которых они скорее невыгодны, чем выгодны народу. Примером этого рода, взятым из нашей цивилизации, может служить то, что мы не утилизируем такого рода пищи, к которой мы не привыкли и которую мы можем найти в недавно заселенных странах. Другой пример представляют разводящие оленей кочевые чукчи, которые возят с собой очень сложные палатки, по своему типу соответствующие прежним постоянным домам обитателей побережья и представляющие в высшей степени резкий контраст простой и легкой эскимосской палатке (Бопораз)³⁾. Даже у эскимосов, которым удалось так замечательно приспособиться к окружающей их географической среде, мы можем найти обычаи, препятствующие наиболее полному использованию возможностей, представляемых страной; примером этого может служить закон, воспрещающий смешанное употребление в пищу мяса канадского северного оленя и мяса тюленя (Боас)⁴⁾.

Таким образом, окружающая среда, повидимому, оказывает значительное влияние на человеческие обычаи и верования, но лишь постольку она способствует выработке специальных форм обычаев и верований. Однако они обусловлены, главным образом, культурными условиями, которые сами слагаются благодаря историческим причинам.

Относительно этого пункта этнографы, пытающиеся положить в основу объяснения культурного развития условия географической окружающей среды, обыкновенно утверждают, что эти исторические причины сами вытекают из прежних условий, из которых они возникли под давлением окружающей среды. Мне кажется, что это утверждение неприемлемо, раз исследование всякой отдельной культурной черты доказывает, что влияние окружающей среды вызывает известную степень приспособления, устанавливающегося между окружающей средой и социальной жизнью, но господствующие условия никогда не могут быть вполне объяснены одним лишь действием окружающей среды. Мы должны по-

1) Leonhard Schultze, „Aus Namaland und Kalahari“ (Jena, 1907).

2) Rudolf Martin. (Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel (Jena, 1905), pp. 1011—1012.

3) Bogoras, l. c. pp., 177 et seq; Boas, l. c. pp., 551 et seq.

4) Boas (Ibid., p. 595).

мнить, что, как бы ни было значительно влияние, приписываемое нами окружающей среде, это влияние может проявляться, лишь будучи оказываемо на ум, так что характерные черты ума должны входить в получающиеся в результате формы социальной активности. Невероятно, чтобы умственная жизнь могла быть удовлетворительно объяснена одною окружающею средою, так же как окружающая среда не может быть объяснена влиянием населения на природу, которое, как всем известно, вызвало изменения в течении рек, истребило леса и изменило фауну. Иными словами, игнорирование той роли, которую психические элементы играют при выработке форм деятельности и верований, очень часто встречающихся во всем мире, ни на чем не основано.

Вторая теория, предложенная для объяснения универсальности некоторого числа основных идей и изобретений, основана на предположении, согласно которому они представляют собой старые культурные успехи, достигнутые в период, предшествовавший общему расселению человеческой расы.

Эта теория основана на всеобщем распространении известных культурных элементов. Очевидно, она применима лишь к чертам, встречающимся во всем мире, так как, если бы мы допустили исчезновение некоторых из них в течение хода исторического развития, то могли бы получить самые фантастические выводы. Некоторые этнологические данные, повидимому, свидетельствуют в пользу этой теории и заставляют нас склоняться к предположению, согласно которому некоторые из повсеместных черт культуры восходят, может быть, к очень раннему времени, предшествовавшему расселению человечества, предполагаемому на основании биологических соображений. Важнейшим из них является, пожалуй, то, что собака встречается в качестве домашнего животного во всех частях света. Правда, по всей вероятности, предками собак в разных частях света являются главным образом туземные дикие собаки, но тем не менее представляется вероятным, что совместная жизнь человека и собаки развилась в древнейший период человеческой истории, предшествовавший отделению рас северной Азии и Америки от рас юго-восточной Азии. Появление динго (туземной собаки) в Австралии, повидимому, всего легче можно объяснить, предположив, что она последовала за человеком на этот отдаленный континент.

Другие очень простые роды деятельности, может быть, возникли благодаря успехам, достигнутым древнейшими предками человека. Искусства добывания огня, сверления, резания, плетения, обделывания камня, вероятно, восходят к этой ранней эпохе, и, быть может, эти искусства составляли то наследие, на основе которого всякий народ строил свой собственный индивидуальный тип культуры (Вейле)¹⁾. Если бы археологические исследования по

¹⁾ K. Wente, „Die Kultur der Kulturlosen“ (Stuttgart);²⁾ F. Ratzel, „Anthropogeographie“, vol. II (1891), p. 693.

казали, что орудия и другие доказательства успехов человека встречаются в геологический период, в течение которого человечество не достигло своего нынешнего распространения по всему миру, то нам пришлось бы сделать вывод, согласно которому они представляют раннее культурное достояние человека, которое он разносил с собою по всему миру. В этом заключается большое и основное значение зоолитических находок, столь обстоятельно обсуждавшихся в последние годы. Язык также является чертой общою всему человечеству, так что корни его могут восходить к древнейшим эпохам.

Проявления активности, обнаруживающиеся у высших обезьян, повидимому, свидетельствуют в пользу предположения, согласно которому известные искусства могли быть достоянием человека до его расселения. Их привычка устраивать гнезда, т.-е. жилища, употребление палок и камней являются указанием в этом направлении.

Поэтому представляется правдоподобным, что известные культурные успехи восходят к появлению человечества. Защитники этой теории, как-то: Вейле и Гребнер, полагают также, что известные изобретения, например, бумеранг, спорадически встречающиеся у рас, признаваемых родственными по происхождению, может быть, относятся к эпохе, предшествовавшей дифференциации и расселению этих рас.

Относительно многих из тех явлений, которые могут быть объяснены с этих точек зрения, совершенно невозможно представить бесспорные аргументы, доказывающие, что эти обычаи вызваны не параллельным и независимым развитием, а общностью происхождения. Разрешению этой проблемы будут в значительной степени способствовать, с одной стороны, результаты доисторической археологии, а с другой — психологии животных.

Эта проблема становится еще более трудной вследствие того, что культурные элементы передаются от одного племени к другому, от одного народа к другому и из одной части света в другую, что может быть доказано с древнейших времен. Как пример той быстроты, с которой передаются культурные успехи, можно упомянуть историю некоторых возделываемых растений в новое время. Табак и маниок были ввезены в Африку после открытия Америки, и эти растения быстро распространились по всему материка, так что теперь они имеют столь важное значение для всей культуры негров, что нельзя было бы подозревать их иноземное происхождение (Ган)¹⁾. Таким же образом мы находим, что употребление бананов распространилось почти по всей Южной Америке (фон-ден-Штейнен)²⁾.

---

¹⁾ E. d. Hahn, „Die Haustiere“ (Leipzig, 1896) pp. 464—465; A. de Candolle „Origin of Cultivated Plants“ (New York, 1886), pp. 59—139 et seq.

²⁾ Karl von den Steinen, „Durch Centralbrasilien“ (1886), pp. 310 et seq.; „Unter den Naturvölkern Central-Brasiliens“ (1894), pp. 210—212.

Другой пример невероятной быстроты, с которой полезное культурное приобретение может распространиться по всему миру, представляет история маиса. Упомянуто, что он был известен в Европе в 1539 году. По словам д-ра Лауфера ¹⁾, он проник в Китай через Тибет между 1540 и 1570 г.г.

Легко показать, что подобные же условия существовали и в прежние времена. Исследования Виктора Гена ²⁾ доказывают, что количество прирученных животных и разводимых растений, постепенно и непрерывно возрастало, благодаря вывозу их из Азии. Тот же самый процесс совершался и в доисторические времена. Постепенное распространение азиатской лошади, которая сперва употреблялась как упряжное животное, а позднее — для езды верхом, распространение рогатого скота в Африке и в Европе, развитие европейских зерновых хлебов могут служить поясняющими примерами. Территория, по которой распространились эти добавления к основному капиталу человеческой культуры, весьма обширна. Мы видим, что большая часть их распространяется на запад, пока не достигает берегов Атлантического океана, и на восток к берегам Тихого океана. Они проникли также и в Африку. Возможно, что употребление молока распространялось сходным путем, так как мы находим, что молоко употреблялось в пищу во всей Европе, в Африке и в западной части Азии в ту эпоху, с которой начинаются наши исторические сведения о людях, населяющих мир.

Быть может, лучшее доказательство передачи заключается в фольклоре племен, населяющих мир. Повидимому, быстрее всего распространяются фантастические рассказы. Известны сложные повести, которые не могли быть придуманы дважды и которые рассказываются берберами в Марокко, итальянцами, русскими, в джунглях Индии, на возвышенностях Тибета, в тундрах Сибири и в прериях Северной Америки, так что, может быть, из всех частей света они не проникли лишь в Южную Африку, Австралию, Полинезию и Южную Америку. Примеры такой передачи очень многочисленны, и мы начинаем убеждаться в том, что ранние сношения между человеческими расами охватывали почти весь мир.

Из этого вытекает, что, как бы ни была первобытна культура данного племени, она может быть вполне объяснена лишь в том случае, если мы примем в расчет как ее внутренний рост, так и ее отношение к культуре его близких и дальних соседей и то влияние, которое они могли оказать.

Может быть, здесь полезно указать, что, повидимому, существовали две огромные области, в которых происходила далеко

¹⁾ Berthold Laufer, „The Introduction of Maize into Eastern Asia“ (Congrès International des Américanistes, XV Session, Quebec, 1907, vol. I. pp. 223 et seq., особенно pp. 250—252). Относительно распространения табака в восточной Азии см. I. Rein в Petermann's Mitteilungen, vol. XXIV (1878), pp. 215 et seq.

²⁾ Viet Hehn, „Kulturpflanzen und Haustiere“ (2d. ed., Berlin, 1874).

простиравшаяся диффузия. Наши краткие замечания о распространении культурных растений и прирученных животных доказывают существование взаимных сношений между Европой, Азией и Северной Африкой от Атлантического до Тихого океана. Другие культурные черты подтверждают этот вывод. В постепенном распространении бронзы из центральной Азии на запад и на восток по всей Европе и по Китаю, в области, в которой употребляется колесо, где занимаются земледелием, применяя плуг и прирученных животных, обнаруживается тот же самый тип распространения (Ган)¹). Мы можем признать одинаковость характерных черт в этой области и в других отношениях. Клятва и ордалии весьма развиты в Европе, Африке и Азии, за исключением северо-восточной части Сибири, между тем как в Америке они почти неизвестны (Лааш)²). Другие общие черты культурных типов Старого Света также обнаруживаются чрезвычайно отчетливо благодаря контрасту с условиями, существующими в Америке. Одной из этих черт является важное значение формальной судебной процедуры в Старом Свете и почти полное ее отсутствие у племен северной и южной Америки, которые по их общему культурному развитию, конечно, можно сравнить с африканскими неграми. В области фольклора я могу указать на обилие загадок, пословиц и нравоучительных басен, столь характерных для громадной части Старого Света, между тем как их не оказывается в северо-восточной Сибири и в Америке. Во всех этих отношениях Европа, большая часть Африки и Азии, за исключением ее крайней северо-восточной части, и находящиеся в связи с ней острова к востоку от Малайского архипелага образуют одно целое.

Подобным же образом мы можем проследить известные очень общие черты в большой части Америки. Всего убедительнее употребление маиса во всей той части Америки, где занимаются земледелием, но мы могли бы также указать на развитие особого типа церемониала и декоративного искусства. Повидимому, средние части Америки играли роль, представляющую некоторое сходство с ролью центральной Азии в Старом Свете, поскольку там могла быть родина многих из характерных черт цивилизации до развития более высокого типа цивилизаций Центральной и Южной Америки.

Представителем третьей точки зрения является Бастиан³), признающий важное значение географической окружающей среды при видоизменении аналогичных этнических явлений, но не при-

¹) E. d. Hahn, „Die Entstehung der Pflugkultur“ (Heidelberg, 1909).

²) Richard Laasch, „Der Eid“ (Stuttgart, 1908). Лааш приводит несколько примеров клятвы в Америке. Однако они чрезвычайно малочисленны по сравнению с обширным материалом, собранным им из Старого Света

³) Изложение точки зрения Бастиана можно найти у Th. Achelis, „Moderne Völkerkunde“ (Stuttgart, 1896), pp. 189 et seq.

писывающий им творческой силы. Одинаковость форм мысли, находящихся в странах весьма отдаленных одна от другой, навела его на мысль о существовании известных определенных типов мысли, все равно, среди каких бы условий ни жил человек, и каковы бы ни были его социальные и психические отношения. Он назвал эти основные формы мысли, «развивающиеся с железной необходимостью повсюду, где живет человек», «элементарными идеями». Он отрицает возможность открыть последние, повсюду оказывающиеся налицо источники изобретений, идей, обычаев и верований. Они могут быть местного происхождения, могут быть занесены, могут проистекать из разнообразных источников, но они оказываются налицо. Человеческий ум таков, что он самопроизвольно открывает их или принимает их всякий раз, когда они ему предлагаются. Теория Бастиана о постоянстве этих форм мысли кажется мне родственной взгляду Дилтея на ограниченность возможных типов философии. Сходство взглядов этих двух авторов явственно обнаруживается также в постоянных ссылках Бастиана на теории философов, сравниваемые им с теми взглядами, которых держится первобытный человек. С точки зрения Бастиана важна основная одинаковость форм человеческой мысли во всех формах культуры, как прогрессировавших, так и в первобытных.

В изложенных им взглядах можно найти известного рода мистицизм, поскольку элементарные идеи представляются его уму неприкосновенными сущностями. Никакая дальнейшая мысль не может раз'яснить их происхождения, так как мы сами вынуждены мыслить в формах этих элементарных идей.

Точная формулировка элементарной идеи до известной степени выясняет нам психологическое основание для ее существования. Например, тот факт, что так часто предполагается, что страна теней находится на Западе, наводит на мысль, что она локализуется там, где скрываются солнце и звезды. Простое констатирование того, что первобытный человек считает животных одаренными всеми качествами человека, показывает, что аналогия между многими из качеств животных и человеческими качествами вызвала взгляд, согласно которому все качества животных являются человеческими. В других случаях причины не столь самоочевидны, например, в случае широко распространенных обычаев, ограничивающих брак и вызывающих недоумение во многих исследователях. Трудность этой проблемы доказывается множеством гипотез, придуманных для объяснения ее во всех ее различных формах.

Однако проблема происхождения элементарных идей обсуждалась с психологической точки зрения, и тщательно выработанная Вундтом теория психологии народов, а также исследования социологов-психологов указывают те направления, в которых следует разрабатывать эту проблему. Для выяснения этого пункта я могу упомянуть общее рассмотрение функции ассоциа-

ции в верованиях первобытных людей, данное Вундтом ¹⁾, или исследование внушения и гипнотизма в первобытной жизни, произведенное Штолем ²⁾. Более подробное обсуждение этого метода рассмотрения обыкновенных элементарных идей может быть отложено до VIII главы.

---

¹⁾ Wilhelm Wundt, „Völkerpsychologie“ (Leipzig, Engelmann).

²⁾ Otto Stoll, „Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie“ (Leipzig, 1894).

VII

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Как я уже упоминал, некоторые авторы, например, Гобино, Клемм, Карус, Нотт и Глиддон, предполагали характерные умственные различия между человеческими расами. Эти взгляды возродились благодаря развитию современного национализма, с его чрезмерным восхищением тевтонской расы своими достоинствами, с его панславизмом и сходными симптомами, развивающимися в других частях света; но эти взгляды не подтверждаются результатами беспристрастного исследования.

Остается, однако, рассмотреть одну точку зрения, которая могла бы доставить основу для исследования. Разнообразие форм, в которых встречаются основные идеи, давно приводилось в связь с общими впечатлениями, относящимися к ступеням цивилизации, и при этом обращалось внимание на повторение во всем мире сходных форм, по видимому, соответствующих возрастанию степени сложности культуры. Это привело антропологов к тому выводу, что типы человеческой культуры представляют эволюционный ряд; первобытные племена нашего времени представляют более древнюю стадию культурного развития, через которую типы, более подвинувшиеся вперед, прошли в более ранние периоды. Если это верно, и если бы можно было показать, что отдельные племена развиваются независимо, то мы, конечно, могли бы сказать, что менее благоприятно развивавшимися должны были бы оказываться те расы, у которых более ранние типы культуры встречаются очень часто, а более поздние стадии развития — редко. Я уже упомянул об этой возможности. Поэтому теория однообразного развития человеческой цивилизации должна быть рассмотрена в нашем исследовании отношения между расовыми типами и культурным прогрессом. Исследования Тайлора и БахOFFена, Моргана и Спенсера вызвали сосредоточение внимания на данных антропологии, как выясняющих постепенное развитие цивилизации. Развитие этой стороны антропологии было подвинуто вперед трудами Дарвина и его последователей, и ее основные идеи могут быть понимаемы лишь как приложения теории

биологической эволюции к умственным явлениям. Взгляд, согласно которому проявления этнической жизни представляют ряд, прогрессирующий от простых начатков до сложного типа современной цивилизации, составлял основную мысль этого направления антропологической науки.

Аргументы в пользу теории, согласно которой развитие цивилизации повсюду шло сходным путем, так что у первобытных племен мы все еще можем обнаружить стадии, через которые прошла наша собственная цивилизация, в значительной степени основаны на сходствах типов культуры, находимых у различных рас во всем свете, а также и на существовании в нашей собственной цивилизации таких особых обычаев, которые могут быть понимаемы лишь как пережитки (Тайлор)¹⁾ более древних обычаев, имевших более глубокое значение в более раннюю эпоху и все еще встречающихся в полной силе у первобытных людей.

Необходимо указать по крайней мере на некоторые из сторон этой общей проблемы, чтобы выяснить значение эволюционной теории человеческой цивилизации.

Во многих странах в социальной организации первобытных племен обнаруживаются сходные черты. Вместо того, чтобы определять происхождение так, как это делается у нас, многие племена признают дитя членом только семьи его матери и считают кровное родство лишь по материнской линии, так что двоюродные братья с материнской стороны считаются близкими родственниками, между тем как двоюродные братья с отцовской стороны считаются находящимися лишь в дальнем родстве. У других племен существует строго отцовская организация, так что дитя принадлежит только к семье своего отца, а не к семье своей матери; некоторые племена придерживаются тех же принципов, которыми руководимся мы, считая родство по обоим линиям. В связи с этими обычаями находится выбор местопребывания новобрачной четы, иногда живущей с племенем или с семьей жены, иногда с племенем или с семьей мужа. Когда чета поселяется с той социальной группой, к которой принадлежит жена, часто бывает, что с мужем обходятся как с посторонним человеком, пока не родится его первый ребенок. Эти явления были всесторонне исследованы, и было отмечено, что обычаи, относящиеся к месту жительства и к происхождению, очевидно, находятся в тесной взаимной связи (Тайлор)²⁾. Как результат этих исследований был сделан тот вывод, что материнские учреждения повсюду предшествуют отцовским, и что социальная организация человечества была такова, что первоначально, может быть, не существовало никакой определенной семейной организации; затем развились материнские учреждения, за которыми, в свою очередь,

¹⁾ E. B. Tylor, „Primitive Culture“ (3d. ed., 1891), p. 16.

²⁾ E. B. Tylor, „On a Method of Investigating the Development of Institutions“ (Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. XVIII. [1889], pp. 245 et seq.).

последовали отцовские учреждения, а потом развилась система считать родство одинаково, как по материнской, так и по отцовской линиям.

Сходные результаты получились при изучении человеческих изобретений. Выше было указано, что разные породы обезьян иногда пользуются камнями для защиты, и что искусственные убежища животных некоторым образом указывают на начатки изобретений. В этом смысле мы можем искать происхождения орудий и утвари у животных. В древнейшие времена, от которых остались на поверхности земли человеческие остатки, мы находим, что люди пользуются простыми каменными орудиями, изготовляемыми посредством грубого обтесывания, но многообразие форм орудий постепенно возрастает. Так как возможно, что некоторые орудия изготовлялись из непрочных материалов, то в настоящее время мы не в состоянии сказать, в самом ли деле в очень раннюю эпоху в качестве орудий и утвари употреблялись лишь те немногие каменные предметы, которые можно найти ныне; но, конечно, орудия были немногочисленны и, сравнительно, просты. С того времени количество способов применения огня и орудий для резания и нанесения ударов, для скобления и просверливания все возрастало, и они делались все более и более сложными. Можно проследить постепенное развитие от простых орудий первобытного человека до сложных машин нашего времени. Изобретательный гений всех рас и бесчисленных индивидуумов способствовал достижению нынешнего состояния техники. В общем, раз сделанные изобретения сохранялись с большим упорством, и, благодаря постоянным прибавлениям, ресурсы, которыми может располагать человечество, постоянно увеличивались и умножались.

Превосходный пример общей теории развития цивилизации можно найти в теории эволюции земледелия и приручения животных, изложенной Отисом Т. Мэзоном¹⁾, В. И. Мак-Джи²⁾ и Ганом³⁾. Они указывают, как в самом начале развития социальной жизни животные, растения и человек жили вместе в определенной окружающей среде, и как, благодаря условиям жизни, известные растения размножались, что вело к исчезновению других, и как известных животных терпели по соседству с человеческим лагерем. Благодаря этому состоянию взаимной терпимости и поощрению взаимных интересов развилась, если в данном случае можно воспользоваться этим термином, более тесная ассоциация между растениями, животными и человеком, и в конце концов эта ассоциация привела к начаткам земледелия и к настоящему приручению животных.

¹⁾ Otis T. Mason, „The Origins of Invention“ (London, 1895), pp. 315 et seq.

²⁾ W. J. Mc Gee, „The Beginning of Zooculture“ (American Anthropologist, vol. X [1897], pp. 215 et seq.).

³⁾ Ed. Hahn, „Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen; Die Entstehung der Pflugkultur“ (Heidelberg, 1909).

К сходным результатам привели исследования относительно искусства. Исследователи старались показать, что с тех пор, как обитатели пещер во Франции рисовали очертания оленя и мамонта на кости и на отростках оленьего рога, человек пытался воспроизводить на пиктографических рисунках животных той местности, где он жил. В художественных произведениях многих народов были найдены рисунки, которые легко привести в связь с пиктографическими изображениями, утратившими, однако, свойственный им реализм формы и ставшими все более и более условными; таким образом, во многих случаях чисто декоративный мотив истолковывался как развившийся из реалистической пиктографии, постепенно утрачивавшей первоначальный характер под влиянием эстетических мотивов. На островах Тихого океана, в Новой Гвинее, в Южной Америке, в центральной Америке, в доисторической Европе найдены образчики этого направления развития (см. Марч ¹⁾, Гаддон ²⁾, фон-ден-Штейнен ³⁾, Гольмс ⁴⁾), которое было поэтому признано одной из важнейших тенденций эволюции декоративного искусства, начинающегося с реализма и ведущего через символическую условность к чисто эстетическим мотивам ⁵⁾).

Религия представляет другой пример эволюции, типичной для человеческой мысли. Человек рано начал размышлять об явлениях природы. Все представлялось ему в антропоморфной форме. Таким образом возникли первые примитивные понятия о мире, в которых камень, тора, небесные светила рассматривались как одушевленные антропоморфные существа, одаренные волею и желающие помогать человеку или угрожать ему опасностями. Наблюдения над проявлениями деятельности собственного тела человека и его

¹⁾ H. Colley March, в „Transactions of the Lancashire and Cheshire Antiquarian Society, 1886, „Polynesian Ornament a Mythology“ (Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. XXII [1893], pp. 307 et seq.) Hjalmar Stolpe, „Entwicklungserscheinungen in der Ornamentik der Naturvölker“ (Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, vol. XXII [1892], pp. 19 et seq.). Charles H. Read, „On the Origin and Sacred character of Certain Ornaments of the S. E Pacific (Journ. Antnr. Inst., vol. XXI [1892], pp. 139 et seq.).

²⁾ A. C. Haddon, „The Decorative Art of British New Guinea“ (Cunningham Memoirs, № X. [Dublin, 1894]).

³⁾ Karl von den Steinen, „Unter den Naturvölkern Zentral-Brasilien“ (Berlin, 1894).

⁴⁾ W. H. Holmes, „Ancient Art of the Province of Chiriqui, Colombia“, (Sixth Annual Report of the Bureau of Ethnology [Washington, 1888], pp. 3 et seq.); S. W. Putnam, „Conventionalism in Ancient American Art“ (Bulletin Essex Institute, vol. XVIII [1886], pp. 155—167); George Grant McCurdy, „The Armadillo in the Ancient Art of Chiriqui“ (Fifteenth International Congress of Americanists [Quebec, 1907], vol. II, pp. 147—163).

⁵⁾ Von den Steinen, „Prähistorische Leichen und Ornamente“ (Bastian Festschrift [Berlin, 1896], pp. 247—288. Общую теорию орнамента с этой точки зрения излагали H. Colby March, „The Meaning of Ornament, or its Archaeology and its Psychology“ (Transactions of the Lancaster and Cheshire Antiquarian Society, 1889); A. C. Haddon, „Evolution in Art“ (1895); Ernst Grosse, „Die Anfänge der Kunst“ (1894).

ума вызвали образование идеи души, независимой от тела; и, по мере возрастания знаний и роста философской мысли, из этих простых начатков развились религия и наука.

Одинаковость всех этих явлений в разных частях света считалась доказательством не только основного единства ума всех человеческих рас, но и верности теории эволюции цивилизации. Таким образом, было воздвигнуто грандиозное построение, с точки зрения которого наша нынешняя цивилизация представляется необходимым результатом деятельности всех человеческих рас, фигурирующих в одной величественной процессии, ведущей от простейших начатков культуры через периоды варварства к той стадии цивилизации, на которой они стоят в настоящее время. Шествие не было одинаково быстрым: некоторые расы все еще отстают, между тем как другие решительно подвинулись вперед и занимают первое место в общем прогрессе.

Представляется желательным точнее выяснить смысл этой теории параллелизма культурного развития. Повидимому, ее смысл таков, что разные группы человечества двинулись в путь в очень раннюю эпоху, при чем общим исходным пунктом было отсутствие культуры. Благодаря единству человеческого ума и вытекающему из него сходству реакции на внешние и внутренние стимулы, они повсюду развивались в одном и том же направлении, делая сходные открытия, и у них развивались сходные обычаи и верования. Повидимому, эта теория подразумевает также известное соответствие между промышленным и социальным развитием, а следовательно и определенный порядок, в котором открытия следовали одно за другим, равно как и формы организации и верования.

При отсутствии исторических данных относительно древнейшей истории первобытного человека во всем мире, мы имеем лишь три источника для исторической проверки этого предположения: свидетельство, заключающееся в древнейшей истории цивилизованных народов Старого Света, пережитки, сохранившиеся в современной цивилизации, и археологию. Последняя является единственным методом, при посредстве которого мы можем приступить к проблеме по отношению к народам, у которых нет истории.

Конечно, можно найти аналогии между типами культуры, представителями которой являются первобытные люди, и теми условиями, которые существовали у предков нынешних цивилизованных народов на заре истории, при чем эти аналогии подтверждаются свидетельствами, сохраняющимися в пережитках, но свидетельство археологии не подтверждает полного обобщения. Если теория параллельного развития имеет какой-либо смысл, то она требовала бы, чтобы открытия следовали одно за другим у всех разветвлений человеческого рода, но крайней мере, приблизительно в одинаковом порядке, и чтобы не оказывались важных пробелов. Известные в настоящее время факты вполне про-

тиворечат этому взгляду. Мы находим, например, обширные пространства, населенные людьми, которые значительно подвинулись вперед в житейских искусствах, но у которых никогда не была изобретаема глиняная посуда, изобретение которой является одним из существенных шагов в развитии цивилизации. Глиняная посуда не встречается в самых южных частях Африки, в Австралии, в северо-восточной Сибири¹⁾, во всей северо-западной части Северной Америки и на крайнем юге Южной Америки. Согласно сказанному выше, область распространения глиняной посуды в Старом Свете, повидимому, приблизительно совпадает с территорией, характеризующейся остальными вышеуказанными чертами, между тем, как в Америке ее центр находится в области более продвинувшейся вперед культуры — в средней части континента. Таким образом, оказывается, что у значительно подвинувшихся вперед племен северо-западной Америки нет глиняной посуды, и присутствие или отсутствие последней, повидимому, в большей степени зависит от географического положения, чем от общих культурных причин.

То же самое можно сказать об употреблении металлов. Изобретение металлургии, означающее столь важный прогресс в европейской цивилизации, повидимому, не стояло в связи с аналогичными степенями развития в других частях света. Сходные замечания можно сделать относительно развития земледелия и приручения животных. У некоторых из народов, которых мы вообще должны считать стоящими на одинаковом уровне культуры, существует земледелие, у других имеются прирученные животные, иным приходится полагаться на щедрость моря или на естественные растительные продукты тех местностей, в которых они живут²⁾. Коль скоро мы начинаем исследовать промышленные успехи разных типов, принадлежащих к разным расам, параллелизм промышленного развития не обнаруживается в каких-либо деталях. Остается лишь одна общая черта промышленного развития, а именно постоянное прибавление новых элементов к старому основному капиталу знания и все возрастающее усовершенствование методов и результатов, если оставить в стороне периоды временного регресса.

Итак, повидимому, недостоверно, что каждый народ, достигший высокой стадии развития цивилизации, должен был пройти через все стадии развития, которые мы можем вывести путем исследования всех встречающихся в мире типов культуры.

Еще более серьезное возражение основано на другом замечании. Признание общей одинаковости эволюции человечества основано на предположении, согласно которому одинаковые культурные черты всегда должны были развиваться под влиянием оди-

¹⁾ В немногих местностях этой области встречается глиняная посуда, может быть, благодаря местному ввозу в последнее время.

²⁾ Таким образом, можно сравнить культурные условия Меланезии, северо-западной Америки и некоторых кочующих африканских племен.

наковых причин, и все вариации являются лишь менее важными деталями великого однообразного типа эволюции. Иными словами, логической основой рассматриваемой теории является предположение, согласно которому одинаковые этнические явления всегда обуславливаются одинаковыми причинами. Таким образом, вышеупомянутый вывод относительно смены материнских учреждений отцовскими опирается на обобщение, гласящее, что, так как в нескольких случаях отцовские фамилии развились из материнских, следовательно, все отцовские фамилии развились таким же образом. Если мы предполагаем, что одинаковые явления повсюду развивались одинаковым образом, то мы можем столь же основательно заключить, что в некоторых случаях отцовские фамилии возникли из материнских учреждений, а в других—иными путями.

Таким же образом делается вывод, что, так как многие понятия о будущей жизни, очевидно, развились из сновидений и галлюцинаций, то и происхождение всех понятий этого рода было таково же. Это верно лишь в том случае, если можно показать, что никакие другие причины не могли повести к образованию тех же идей.

Приведем другой пример. Утверждали, что у индейцев Аризоны гончарное производство произошло из изготовления корзин, и делался тот вывод, что поэтому гончарное производство всегда должно появляться в культурном развитии человечества позднее, чем изготовление корзин. Очевидно, что этого вывода нельзя отстаивать, так как гончарное производство может развиваться иными путями.

В самом деле, можно указать целый ряд случаев, в которых сходящаяся к одной точке эволюция, начинающаяся с разных исходных пунктов, привела к одним и тем же результатам. Я уже привел пример первобытного искусства и упомянул теорию, согласно которой геометрическая форма развивается из реалистических изображений, ведущих чрез символическую условность к чисто эстетическим мотивам. Здесь мы можем заметить, что весьма разнообразные объекты могут вызвать этим путем появление одних и тех же декоративных мотивов, так что на основании сохранения одного и того же декоративного мотива нельзя утверждать, что он имел одно и то же реалистическое происхождение. Но еще важнее то, что мы можем отметить, что геометрические мотивы одинакового типа развились из тенденции художника играть со своей техникой точно так же, как виртуоз играет на своём инструменте; что искусные лица, плетущие корзины, видоизменяя комбинации при плетении, дошли до развития геометрических рисунков такой же формы, как и те, которые развились в других местностях из реалистических изображений. Мы можем даже сделать еще и дальнейший вывод и признать, что геометрические формы, развившиеся из техники, внушили животные формы, которые впоследствии были видоизменены таким образом, что они приняли реалистические формы, так что в декоративном искусстве одинаковые формы могут встречаться как

в начале ряда развития форм, так и в конце этого ряда (фон-ден-Штейнен) ¹⁾.

Не мешает привести другой пример. Употребление масок встречается у многих народов. Происхождение этого обычая неясно во всех случаях, но легко различить несколько типических форм их употребления. Масками имеют в виду обмануть духов относительно личности их носителя, и, таким образом, они предохраняют его от нападения; или маска может изображать духа, олицетворяемого носящим ее лицом, таким образом отпугивающим сверхъестественных врагов. Другие маски установлены в воспоминание, при чем носящий их олицетворяет умершего друга. Маски употребляются также на театральных представлениях, иллюстрируя мифологические события (Андрее) ²⁾. Конечно, вовсе нет надобности предполагать, что эти объяснения, даваемые лицом, носящим маски, выражают действительное историческое развитие обычая, но сами объяснения наводят на мысль о неправдоподобности одного и того же происхождения вышеупомянутого обычая.

Приведу другой пример. Первобытные племена часто разделяются на определенное число групп. Трудно сомневаться в том, что эта форма социальной организации множество раз возникала независимо. Мы вправе сделать тот вывод, что психические свойства человека благоприятствуют существованию этой организации общества, но из вышеизложенного не вытекает, что она всюду развилась одинаковым образом. Доктор Вашингтон Матьюс ³⁾ показал, что группы племени навахов возникли благодаря ассоциации независимых элементов. Капитан Берке ⁴⁾ указал, что сходные события вызвали возникновение групп апачов, а доктор Фьюкс ⁵⁾ пришел к тому же выводу относительно некоторых из племен, обитающих в публосах. С другой стороны у нас имеются доказательства того, что такие группы могут возникать путем разделения. Такие события происходили у индейцев северного побережья Тихого океана (Боас) ⁶⁾. Происхождение других

¹⁾ Von den Steinen, „Die Bedeutung der Textilmuster für den geometrischen Stil der Naturvölker“ (Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, vol. XXXV [1904], p. 126; Max Schmidt, „Indianerstudien in Zentral-Brasilien“ (Berlin, 1905) pp. 330 et seq.; Franz Boas, „The Decorative Arts of the North American Indians“ (Popular Science Monthly, 1903, pp. 481—498); Heinrich Schurtz, „Urgeschichte der Kultur“ (1900), p. 540; A. S. F. Hamblin, „The American Architect and Building News“ (1898).

²⁾ Richard Andree, „Ethnographische Parallelen und Vergleiche“ (Neue Folge, 1889), pp. 107 et seq.

³⁾ Washington Matthews, „The Gentile System of the Navajo Indians“, (Journal of American Folk-Lore, vol. III [1890], pp. 89—110.

⁴⁾ John G. Bourke, „Notes upon the Gentile Organization of the Apaches of Arizona“ (Ibid., pp. 111—126).

⁵⁾ I. Walter Fewkes, „The Kinship of a Tanoan-Speaking Community in Tusayan“ (Amerikan Anthropologist, vol. VII [1894], pp. 162 et seq.).

⁶⁾ Franz Boas, „The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians“ (Report of the U. S. National Museum for 1895 [Wa-

разделений племен, повидимому, было совершенно иным; таково, например, часто встречающееся двойное экзогамное разделение племен, которое, может быть, удовлетворительно объясняется применением законов экзогамии в небольшой общине. Таким образом, повидимому разнообразные причины привели к результатам, представляющимся во всех отношениях тождественными.

Сделать дальнейшие выводы в этом направлении мешает, по моему мнению, то, что данные, с которыми мы имеем дело, оказываются несравнимыми. Обращали внимание, главным образом, на сходство этнографических явлений, между тем как индивидуальными вариациями пренебрегали. Коль скоро мы обращаем внимание на эту сторону вопроса, мы замечаем, что одинаковость этнографических явлений оказывается скорее поверхностной, чем полной, скорее кажущейся, чем реальной. Неожиданные сходства до такой степени привлекали к себе наше внимание, что мы упускали из виду различия; между тем как при изучении физических черт различных социальных групп обнаруживается противоположная тенденция ума. Так как сходство главных черт человеческой формы самоочевидно, то наше внимание направляется на мелкие различия в строении.

Легко привести примеры того, что данные оказываются несравнимыми. Когда мы говорим об идее загробной жизни, как об одной из идей, развивающихся в человеческом обществе в силу психологической необходимости, мы имеем дело с чрезвычайно сложную группую данных. Один народ верит, что душа продолжает существовать в той форме, которую данное лицо имело во время смерти; другой верит, что душа возродится в ребенке той же семьи; третий верит, что души войдут в тела животных; иные верят, что тени продолжают наши человеческие занятия, ожидая, что они вернуться в наш мир в далеком будущем. Эмоциональные и рационалистические элементы, входящие в эти разнообразные понятия, совершенно различны, и мы легко можем понять, как благодаря психологическим процессам, которые совершенно несравнимы, могли возникнуть разные формы идеи будущей жизни. Если я могу позволить себе высказать свои соображения по этому вопросу, то я склоняюсь к предположению, что в одном случае сходство между детьми и их умершими родственниками, в другом случае воспоминание о том, как умерший жил и продолжение последних дней своей жизни, в иных случаях посещение к любимому ребенку или родственнику, а затем—боязнь смерти, — все эти мотивы, одни в одних случаях, другие в других, могли способствовать развитию идеи загробной жизни.

Другой пример подтверждает эту точку зрения. Одной из замечательных форм социальной организации, встречающейся

ington, 1897], p. 333); J o h n R. S w a n t o n, „Contributions to the Ethnology of the Haida“ (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, [vol. II Heiden, 1905—1909], pp. 102 et seq.).

во многих странах, далеких одна от другой, является так называемый «тотемизм», т.-е. общественная форма, при которой известные социальные группы считают себя находящимися сверхъестественным образом в родстве с известным животным видом или с известным классом объектов. Я полагаю, что таково общепринятое определение «тотемизма», но я убежден, что в этой форме рассматриваемое явление не представляет собой простой психологической проблемы, но охватывает разнообразнейшие психологические элементы. В некоторых случаях люди верят, что они являются потомками животного, покровительством которого они пользуются. В других случаях, животное или какой-либо другой объект могли явиться предку данной социальной группы и обещать ему стать его покровителем, а затем дружеские отношения между животным и предком передавались его потомкам. В иных случаях предполагалось, что известная социальная группа в племени обладала способностью магическими средствами и очень легко обесчистить за собой известного рода животное или увеличить количество его экземпляров, и сверхъестественное отношение могло установиться таким путем. Следует признать, что здесь, опять-таки, одинаковые по внешнему виду антропологические явления в психологическом отношении оказываются совершенно различными, так что, следовательно, из них нельзя вывести психологических законов, которым все они подчинялись бы (Гольденвейзер)¹⁾.

Не мешает привести другой пример. При общем обзоре моральных масштабов мы замечаем, что, по мере развития цивилизации, происходит постепенное изменение в оценке поступков. У первобытных людей человеческою жизнью не дорожат и ею жертвуют при малейшем раздражении. Социальная группа, члены которой связаны какими-либо альтруистическими обязательствами, чрезвычайно мала; и вне этой группы всякий поступок, могущий повлечь за собою личную выгоду, не только дозволяется, но даже одобряется. Начиная с этого исходного пункта, мы находим, что человеческая жизнь ценится все выше, и объем группы, члены которой связаны альтруистическими обязательствами, все возрастает. Современные отношения между нациями показывают, что эта эволюция еще не достигла своей конечной стадии. Поэтому могло бы казаться, что изучение отношения общественной совести к таким преступлениям, как убийство, могло бы иметь психологическое значение и привести к важным результатам, выясняя происхождение этических ценностей. Однако, как мне кажется, здесь возможны такие же возражения, как и вышеприведенные, а именно, отсутствие сравнимых мотивов. Лицо, умерщвляющее врага, в отмщение за причиненный вред, юноша, убивающий своего отца, прежде чем последний станет дряхлым,

---

¹⁾ A. A. Goldenweiser, „Totemism, an Analytical Study“ (Journal of American Folk-Lore, vol. XXIII [1910], pp. 179 et seq.).

чтобы дать ему возможность продолжать активную жизнь на том свете, отец, умерщвляющий своего ребенка, как жертву для блага своего народа, — все они действуют под влиянием таких совершенно различных мотивов, что психологически сравнение их деяний представляется недопустимым. Казалось бы, гораздо уместнее сравнивать убийство врага в отмщение с уничтожением его собственности с тою же целью, или сравнивать принесение в жертву ребенка ради племени с каким-либо другим поступком, совершаемым под влиянием сильных альтруистических мотивов, чем полагать в основу нашего сравнения общее понятие убийства (Вестермарк)¹⁾.

Этих немногих данных достаточно для того, чтобы показать, что одно и то же этническое явление может развиваться из разных источников; и мы можем сделать тот вывод, что, чем проще наблюдаемый факт, тем вероятнее, что он мог развиваться в одних случаях из одного источника, а в других из другого.

Если мы основываем наше исследование на этих наблюдениях, то кажется, что возможны серьезные возражения против предположения, что у всех человеческих рас стадии культуры следуют одна за другою в одном и том же порядке. Скорее мы признаем особую тенденцию различных обычаев и верований приходить к сходным формам. Для правильного истолкования этих сходств в форме различных обычаев и верований необходимо исследовать их историческое развитие. Лишь тогда, когда историческое развитие в разных местностях одинаково, дозволительно считать рассматриваемые явления эквивалентными. С этой точки зрения факты культурного контакта получают особое значение.

Важное теоретическое соображение также поколебало наше доверие к правильности эволюционной теории, как целого. Одна из существенных черт этой теории заключается в том, что вообще цивилизация развивалась путем перехода от простых форм к сложным, и что обширные сферы человеческой культуры развивались под влиянием более или менее рационалистических импульсов. В последние годы мы начинаем признавать, что человеческая культура не всегда развивается путем перехода от простого к сложному, но что по отношению ко многим сторонам перекрещиваются две тенденции, — одна к развитию от сложного к простому, другая — к развитию от простого к сложному. Очевидно, что в истории промышленного развития почти сплошь обнаруживается возрастающая сложность. С другой стороны, в родах человеческой деятельности, не зависящих от логических рассуждений, не обнаруживается подобного рода эволюции.

Всего легче, быть может, пояснить это примером языка, представляющего во многих отношениях одно из важнейших свиде-

¹⁾ Edward Westermarck, „The Origin and Development of the Moral Ideas“ (London, 1906).

тельств истории человеческого развития. Первобытные языки, в общем, сложны. Мелкие различия в точке зрения выражаются посредством грамматических форм; и грамматические категории латинского, а тем более современного английского языка, кажутся невыработанными по сравнению со сложностью психологических или логических форм первобытных языков, — форм, совершенно неизвестных нашей речи. В общем, развитие языков, повидимому, таково, что более тонкие формальные различия устраняются. Этот процесс начинается со сложных форм и кончается простыми, хотя следует признать, что обнаруживаются и противоположные тенденции (Боас)¹⁾.

Подобные же замечания можно сделать и об искусстве первобытного человека. В музыке, равно как и в декоративном рисунке, мы находим такую сложность ритмической структуры, что с ним нельзя сравнивать в этом отношении современное народное искусство. Особенно в музыке эта сложность столь велика, что попытками подражать ей оценивается искусство опытного виртуоза (Штумпф)²⁾. Раз выяснилось, что простота не всегда является доказательством древности, легко видеть, что теория эволюции цивилизации до известной степени основана на логической ошибке. Классификация данных антропологии в соответствии с их простотою была переинтерпретирована как порядок, в котором они исторически следовали друг за другом, при чем не старались надлежащим образом доказать, что более простое предшествует более сложному.

Таким образом мы приходим к тому заключению, что предположение однообразного развития культуры у всех различных человеческих рас и во всех племенных единицах верно лишь в ограниченном смысле. Мы можем признавать известное изменение видов умственной деятельности при изменениях формы культуры; но предположение, согласно которому одни и те же формы должны непременно развиваться во всякой независимой социальной единице, вряд ли может быть отстаиваемо. Таким образом на тот вопрос, с постановки которого мы начали наше рассмотрение, а именно: можно ли доказать, что представители различных рас развивались независимо друг от друга, таким образом, что представители одних рас стоят на низком уровне культуры, а представители других рас — на высоком, можно дать отрицательный ответ. Если бы мы сделали попытку расположить различные типы человека в соответствии с их промышленным развитием, то оказалось бы, что на одном и том же низшем уровне находятся представители таких разнообразнейших рас, как бушмены южной Африки, ведды Цейлона, австралийцы и

---

¹⁾ Пример можно найти в руководстве к изучению американских индейских языков Франца Боаса (Bulletin 40, „Bureau of American Ethnology“ [Washington, 1911]).

²⁾ Carl Stumpf, „Die Anfänge der Musik“ (Leipzig, 1911).

индейцы Огненной Земли. На несколько более высоких ступенях мы также нашли бы представителей различных рас, напр., негров центральной Африки, индейцев юго-западных публосов и полинезийцев. И в нынешний период мы можем найти представителей разнообразнейших рас, принадлежащих к высшим типам цивилизации. Таким образом оказывается, что не существует точного соотношения между расой и культурой.

VIII

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Теперь остается точнее формулировать различие между формами мышления первобытного и цивилизованного человека независимо от его расового происхождения.

Даже поверхностное наблюдение показывает, что группы людей, принадлежащих к различным социальным слоям, ведут себя не одинаковым образом. Русский крестьянин реагирует на свои чувственные опыты не так, как туземец-австралиец, реакции же образованного китайца и образованного американца оказываются совершенно иными. Во всех этих случаях форма реакции может в незначительной степени зависеть от наследственных, индивидуальных и расовых способностей, но в гораздо большей степени она определяется обычными реакциями того общества, к которому принадлежит рассматриваемый индивидуум.

Поэтому в конце нашего исследования необходимо определить и выяснить умственные реакции, отличающие первобытного человека от цивилизованного человека всех рас.

Мы должны ограничить наше рассмотрение весьма немногими примерами основных психологических фактов.

Одной из наиболее характерных черт мыслей первобытных людей является особый способ разграничения понятий, представляющихся нам сходными и находящимися во взаимной связи, и приведения их в иной порядок. По нашим воззрениям все элементы неба и факторы погоды являются неодушевленными предметами, но уму первобытного человека кажется, что они принадлежат к органическому миру. Между человеком и животным не проведено резкой разграничительной черты. То, что мы считаем состояниями объекта, например, здоровье и болезнь, рассматриваются первобытным человеком как независимые реальности. Словом, у людей, живущих в разных формах общества, вся классификация производится в совершенно различных направлениях.

Я пояснил необходимость классификации в предыдущей главе, говоря об отношении между языком и культурным развитием.

При этом я указал также и на несогласованность принципов классификации, обнаруживаемых в различных языках.

Образ действий первобытного человека вполне выясняет, что все эти лингвистические классы никогда не создавались, и, следовательно, происхождение их следует искать не в рациональных, а в совершенно бессознательных умственных процессах. Они должны возникать, благодаря группировке чувственных впечатлений и понятий, которая не оказывается произвольной ни в каком смысле этого слова, но развивается под влиянием совершенно различных психологических причин. Характерной чертой лингвистических классификаций является то, что они никогда не устанавливаются сознательно; между тем как другие классификации часто производятся сознательно, хотя и среди них преобладает такое же бессознательное происхождение. Весьма вероятно, что, например, такие основные религиозные понятия, как понятия воли, присущей неодушевленным предметам, или антропоморфный характер животных, вначале столь же мало сознательны, как и основные идеи языка. Но между тем как языком пользуются столь автоматически, что никогда не представляется повода к тому, чтобы основные понятия применялись сознательно, это очень часто бывает во всех явлениях, относящихся к религии.

Эти замечания применимы и к другим группам понятий.

В этих исследованиях следует прежде всего определить основные категории, под которые явления подводятся человеком на разных ступенях культуры. Различия этого рода обнаруживаются весьма ясно в области известных простых чувственных ощущений. Наблюдалось, например, что цвета классифицировались по их сходствам в совершенно различные группы, при чем не оказывалось никакого различия в способности различать оттенки цвета. То, что мы называем зеленым и голубым цветами, часто объединяется каким-либо термином, вроде «цвет желчи», или желтый и зеленый цвета соединяются в одно понятие, которое можно назвать «цвет молодых листьев». Вряд ли можно преувеличить важность того факта, что в мысли и в языке эти названия цветов производят впечатление совершенно различных групп ощущений.

Другую группу категорий, относительно которой возможны плодотворные исследования, составляют категории объекта и атрибута. При рассмотрении понятий первобытного человека выясняется, что классы идей, в которых мы усматриваем атрибуты, часто признаются независимыми объектами. Наиболее известным примером этого рода, о котором мне уже пришлось упомянуть, является случай болезни. Между тем как мы считаем болезнь состоянием организма, по мнению первобытного человека и даже многих членов нашего общества, она является объектом, который может входить в тело и который может быть удален из него. Примером этого могут служить многочисленные случаи, когда недуг извлекается из тела высасыванием или иными способами, верование, что его можно пустить в народ или заочно-

чить в дерево, во избежание его возвращения. Относительно других качеств придерживаются такого же образа действий. Так, состояние голода, истощения и тому подобные телесные ощущения рассматриваются известными первобытными племенами как независимые объекты, действующие на тело. Даже жизнь принимается за материальный объект, могущий отделяться от тела. Блеск солнца рассматривается как объект, который само солнце может возложить на себя или отбросить.

Я указал выше, что понятие антропоморфизма представляется одной из важных основных категорий первобытной мысли. Повидимому, способность двигаться и способность приводить в движение объект вызвала включение человека и способных двигаться объектов в одну и ту же категорию, при чем движущемуся объекту миру приписываются человеческие качества.

Между тем как во многих случаях можно в достаточной степени выяснить понятия, лежащие в основе этих категорий, они вовсе неясны в других случаях. Так, понятие групп, по отношению к которым может быть речь о кровосмешении, тех групп, в которых строго воспрещено вступление в брак, — универсально; но еще не было дано удовлетворительного объяснения тенденции подводить известные степени кровного родства под эту точку зрения.

Другое основное различие между умственной жизнью первобытного и умственной жизнью цивилизованного человека заключается в том факте, что нам удалось, исходя из этих невыработанных, бессознательных классификаций итогов нашего знания, развить путем применения сознательного мышления лучшие системы, между тем как первобытный человек не сделал этого. Первое впечатление, получающееся при изучении верований первобытного человека, таково, что, между тем как его чувственные восприятия превосходны, его способность к логическому истолкованию восприятий кажется недостаточною. По моему мнению, можно показать, что этот факт обуславливается не какою-либо основною особенностью ума первобытного человека, а скорее характером традиционных идей, при посредстве которых истолковывается всякое новое восприятие; иными словами, характером традиционных идей, с которыми ассоциируется всякое новое восприятие. В нашем обществе ребенку передается масса наблюдений и мыслей. Эти мысли являются результатом тщательного наблюдения и умозрения нашего нынешнего и прежних поколений; но они передаются большинству индивидуумов как традиционный материал, во многих отношениях имеющий такой же характер, как фольклор. Ребенок ассоциирует новые восприятия со всею массою этого традиционного материала и истолковывает свои наблюдения при его посредстве. По моему мнению, предположение, согласно которому истолкование, производимое каждым цивилизованным индивидуумом, является полным логическим процессом, ошибочно. Мы ассоциируем явление с несколькими известными фактами, истолкования которых предполагаются извест-

ными, и удовлетворяемся сведением нового факта к этим заранее известным фактам. Например, если средний индивидуум слышит о взрыве прежде неизвестного химического препарата, он рассуждает так: о некоторых веществах известно, что они обладают свойством взрываться при соответственных условиях, и, следовательно, неизвестное вещество обладает тем же свойством, и удовлетворяется этим рассуждением. В общем я не думаю, что нам приходится прибегать к дальнейшим рассуждениям и в самом деле пытаться дать полное объяснение причин взрыва.

Различие между образом мыслей первобытного и образом мыслей цивилизованного человека, повидимому, в значительной степени заключается в различном характере того традиционного материала, с которым ассоциируется новое восприятие. Образование, даваемое ребенку первобытного человека, не основано на вековом систематическом опыте, но заключается в необработанном опыте ряда поколений. Когда ум первобытного человека усваивает новый опыт, такой же процесс, какой мы наблюдаем у цивилизованных людей, вызывает совершенно иной ряд ассоциаций, и поэтому получается иной тип объяснения. Внезапный взрыв, может быть, ассоциируется в его уме с рассказами, которые он слышал относительно мифической истории мира, и поэтому он вызовет суеверный ужас. Признавая, что ни у цивилизованных, ни у первобытных людей средний индивидуум не доводит попытки причинного объяснения явлений до конца, но доводит ее лишь до амальгамации с другими, предварительно известными фактами, мы признаем, что результат всего процесса вполне зависит от характера традиционного материала. В этом заключается огромная важность фольклора при определении образа мыслей. В этом, главным образом, заключается огромное влияние ходячих философских мнений на массы народа, и влияние господствующей научной теории на характер научной работы.

Тщетно было бы пытаться понять развитие современной науки без разумного понимания современной философии; тщетно было бы пытаться понять историю средневековой науки без знания средневековой теологии; так же тщетно пытаться понять первобытную науку без разумного знания первобытной мифологии. «Мифология», «теология» и «философия» являются разными терминами, служащими для обозначения одних и тех же влияний, обуславливающих направление человеческой мысли и определяющих характер попыток человека объяснить явления природы. Первобытному человеку, приученному считать небесные тела одушевленными существами, признающему всякое животное существом более могущественным, чем человек, принимающему горы, деревья и камни за живые существа, представляются совершенно иные объяснения, чем те, к которым мы привыкли, так как мы основываем свои выводы на существовании материальных сил, производящих наблюдаемые результаты. Если бы мы не считали возможным объяснить целый ряд явлений исключительно как

результат материи и силы, то все наши объяснения явлений природы приняли бы иной вид.

В научных исследованиях нам следовало бы всегда ясно иметь в виду тот факт, что в наших объяснениях всегда заключаются некоторые гипотезы и теории, и что мы не доводим анализа любого данного явления до конца. В самом деле, если бы нам приходилось сделать это, вряд ли был бы возможен прогресс, потому что для полного рассмотрения явления требовалось бы бесконечное количество времени. Однако мы слишком склонны вполне забывать общую и чисто традиционную для большинства из нас теоретическую основу, составляющую фундамент нашего мышления, и предполагать, что результатом нашего мышления является абсолютная истина. При этом мы впадаем в ту же самую ошибку, в которую впадают и впадали все менее цивилизованные народы. Они легче удовлетворяются, чем мы в настоящее время, но они также считают истинным традиционный элемент, входящий в их объяснения, и поэтому принимают за абсолютную истину все основанные на нем выводы. Очевидно, что чем меньшее количество традиционных элементов входит в наше мышление, и чем более мы стараемся выяснить себе гипотетическую часть нашего мышления, тем логичнее будут наши выводы. В прогрессе цивилизации заключается несомненная тенденция к устранению традиционных элементов и к все большему и большему выяснению гипотетической основы нашего мышления. Поэтому неудивительно, что по мере развития цивилизации мышление становится все более и более логичным, не потому, что каждый индивидуум логичнее проводит свою мысль, а потому, что традиционный материал, передаваемый каждому индивидууму, полнее и тщательнее продуман и разработан. Между тем как в первобытной цивилизации традиционный материал вызывает сомнения лишь у очень немногих индивидуумов и подвергается исследованию лишь очень немногими, число мыслителей, старающихся освободиться от оков традиции, возрастает по мере того, как прогрессирует цивилизация.

Примером, поясняющим как этот прогресс, так и его медленность, могут служить отношения между индивидуумами, принадлежащими к различным племенам. Существуют такие первобытные орды, для которых каждый посторонний человек, не состоящий членом орды, является неприятелем, и где считается справедливым вредить неприятелю по мере сил и, если возможно, умертвить его. Этот обычай в значительной степени основывается на идее солидарности орды и на чувстве, в силу которого обязанностью каждого члена орды является истребление всех возможных неприятелей. Поэтому всякое лицо, не являющееся членом орды, должно быть рассматриваемо как принадлежащее к совершенно иному классу, чем тот, в состав которого входят члены орды, и с ним поступают соответственно этому. Мы можем проследить постепенно расширение чувства товарищества в течение прогресса цивилизации. Чувство товарищества в орде переходит

в чувство единства племени, в признание уз, устанавливающихся благодаря соседству, а затем в чувство товарищества между членами нации. Таков, повидимому, достигнутый нами в настоящее время предел этического понятия человеческого товарищества. Когда мы анализируем столь могущественное в настоящее время сильное национальное чувство, мы признаем, что оно в значительной степени заключается в идее превосходства того общества, членами которого мы состоим, в предпочтении его языка, его обычаев и его традиций и в вере, что оно право, сохраняя свои особенности и навязывая их остальному миру. Национальное чувство в том виде, как оно здесь выражено, и чувство солидарности орды суть явления одного и того же порядка, хотя и видоизмененные, благодаря постепенному расширению идеи товарищества; но этическая точка зрения, оправдывающая в настоящее время увеличение благосостояния одной нации на счет другой, тенденции ставить свою собственную цивилизацию выше, чем цивилизацию остального человечества, таковы же, как и те тенденции, которыми руководится в своих поступках первобытный человек, считающий всякого постороннего человека неприятелем и не удовлетворяющийся до тех пор, пока неприятель не убит. Нам нелегко признать, что ценность, приписываемая нами нашей собственной цивилизации, обуславливается тем фактом, что мы принимаем участие в этой цивилизации, и что все наши поступки с нашего рождения находились под ее влиянием. Однако вполне мыслимо, что могут существовать другие формы цивилизации, основанные, может быть, на иных традициях и на ином равновесии между чувством и рассудком, и что эти формы не менее ценны, чем наша, хотя мы, может быть, и не в состоянии ценить их, не выросши под их влиянием. Общая теория оценки человеческих действий, вытекающая из антропологических исследований, учит нас более возвышенной терпимости, чем ныне признаваемая нами.

Убедившись таким образом в том, что значительное число традиционных элементов входит в мышление как первобытного, так и цивилизованного человека, мы оказываемся лучше подготовленными к пониманию некоторых из более специальных типических различий в мысли первобытного и цивилизованного человека.

Черта первобытной жизни, рано обратившая на себя внимание исследователей, заключается в существовании тесных ассоциаций между родами умственной деятельности, представляющимися нам совершенно разнородными. В первобытной жизни религия и наука, музыка, поэзия и танец, миф и история, обычай и этика представляются неразрывно связанными между собою. Иными словами, первобытный человек смотрит на всякое действие не только как на предназначенное для достижения его главной цели, на всякую мысль не только как на находящуюся в связи с главным выводом из нее, как мы понимаем бы их, но он и ассоциирует их с дру-

гими идеями, часто имеющими религиозный или, по крайней мере, символический характер. Таким образом, он придает им более высокое значение, чем то, которого они, как нам кажется, заслуживают. Всякое табу является примером таких ассоциаций, повидимому, маловажных поступков с идеями, представляющимися столь священными, что отклонение от обычного образа действий производит сильнейшее впечатление ужаса. Истокование орнаментов, как талисманов, символизм декоративного искусства также могут служить примерами ассоциации идей, в общем чуждой нашему образу мыслей.

Для выяснения той точки зрения, с которой эти явления, повидимому, могут быть объяснены, мы рассмотрим, исчезли ли все следы подобных форм мысли из нашей цивилизации. В нашей напряженной жизни, посвященной родам деятельности, требующим полного применения наших умственных способностей и подавления эмоциональной жизни, мы привыкли к холодному деловому взгляду на свои поступки, на вызывающие их побуждения и на их последствия. Однако можно наблюдать душевные настроения, характеризующиеся иным взглядом на жизнь. Если у тех из нас, которые увлечены потоком нашей быстро пульсирующей жизни, кругозор ограничен их рациональными мотивами и целями, то другие, стоящие в стороне, предающиеся спокойному созерцанию, признают в жизни отражение того идеального мира, который они построили в своем сознании. Для художника внешний мир является символом красоты, которую он чувствует; для религиозно настроенной души внешний мир является символом трансцендентной истины, дающей форму ее мысли. Инструментальная музыка, которую один человек наслаждается, как произведением чисто музыкального искусства, вызывает в уме другого человека группу определенных понятий, связанных с музыкальными темами и с их исполнением лишь сходством вызываемых ими эмоциональных состояний. В самом деле, различия в реакциях индивидуумов на один и тот же стимул и разнообразие ассоциаций, вызываемых одним и тем же чувственным впечатлением, у разных индивидуумов настолько самоочевидны, что они вряд ли требуют особых замечаний.

Чрезвычайно важен для нашего исследования тот факт, что существуют известные стимулы, на которые все мы, живущие в одном и том же обществе, реагируем одинаково, не будучи в состоянии мотивировать свои поступки. Хорошим примером того, что я имею в виду, служат нарушения социального этикета. Поведение, не соответствующее с обычными манерами, но резко отличающееся от них, вызывает, в общем, неприятные эмоции; и с нашей стороны требуется определенное усилие для того, чтобы мы выяснили себе, что такое поведение не противоречит требованиям морали. Среди лиц, не приученных к смелому и строгому мышлению, часто встречается смешение между традиционным этикетом, так называемыми хорошими манерами, и нравственным пове-

дением. В известных чертах поведения между традиционным этикетом и нравственным чувством существует столь тесная ассоциация, что даже сильному мыслителю трудно от нее отрешиться. Это применимо, например, к таким актам, которые можно считать нарушениями благопристойности. Самый беглый обзор истории костюмов показывает, что то, что считалось скромным в одно время, являлось нескромным в другие времена. Привычка обыкновенно покрывать части тела всегда влекла за собой сильно развитое чувство того, что неприкрытость таких частей непристойна. Это чувство приличия является столь колеблющимся, что костюм, приличный в одном случае, может считаться непристойным в других случаях, как, например, парадное платье в уличном экипаже в деловые часы. Какого рода неприкрытость производит впечатление нескромности, всегда зависит от моды. Совершенно очевидно, что мода не диктуется скромностью, но что историческое развитие костюма определяется разнообразными причинами. Тем не менее, моды типически связаны с чувством скромности, так что необычная неприкрытость вызывает неприятное чувство непристойности. Не рассуждают сознательно о том, почему одна форма является приличной, а другая неприличной, но вышеупомянутое чувство прямо вызывается контрастом с общепринятыми формами. Всякий инстинктивно чувствует, какое сильное сопротивление ему пришлось бы преодолеть даже в ином обществе, если бы от него потребовали, чтобы он совершил поступок, который мы привыкли считать нескромным, и какие эмоции он испытывал бы, если бы он очутился в обществе, в котором представления о скромности отличаются от наших.

Даже оставляя в стороне сильные эмоции, связанные со скромностью, мы видим, что существуют разные причины, в силу которых известные роды одежды кажутся неуместными. Появиться одетым по моде наших предков, живших два века тому назад, было бы совершенно неуместно и вызвало бы насмешки. Нас раздражает, когда мы видим, что кто-нибудь не снимает шляпы в обществе внутри дома: это считается грубым. Ношение шляпы в церкви или на похоронах вызвало бы более сильное недовольство, вследствие большего эмоционального значения затрагиваемых чувств. Если бы даже известное склонение шляпы было весьма удобно для носящего ее, оно сразу заклеимило бы его, как неблаговоспитанного невежу. Иные новшества в костюме могут задевать наши эстетические чувства, как бы ни был дурен вкус, проявляющийся в господствующих модах.

Другой пример выяснит, что я имею в виду. Легко признать, что наши манеры держать себя за столом большею частью чисто традиционны и не могут быть сколько-нибудь удовлетворительно объяснены. Причмокивать губами считается проявлением дурного вкуса и может вызывать чувство отвращения; между тем как у индейцев считалось бы проявлением дурного вкуса не чмокнуть

губами, будучи приглашенным на обед. потому что это внушало бы мысль о том, что гость недоволен своим обедом. Как для индейца, так и для нас, благодаря постоянному выполнению таких действий, в которых выражаются хорошие манеры, принятые за столом, на самом деле невозможно держать себя за столом иначе. Попытка поступать иначе была бы трудна, не только вследствие неприспособленности мускульных движений, но и вследствие сильного эмоционального сопротивления, которое нам приходилось бы преодолевать. Эмоциональное неудовольствие вызывается также, когда мы видим, что другие действуют вопреки обычаю. Когда приходится есть с людьми, манеры которых держать себя за столом отличаются от наших, это возбуждает чувство неудовольствия, могущее дойти до такой интенсивности, что оно вызывает тошноту. И по поводу этого часто даются объяснения, которые, вероятно, вытекают лишь из попытки объяснить существующие манеры, но не выясняют их исторического развития. Мы часто слышим, что неприлично есть с помощью ножа, потому что он может порезать рот, но я очень сомневаюсь в том, что это соображение находится в какой-либо связи с развитием вышеуказанного обычая, потому что вилки старого типа из остроконечной стали так же легко могли вызывать поранения рта, как и лезвие ножа.

Следует пояснить характеристику нашего отрицательного отношения к непривычным действиям еще несколькими примерами, способствующими выяснению умственных процессов, побуждающих нас формулировать основания нашего консерватизма.

Одним из случаев, в которых всего лучше прослежено развитие таких мотивов, которыми, как утверждают, объясняется поведение, является табу. Хотя у нас вряд ли существуют какие-либо определенные табу, однако, посторонний наблюдатель легко мог бы взглянуть с этой точки зрения на наше воздержание от употребления в пищу известных животных. Если бы индивидуум, привыкший есть собак, спросил нас, почему мы не едим собак, то мы могли бы только ответить, что это неприятно, и он так же был бы вправе сказать, что на собак у нас наложено табу, как мы вправе говорить о табу у первобытных людей. Если бы от нас настойчиво потребовали объяснения причин, мы, вероятно, обосновали бы наше отвращение к употреблению в пищу собак или лошадей тем, что кажется непристойным есть животных, живущих с нами в качестве наших друзей. С другой стороны, мы не привыкли есть гусениц, и, вероятно, мы отказались бы есть их из чувства отвращения. Каннибализм внушает такой ужас, что нам трудно убедить себя в том, что этот ужас принадлежит к числу того же рода чувств отвращения, как и вышеупомянутое. Основное понятие святости человеческой жизни и тот факт, что большая часть животных не станет есть других особей, принадлежащих к тому же виду, побуждают выделять каннибализм, как обычай, признаваемый одним из ужаснейших извращений челове-

ческой природы. Из этих трех групп чувств отвращения, вероятно, прежде всего у нас вызывается отвращение, когда мы реагируем на искушение отвесть этого рода пищу. Мы объясняем свое омерзение различными причинами, смотря по группе идей, с которыми в наших умах ассоциирован тот акт, к которому нас побуждают. В первом случае нет специальной ассоциации, и мы довольствуемся простым выражением чувства отвращения. Во втором случае важнейшее основание, повидимому, эмоционально, хотя, когда нас спрашивают, на чем основана наша антипатия, мы можем чувствовать склонность так же указывать на привычки вышеупомянутых животных, повидимому, оправдывающие наше отвращение. В третьем случае одна безнравственность каннибализма представляется достаточным основанием.

Другими примерами могут служить многочисленные, все еще существующие обычаи, первоначально имевшие религиозный и полурелигиозный характер и объясняемые более или менее достоверными утилитарными теориями. Такова целая группа обычаев, относящихся к бракам в группе, охватываемой понятием кровосмешения. Между тем как об'ем группы, охватываемой понятием кровосмешения, подвергался материальным изменениям, браки внутри существующей группы внушают такое же отвращение, как и всегда; но вместо религиозных законов в качестве основания для наших чувств приводятся этические соображения, часто объясняемые утилитарными понятиями. Некогда людей, страдающих противными болезнями, избегали, веря, что их покарал бог, а теперь их избегают потому, что боятся заразиться. В Англии стали отвыкать от нечестия сперва под влиянием религиозной реакции, а впоследствии это стало просто вопросом благовоспитанности.

Можно привести еще и другой пример, относящийся к недавнему прошлому. Еще немного лет тому назад разногласие с принятыми религиозными догматами считалось преступлением. Нетерпимость к иным религиозным взглядам и энергия, проявлявшаяся в преследованиях за ересь, становятся понятными лишь тогда, когда мы принимаем в расчет сильное чувство негодования по поводу посягательства на этические принципы, вызываемое этим отклонением от привычного направления мысли. Вопрос шел вовсе не о логической состоятельности новой идеи. Ум непосредственно возмущался оппозицией обычной форме мысли, столь глубоко укоренившейся в каждом индивидууме, что она стала существенной частью его умственной жизни.

Сажно отметить, что во всех вышеупомянутых случаях рационалистическое объяснение оппозиции, вызываемой переменою, основано на той группе понятий, в тесной связи с которой находятся возбуждаемые эмоции. Если дело касается костюма, приводятся основания, указывающие, почему новый фасон неуместен; в случае ереси доказывается, что новая доктрина является нападением на вечную истину; точно так же бывает и во всех других случаях.

Однако, я думаю, что глубокий, точный анализ показывает, что эти основания являются лишь попытками истолковать наши чувства неудовольствия. По моему мнению, наша оппозиция диктуется вовсе не сознательным мышлением, а главным образом эмоциональным эффектом, производимым новой идеей и вызывающим диссонанс с тем, к чему мы привыкли.

Во всех этих случаях обычай соблюдается столь часто и столь регулярно, что привычное действие становится автоматическим, т.-е. его выполнение, обыкновенно, не сопровождается какой-либо степенью сознательности. Следовательно, эмоциональное значение этих действий также весьма невелико. Однако, замечательно, что чем автоматичнее какое-либо действие, тем труднее оказывается совершить противоположное действие; для последнего требуется весьма значительное усилие, и обыкновенно оно сопровождается сильными чувствами неудовольствия. Можно также заметить, что, когда непривычное действие открыто совершается другим лицом, это в сильнейшей степени обращает на себя внимание и вызывает чувство неудовольствия. Таким образом, когда происходит нарушение обычая, пробуждается сознание всех тех групп идей, с которыми ассоциировано действие. Блюдо, изготовленное из собачьего мяса, вызвало бы протест, вытекающий из всех идей общечития; каннибальское пиршество возмутило бы нарушением всех социальных принципов, ставших нашей второй натурой. Чем автоматичнее стал какой-либо ряд действий или известная форма мысли, тем значительнее сознательное усилие, требуемое для того, чтобы отказаться от привычного образа действий и мыслей, и тем значительнее бывает неудовольствие или, по крайней мере, изумление, вызываемое нововведением. Антагонизм против него является рефлексивным действием, сопровождаемым эмоциями, не вызываемыми сознательным размышлением. Когда мы сознаем эту эмоциональную реакцию, мы стараемся истолковать ее процессом размышления. Это объяснение непременно должно быть основано на идеях, сознаваемых при нарушении установившегося обычая; иными словами, наше рационалистическое объяснение будет зависеть от характера ассоциировавшихся идей.

Поэтому очень важно знать, откуда произошли ассоциировавшиеся идеи, в особенности же, в какой мере мы можем предполагать, что эти ассоциации устойчивы. Не очень легко указать определенные примеры изменений таких ассоциаций в нашей цивилизации, потому что, в общем, рационалистические тенденции нашего времени устранили многие виды ассоциаций даже и там, где остается эмоциональный эффект, так что, в общем, изменение таково, что от существования ассоциаций происходит переход к их исчезновению.

Мы можем резюмировать эти замечания, сказав, что, между тем как всякая привычка является результатом исторических причин, она может с течением времени ассоциироваться с раз-

ниями идеями. Коль скоро мы сознаем ассоциацию между привычкой и известною группою идей, это приводит нас к объяснению привычки ее нынешними ассоциациями, вероятно, отличающимися от ассоциаций, существовавших в то время, когда привычка сложилась.

Мы перейдем теперь к рассмотрению аналогичных явлений в первобытной жизни. Там нерасположение к уклонениям от обычая страны выражено даже еще сильнее, чем в нашей цивилизации. Не принято спать в доме с повернутыми к огню ногами. Нарушать этот обычай боятся и избегают. В известном обществе члены одного и того же клана не вступают в брак между собою; такие браки вызывали бы против себя сильнейшее отвращение. Нет надобности приводить дальнейшие примеры, так как хорошо известен тот факт, что, чем народ первобытнее, тем более он связан обычаями, регулирующими поведение в повседневной жизни во всех его деталях. По моему мнению, мы вправе делать из личного опыта тот вывод, что как у нас, так и у первобытных племен сопротивление уклонению от прочно установившихся обычаев вызывается эмоциональной реакцией, а не сознательным размышлением. Это не исключает возможности того, что первый специальный акт, ставший с течением времени привычным, мог быть вызван сознательным умственным процессом; но мне кажется вероятным, что многие обычаи возникли без какой-либо сознательной деятельности. Их развитие должно было иметь такой же характер, как развитие тех категорий, которые отражаются в морфологии языков и которые могли навсегда оставаться неизвестными говорившим на этих языках. Например, если мы примем теорию Кунова относительно происхождения австралийских социальных систем¹⁾, то мы, конечно, можем сказать, что первоначально всякое поколение держалось изолированно, а поэтому браки между членами двух следующих одно

1) Некоторые австралийские племена разделяются на 4 экзогамные группы. Законы экзогамии требуют, чтобы член первой группы вступал в брак с членом второй группы, а член третьей группы — с членом четвертой группы. Кунов объясняет эти обычаи, показывая, что, когда обычай устанавливает, что в племени, которое разделено на две экзогамные единицы, и в котором лишь членам одного и того же поколения позволено вступать в брак между собою, естественно разовьются такие условия, как оказывающиеся на-лицо в Австралии, если у каждой группы есть название, и если один ряд названий служит для обозначения первого, третьего, пятого поколений, а другой ряд — для обозначения второго, четвертого, шестого поколений и т. д. Если мы обозначим два племенные подразделения буквами А и В, а поколения — цифрами 1 и 2, то названия четырех подразделений будут А₁, А₂, В₁ и В₂; и в браках, в которых на первом месте указан пол, определяющий группу, к которой принадлежит потомство, мы находим, что:

А ₁	должен	вступить	в брак	с	В ₁ ,	и его	дети	суть	А ₂ .
В ₁	»	»	»	»	А ₁	»	»	»	В ₂ .
А ₂	»	»	»	»	В ₂	»	»	»	А ₁ .
В ₂	»	»	»	»	А ₂	»	»	»	В ₁ .

за другим поколения были невозможны, потому что лишь могущие вступить в брак мужчины и женщины одного поколения вступали в сношения друг с другом. Позднее, когда два следующих одно за другим поколения не настолько различались по возрасту и прекратилось их социальное разделение, обычай установился и не исчез при изменении условий.

Существуют случаи, в которых, по крайней мере, можно предположить, что под влиянием новой окружающей среды старинные обычаи развиваются в табу. Например, по моему мнению, весьма вероятно, что эскимосское табу, воспреещающее употребление в пищу канадского северного оленя и тюленя в один и тот же день, может соответствовать чередованию жизни народа внутри страны и на берегах. Когда эскимосы охотятся внутри страны, у них не бывает тюленей, а следовательно, они могут есть лишь канадских северных оленей. Когда они охотятся на берегу, у них не бывает оленей, а следовательно, они могут есть лишь тюленей. Тот простой факт, что в одно время года можно есть лишь канадских северных оленей, а в другое время года можно есть лишь тюленей, легко мог вызвать сопротивление изменению этого обычая; так что из того факта, что в течение долгого периода было невозможно есть в одно и то же время два рода мяса, развился закон, гласящий, что нельзя есть два рода мяса в одно и то же время. По моему мнению, вероятно также, что табу, наложенное на рыбу у некоторых из юго-западных индейских племен, может быть вызвано тем фактом, что эти племена долго жили в такой местности, где рыбы не оказывалось, и что благодаря невозможности достать рыбу развился обычай не есть рыбы. Эти гипотетические случаи выясняют, что бессознательное происхождение обычаев вполне возможно, хотя, конечно, оно не оказывается необходимым. Однако представляется достоверным, что, даже когда к установлению обычая повело сознательное размышление, он скоро перестал быть сознательным, а вместо этого мы находим непосредственное эмоциональное сопротивление нарушению обычая.

Другие поступки, признаваемые приличными или неприличными, продолжают совершаться лишь в силу привычки, при чем для их совершения не указывается никаких оснований, хотя нарушение обычая может вызывать сильную реакцию. У индейцев, живущих на острове Ванкувере, для молодой женщины, принадлежащей к знати, считается неприличным широко раскрывать рот и скоро есть, и уклонение от этого обычая произвело бы такое сильное впечатление, как неприличный поступок, который вредно отозвался бы на общественном положении виновной. Та же самая группа чувств затрагивается, когда член знати, даже в Европе, вступает в брак с лицом, стоящим ниже его. В других, менее важных, случаях нарушитель обычая, выходя из установленных им границ, лишь делает себя смешным вследствие неуместности поступка. Психологически все эти случаи принадлежат к одной

и той же группе эмоциональных реакций против нарушений установившихся автоматических привычек.

Можно было бы думать, что в первобытном обществе вряд ли может представляться повод сознавать сильное эмоциональное сопротивление, вызываемое нарушениями обычаев, так как их строго придерживаются. Однако существует такая сфера общественной жизни, в которой обнаруживается тенденция поддерживать консервативную привязанность к обычным действиям в умах народа, а именно воспитание юношества. Ребенок, который еще не усвоил себе поведения, обычного в окружающей его среде, усвоит многое из него путем бессознательного подражания. Однако во многих случаях его образ действий будет отличаться от обычного, и его будут поправлять старшие. Всем знатокам первобытной жизни известно, что детей постоянно увещивают следовать примеру старших, и во всяком сборнике тщательно запечатлеваемых традиций содержатся многочисленные упоминания о советах, даваемых родителями детям, которым вменяется в обязанность соблюдать обычаи племени. Чем большее эмоциональное значение имеет обычай, тем сильнее окажется желание внедрить его в умы юношества. Таким образом, представляется множество случаев, вызывающих сознательное сопротивление против нарушения обычая.

Я полагаю, что эти условия оказывают очень сильное влияние на развитие и сохранение обычаев, потому что, раз сознают, что обычай нарушается, должны представляться случаи, когда люди, побуждаемые вопросами детей, или следуя своей собственной склонности к умозрению, оказываются вынужденными признать тот факт, что существуют известные идеи, которым они не могут дать иного объяснения, кроме того, что они существуют. Желание понимать свои собственные чувства и действия и выяснить себе тайны мира обнаруживается очень рано, и поэтому неудивительно, что на всех ступенях культуры человек начинает размышлять о мотивах своих поступков.

Как я уже объяснил, для многих из этих поступков не может существовать никаких сознательных мотивов, и поэтому развивается тенденция открыть мотивы, которыми может определяться наше обычное поведение. Именно поэтому на всех стадиях культуры для обычных действий подыскиваются вторичные объяснения, совершенно не касающиеся их исторического происхождения, но представляющие собой выводы, основанные на имеющихся у данного народа общих знаниях. Я считаю существование таких вторичных объяснений обычных поступков одним из важнейших антропологических явлений, и, как мы видели, оно вряд ли менее обычно в нашем обществе, чем в более первобытных обществах. Обыкновенно наблюдается, что мы сперва желаем или действуем, а затем пытаемся оправдать наши желания или наши действия. Когда, под влиянием полученного нами воспитания, мы поддерживаем известную политическую партию,

большинство не руководится ясным убеждением в справедливости принципов нашей партии, но мы действуем таким образом потому, что нас научили уважать эту партию, как такую, к которой следует принадлежать. Лишь затем мы оправдываем нашу точку зрения, пытаясь доказать себе правильность этих принципов. Без такого рода рассуждений устойчивость и географическое распределение политических партий, равно как и вероисповеданий, были бы совершенно непонятны. Беспристрастный самоанализ убеждает нас в том, что в огромном большинстве случаев поступки среднего человека не определяются размышлением, но что он сначала действует, а затем оправдывает или объясняет свои поступки такими вторичными соображениями, которые общеприняты у нас.

Мы рассматривали до сих пор лишь такие поступки, при совершении которых разрыв с обычаем вызывает сознание эмоционального значения того поступка, о котором идет речь, и сильное сопротивление изменению, мотивируемое затем известными соображениями, воспрещающими изменение. Мы видели, что тот традиционный материал, над которым оперирует человек, определяет особый тип той служащей для объяснения идеи, которая ассоциируется с эмоциональным душевным состоянием. Первобытный человек вообще кладет в основу этих объяснений своих обычаев понятия, находящиеся в тесной связи с его общими взглядами на устройство мира. Основанием для обычая или для избежания известных действий может считаться какая-либо мифологическая идея, или обычаю может придаваться символическое значение, или он может просто приводиться в связь с опасением несчастья. Очевидно, последнего рода объяснения тождественны с объяснениями многих сохранившихся среди нас суеверий.

Существенным результатом этого исследования является тот вывод, что источника, из которого произошли обычаи первобытного человека, нельзя искать в рациональных процессах. Большинство исследователей, старавшихся выяснить историю обычаев и табу, выражает взгляд, согласно которому этим источником являются размышления об отношениях между человеком и природою; первобытному человеку кажется, что в мире повсюду обнаруживаются действия сверхъестественной силы, могущей вредить человеку при всяком раздражении, попытки же избежать конфликтов с этими силами вызывают бесчисленные суеверные постановления. Получается такое впечатление, что обычаи и мнения первобытного человека сложились благодаря сознательному размышлению. Однако представляется очевидным, что весь этот образ мыслей оставался бы последовательным при предположении, что все процессы оказываются подсознательными.

Если даже признать это, я полагаю, что эти теории должны быть толкуемы шире, так как многие случаи этого рода, повидимому, оказывались бы возможными без всякого рода рассуждений, сознательных или бессознательных, — например, те случаи,

в которых обычай установился благодаря общим условиям жизни и стал сознательным, когда эти условия изменились. Я нисколько не сомневаюсь в том, что существуют случаи возникновения обычаев благодаря более или менее сознательному размышлению; но я столь же уверен и в том, что другие обычаи возникли без такового, и что наши теории должны объяснять и то и другое.

Исследование первобытной жизни обнаруживает существование большого количества ассоциаций иного типа, которые не так легко объяснить. Известные формы ассоциировавшихся идей можно признать во всех типах культуры.

Темные цвета и чувство уныния тесно связаны между собою в наших умах, хотя и не в умах народов, культура которых чужда нам. Шум представляется неуместным там, где выражается печаль, хотя у первобытных людей громкое рыдание плакальщика является естественным выражением горя. Декоративное искусство имеет в виду производить приятное впечатление на глаз, но такой рисунок, как крест, сохранил свое символическое значение.

В общем, такие ассоциации между группами идей, которые очевидно не связаны друг с другом, редки в цивилизованной жизни. То, что они прежде существовали, доказывается, как историческими свидетельствами, так и пережитками, в которых старинные идеи исчезли, хотя сохранилась внешняя форма. В первобытной жизни встречается множество таких ассоциаций. Мы можем начать их рассмотрение с таких примеров, для которых можно найти аналогичные случаи в нашей цивилизации, и которые поэтому нам легко понять.

Обширнейшую сферу, в которой сохранились такие обычаи, являются обряды. Мы встречаем многочисленные установленные обрядовые формы, которыми сопровождаются важные действия, и которые постоянно применяются, хотя их первоначальное значение совершенно утрачено. Многие из них так стары, что их происхождения следует искать в древности или даже в доисторические времена. Ныне сфера применения обрядов сужена, но в первобытной культуре ими проникнута вся жизнь. Нельзя совершить ни одного сколько-нибудь важного действия, которое не сопровождалось бы предписанными обрядами, форма которых более или менее выработана. Во многих случаях доказано, что обряды более устойчивы, чем их объяснения; у разных людей и в разные времена они символизируют разные идеи. Разнообразие обрядов столь велико, и они до такой степени повсеместно распространены, что здесь оказывается наиболее крайнее разнообразие ассоциаций.

Мне кажется, что мы можем взглянуть с этой точки зрения на многие из наиболее основных и необъяснимых черт первобытной жизни, и если мы станем рассматривать их как ассоциации, возникающие между разнородными мыслями и действиями, то нам легче понять их возникновение и историю.

В нашем современном обществе рассмотрение совершающихся в мире явлений постоянно ассоциируется с усилиями дать им

адекватные объяснения, основанные на принципе причинности. В первобытном обществе рассмотрение тех же явлений приводит к нескольким типичным ассоциациям, которые отличаются от наших, но с замечательной регулярностью оказываются налицо у племен, живущих в отдаленнейших частях света. Отличным примером этого рода ассоциаций является регулярная ассоциация наблюдений, относящихся к совершающимся в мире явлениям с чисто человеческими приключениями; иными словами, существование мифов, относящихся к природе. Мне кажется, что характерною чертою мифов, относящихся к природе, является ассоциация между наблюдаемыми событиями, совершающимися в мире, и тем, что можно назвать романическою интригою, в основе которой лежит знакомая людям форма общественной жизни. Интрига, как таковая, могла бы так же развиваться у самих людей; но ее ассоциация с небесными телами, с грозой или с ветром обращает ее в миф, относящийся к природе. Единственное различие между народным сказанием и мифом, относящимся к природе, заключается лишь в ассоциации последнего с явлениями, совершающимися в мире. Эта ассоциация не развивается самопроизвольно в современном обществе. Если же она все еще встречается там и сям, то в основе ее лежит пережиток традиционного мифа, относящегося к природе. Наоборот, в первобытном обществе она постоянно встречается. Исследование основания для этой ассоциации представляет собой привлекательную проблему, о разрешении которой можно лишь строить догадки.

Некоторые другие примеры докажут, что ассоциации вышеупомянутого рода очень обыкновенны в первобытной жизни. Прекрасным примером могут служить известные характерные формы первобытного декоративного искусства. У нас декоративное искусство служит почти исключительно для достижения эстетических целей. Мы желаем украшать декорируемые предметы. Мы признаем известное соответствие между декоративными мотивами, назначением предметов и эмоциональным эффектом декоративного мотива. В первобытной жизни условия оказываются совершенно иными. Обширные исследования о декоративном искусстве во всех частях света доказали, что декоративный рисунок практически ассоциируется с известным символическим значением. Вряд ли известен такой случай, когда первобытное племя не может дать какого-либо рода объяснения употребительных рисунков. В некоторых случаях символическое значение может быть чрезвычайно слабо выражено, но обыкновенно оно в высокой степени развито. Например, в треугольниках и четырехугольниках, рисуемых индейцами, живущими на американских равнинах, почти всегда выражается определенный символический смысл. Они могут увековечивать воинские подвиги или представлять собой молитвы или каким-либо образом выражать идеи, относящиеся к сверхъестественному. Могло бы казаться, что у первобытных племен почти не существует декоративного искусства для искусства. Единствен-

ными аналогиями в нынешнем декоративном искусстве является употребление флага, креста или эмблем тайных обществ для декоративных целей; но число их незначительно по сравнению с общими символическими тенденциями первобытного искусства. Таким образом, можно видеть, что в данном случае мы опять-таки находим в первобытном обществе тип ассоциации, совершенно отличающийся от типа ассоциаций, встречающегося у нас. У первобытных людей эстетический мотив комбинируется с символическим, между тем как в современной жизни эстетический мотив или вполне независим или ассоциируется с утилитарными идеями.

На американском побережье северной части Тихого океана рисунок с изображениями животных, встречающийся во многих других частях света, прочно ассоциировался с идеей тотемизма и вызвал не имеющее себе подобного применение животных мотивов. Это также могло способствовать сохранению реалистического характера такого искусства. У сиуксов высокая оценка воинской доблести и привычка совершать воинские подвиги в присутствии племени побудили мужчин ассоциировать украшения на своем платье с военными событиями, так что у них развился военный символизм, между тем как женщины этого племени объясняют тот же самый рисунок совершенно иначе (Висслер)¹⁾. Мне кажется, что в данном случае нам не особенно трудно проследить ход мыслей, ведущий к возникновению ассоциации между формами декорации и военными идеями, хотя наш ум требует гораздо более сознательных усилий, чем ум первобытного человека. Самый факт почти повсеместного существования декоративного символизма показывает, что эта ассоциация должна устанавливаться автоматически и без сознательного размышления.

Как в мифологии, так и в искусстве наблюдается тенденция давать рационалистические объяснения особых ассоциаций, развившихся в случаях заимствования стилей искусства или мифов. Тот факт, что у первобытных людей декоративное искусство почти повсюду является символическим, не исключает возможности заимствования рисунков или даже общего стиля данной местности от народа, живущего в другой местности. Так было, например, у племен, живущих на американских северо-западных равнинах, которые заимствовали от своих более южных соседей многое в их искусстве, но не усвоили в то же время и их символических толкований, а придумали свои собственные. Я полагаю, что это является результатом умственного процесса, начавшегося тогда, когда рисунки понравились, и, согласно общему характеру первобытной мысли, ожидалось их символическое толкование. Таковое было затем придумано в соответствии с идеями, распространенными среди племени.

¹⁾ Clark Wissler, „Decorative Art of the Sioux Indians“ (Bulletin of the American Museum of Natural History, vol. XVIII [New York, 1904] pp. 231—278.)

То же самое наблюдается и в первобытной мифологии. Одного рода сказания распространены в огромных районах, но их мифологическое применение в разных местностях совершенно различно. Так, обыкновенное приключение, относящееся к похождениям какого-либо животного, служит для объяснения некоторых из его характерных особенностей. В других случаях им могут пользоваться для объяснения известных обычаев или даже происхождения известных созвездий на небе. Я несколько не сомневаюсь в том, что рассказ, как таковой, древнее, чем придаваемое ему мифологическое значение. Характерные черты развития мифа, относящегося к природе, заключаются в том, что, во-первых, рассказ ассоциировался с попытками объяснить существующие в мире условия (об этом уж упоминалось); и, во-вторых, когда первобытный человек сознал значение мировой проблемы, он пересмотрел все свои сведения, пока ему не удалось найти нечто пригодное для разрешения данной проблемы, а именно, нечто, дающее объяснение, удовлетворяющее его ум. Между тем как классификация понятий, типы ассоциации и сопротивление, вызываемое изменением автоматических актов, развились бессознательно, многие из вторичных объяснений придуманы сознательным размышлением.

Приведу еще пример характерной для первобытного общества формы ассоциации. В современном обществе социальная организация со включением группировки семейств по существу дела основана на кровном родстве и на социальных функциях, выполняемых каждым индивидуумом. За исключением того, что церковь имеет отношение к рождению, браку и смерти, не существует никакой связи между социальной организацией и религиозной верой. Эти условия оказываются совершенно иными в первобытном обществе, где мы находим неразрывную ассоциацию идей и обычаев, относящихся к обществу и к религии. Подобно тому, как в искусстве форма обнаруживает тенденцию к ассоциации с совершенно чуждыми ей идеями, так и социальная единица обнаруживает тенденцию к ассоциации с разными впечатлениями, производимыми природою, в особенности с подразделениями животного мира. Эта форма ассоциации представляется мне основною чертою тотемизма в том виде, как он встречается у многих американских племен, а также в Австралии, в Меланезии и в Африке. Я отметил выше его характерную черту, состоящую в особой связи, предполагаемой между известным классом объектов, обыкновенно животных, и известной социальной группой. Дальнейший анализ выясняет, что одной из идей, лежащих в основе тотемизма, является существование определенных групп людей, между которыми не дозволены браки, и что ограничения, устанавливаемые для этих групп, определяются соображениями относительно кровного родства. Религиозные идеи, открываемые в тотемизме, касаются личного отношения человека к известного рода сверхъестественным силам, и типическою чертою тотемизма

является ассоциация известных родов сверхъестественной силы с известными социальными группами. Если признать это, то установление ассоциации с сверхъестественным миром становится по крайней мере понятным. Исключительность европейской знати или национальные эмоции в их резко выраженной форме в достаточной степени свидетельствуют о том, что такие чувства вполне вероятны и даже нередки. Нетрудно понять, каким образом высокомерное восторженное восхищение общины своими собственными достоинствами может стать сильной эмоцией или страстью, которая при отсутствии рационального объяснения мира будет выражаться в стремлении к установлению ассоциации членов общины со всем хорошим и могущественным. Поэтому психологически мы можем сравнить тотемизм с теми известными нам общественными формами, при которых некоторые классы претендуют на привилегии, дарованные им божьей милостью, или где святой покровитель общины поддерживает ее членов своей защитой. Оказывается, что здесь мы снова находим в первобытном обществе тип ассоциации, совершенно изменившийся с развитием цивилизации.

Каким бы образом ни устанавливались эти ассоциации, не подлежит сомнению, что они существуют, что, с психологической точки зрения, их характер одинаков с характером рассмотренных выше ассоциаций, и что стремящийся к рационалистическим объяснениям ум человека скоро потерял историческую нить и переиспользовал установившиеся обычаи в соответствии с общим направлением мысли, свойственным его культуре. Поэтому мы вправе сделать тот вывод, что эти обычаи также должны быть изучаемы прагматическим методом, потому что ассоциации, связывающиеся с ними в настоящее время, вероятно, не оригинальны, а скорее вторичны.

Пожалуй, представляется рискованным рассматривать в настоящее время происхождение этих типов ассоциации; но, может быть, уместно остановиться на некоторых из наиболее обобщенных фактов, повидимому, характеризующих первобытную культуру по сравнению с цивилизацией. С нашей точки зрения замечательной чертой первобытной культуры является большое число ассоциаций между совершенно разнородными группами таких явлений, как явления природы и индивидуальные эмоции, социальные группировки и религиозные понятия, декоративное искусство и символическое истолкование. Эти ассоциации обнаруживают тенденцию исчезать с развитием нашей нынешней цивилизации. Однако тщательный анализ доказывает, что многие из них продолжают существовать, и всякому автоматическому действию свойственна тенденция к установлению своих собственных ассоциаций соответственно тем умственным связям, при наличии которых оно регулярно совершается. Одну из великих наступивших изменений, может быть, всего лучше выражается в такой форме, что в первобытной культуре впечатления из внешнего мира тесно ассоциируются с теми субъективными впечатлениями, которые они регу-

лярно вызывают, но которые в значительной степени определяются окружающей индивидуума социальной средой. Постепенно признают, что эти связи менее достоверны, чем другие, остающиеся одинаковыми для всего человечества и при всяких формах социальной окружающей среды; и таким образом происходит постепенное устранение одной субъективной ассоциации за другую, завершающееся в нынешнем научном методе. Иными словами, когда наше внимание обращено на известное понятие, для которого существует целая кайма, образуемая находящимися в связи с ним побочными понятиями, мы сразу ассоциируем его с той группой, которая представлена категорией причинности. Когда то же самое понятие представляется уму первобытного человека, оно ассоциируется с теми понятиями, которые находятся в связи с ним при посредстве эмоциональных состояний.

Если это верно, то ассоциации первобытного ума разнородны, а наши — однородны, и они представляются основательными лишь с нашей точки зрения. Уму первобытного человека могут представляться рациональными лишь его собственные ассоциации. Наши ассоциации должны казаться ему так же разнородными, как его ассоциации кажутся нам, потому что связь между совершающимися в мире явлениями в том виде, как она представляется по устранении их эмоциональных ассоциаций, производимом по мере накопления познаний, не существует для него, между тем как мы уже не можем чувствовать тех субъективных ассоциаций, которыми руководится его ум.

Эта особенность ассоциации является также другим выражением консерватизма первобытной культуры и изменчивости многих черт нашей цивилизации. Мы старались показать, что сопротивление, оказываемое переменам, в значительной степени вытекает из эмоциональных источников, и что в первобытной культуре эмоциональные ассоциации представляют собой господствующий тип: этим объясняется сопротивление новизне. С другой стороны, в нашей цивилизации многие действия совершаются лишь как средства, ведущие к достижению рациональной цели. Они не усваиваются нашими умами настолько глубоко, чтобы установились связи, которые придали бы им эмоциональное значение: отсюда вытекает наша готовность к изменению. Однако мы признаем, что мы не можем без серьезного эмоционального сопротивления преобразовать какое-либо из основных направлений мысли и деятельности, определяемых полученным нами в детстве воспитанием и образующих подсознательную основу всех наших действий. Это доказывается отношением цивилизованных обществ к религии, политике, искусству и к основным понятиям науки.

У первобытных племен размышление не может преодолеть этого эмоционального сопротивления у среднего индивидуума, и поэтому для того, чтобы произвести изменение, требуется разрушение существующих эмоциональных ассоциаций более могу-

ществственными средствами. Это может быть произведено каким-либо событием, глубоко потрясающим народный ум, или же экономическими и политическими переменами, сопротивляться которым невозможно. В цивилизации существует постоянная готовность к изменению родов деятельности, не имеющих эмоционального значения. Это верно не только по отношению к родам деятельности, служащим для достижения практических целей, но и по отношению к другим родам деятельности, утратившим свойственные им ассоциации и ставшим подверженными моде. Остаются, однако, другие ассоциации, с значительным упорством удерживающиеся вопреки размышлению, потому что их сила заключается в их эмоциональном значении. История прогресса науки представляет ряд примеров силы сопротивления, свойственной старым идеям даже после того, как развитие знания о мире подорвало под ними почву. Они не были отвергнуты, пока не явилось новое поколение, для которого старина уже не была дорога и близка.

Кроме того, существует множество родов деятельности и форм мысли, из которых состоит наша повседневная жизнь, и в которых наше сознание вовсе не отдает себе отчета до тех пор, пока мы не соприкасаемся с иными типами жизни, или пока нам не мешают действовать согласно нашему обычаю, которого никоим образом нельзя признать более разумным, чем другие, и которого мы, тем не менее, придерживаемся. В цивилизованной культуре они, повидимому, вряд ли менее многочисленны, чем в первобытной, потому что они составляют целый ряд прочно установившихся привычек, в соответствии с которыми совершаются необходимые действия в обыкновенной повседневной жизни, и они усваиваются не столько путем обучения, сколько благодаря подражанию.

Мы можем также выразить эти выводы в другой форме. Между тем как в логических умственных процессах мы находим определенную тенденцию к устранению традиционных элементов по мере развития цивилизации, в нашей деятельности нельзя найти такого явного ослабления традиционных элементов. У нас они контролируются обычаем почти в такой же степени, как и у первобытных людей. Мы видели, почему это должно быть так. Умственные процессы, благодаря которым происходит развитие суждений, в значительной степени основаны на ассоциациях с предшествовавшими суждениями. Процесс ассоциации одинаков как у первобытных, так и у цивилизованных людей, и разница в значительной степени заключается в изменении традиционного материала, с которым соединяются наши новые представления. А для деятельности условия оказываются несколько иными. Здесь традиция проявляется в действии, выполняемом индивидуумом. Чем чаще повторяется действие, тем прочнее оно будет усвоено, и тем меньше окажется сознательный эквивалент, сопровождающий действие; так что обычные, очень часто повторяемые действия становятся совершенно бессознательными. Рука

об руку с этим уменьшением сознательности идет возрастание эмоционального значения, придаваемого невыполнению таких действий и, тем более, совершению поступков, противоречащих обычаю. Больше силы воли требуется для того, чтобы воспрепятствовать прочно усвоенному действию, при чем с этим волевым усилием связаны чувства сильного неудовольствия.

Таким образом, важная перемена при переходе от первобытной культуры к цивилизации, повидимому, заключается в постепенном устранении того, что можно назвать социальными ассоциациями чувственных впечатлений и родов деятельности, постепенно заменяемыми интеллектуальными ассоциациями. Этот процесс сопровождается прекращением консерватизма; но это не относится к сфере обычных родов деятельности, не становящихся сознательными, и лишь в слабой степени относится к тем обобщениям, которые составляют основу всякого познания, сообщаемого путем образования.

IX РЕЗЮМЕ.

Теперь я могу вкратце резюмировать вышеизложенное. Прежде всего мы старались понять основания для нашего верования в существование даровитых и других, менее одаренных рас и нашли, что оно, по существу дела, вытекает из предположения, согласно которому большие успехи непременно находятся в связи с большими умственными способностями, и что поэтому черты тех рас, которые, по нашему мнению, всего больше сделали, являются характерными признаками умственного превосходства. Мы подвергли эти предположения критическому исследованию и нашли мало таких данных, которые подтверждали бы их. Оказалось так много других причин, которые влияют на прогресс цивилизации, ускоряя или замедляя его, и сходные процессы происходили у столь многих различных рас, что, в общем, наследственные черты, в особенности же наследственные высокие дарования оказались в наилучшем случае возможным, но не необходимым элементом, определяющим степень преуспеяния рас.

Вторая часть вышеуказанного основного предположения оказалась даже еще менее правдоподобной. Вряд ли можно было бы привести какие-либо данные, которые показывали бы, что характерные анатомические признаки рас, достигших высшей цивилизации, филогенетически представляют собой прогресс по сравнению с характерными признаками рас, находящихся на низших ступенях культуры. Разные расы обнаруживают различия в этом отношении: из специфических признаков человека некоторые всего более развиты у одной расы, а некоторые — у другой. Затем, выяснилось, что не существует прямого соответствия между физическими свойствами тела и умственными дарованиями.

Освободившись, таким образом, от расового предрассудка, наиболее препятствующего выяснению нашей проблемы, мы приступили к исследованию находящихся во взаимной связи вопросов, а именно: во-первых, устойчивы ли человеческие типы, и, в частности, может ли окружающая среда изменять анатомическое строение человека и, таким образом, склад его ума, и во-вторых, чем человек обязан наследственности. Рассматривая общий вопрос

об устойчивости человеческих типов, мы описали некоторые рудиментарные органы и некоторые анатомические черты, доказывающие филогенетическое развитие человека, следы которого были найдены у всех рас. Влияние окружающей среды было доказано во всех тех случаях, в которых изменения в быстроте роста влияли на окончательную форму тела. В частности мы выяснили, что ранняя остановка развития не означает непременно неблагоприятного развития, потому что во многих случаях быстрота и краткий период развития представлялись благоприятными элементами. Мы видели, что другие изменения человеческих типов могут вызываться отбором, и что сама окружающая среда, повидимому, оказывает непосредственное влияние на телесную форму, как было доказано изменениями типа, обусловленными переходом от деревенской окружающей среды к городской жизни и переселением различных национальностей из Европы в Америку. Однако мы видели, что в настоящее время нет никаких данных, которые доказывали бы, что эти изменения идут далее известных пределов. Особое внимание было обращено на черты телесной формы, характеризующие человека, как животное, ставшее домашним, на черты, обусловливаемые особенностями человеческого питания, и на черты, облегчающие скрещивание различных типов. Степень привычки человека к домашней жизни, повидимому, повлияла и на его умственную жизнь.

Перейдя к влиянию наследственности, мы выяснили, что ею определяются все основные черты каждой расы и всех человеческих типов, и что часто у индивидуумов наблюдается возвращение к чертам того или другого из его родителей или из его дальних предков таким образом, что одна черта может принадлежать одному предку, а другая — другому. Повидимому, развитие местных типов объясняется этой тенденцией, и мы признали важность разрыва с прежними чертами наследственности в случаях браков между членами разных разветвлений одной и той же расы, долго остававшихся обособленными. По аналогии мы сделали тот вывод, что возможно или вероятно существование сходных тенденций в умственной жизни человека.

Выяснив, таким образом, характерные физические черты человеческих рас и социальных групп, мы занялись рассмотрением умственной жизни человека. Умственными чертами, общими всему человечеству, являются те, которые обнаруживаются при сопоставлении человека с животными; и мы вкратце отметили, что членораздельная речь, пользование орудиями и способность к логическому мышлению свойственны всем членам человеческого рода, в противоположность высшим животным. Прежде, чем приступить к сравнению умственной жизни первобытных и цивилизованных людей, мы должны были устранить ряд ошибочных представлений, вызванных ходячими описаниями жизни первобытного человека. Мы убедились в том, что часто повторяемое утверждение, гласящее, что он неспособен подавлять импульсы,

что он неспособен быть внимательным, что у него нет оригинальности мысли, нет способности к ясному логическому мышлению, оказывается несостоятельным, и что все эти способности составляют общее достояние первобытного и цивилизованного человека, хотя они пробуждаются по разным поводам. Это привело нас к краткому рассмотрению вопроса о том, улучшились ли наследственные умственные способности благодаря цивилизации, и это мнение не показалось нам правдоподобным.

Исследование проблемы отношения расового происхождения к культурному прогрессу потребовало выяснения вопроса о том, в какой мере они соответствуют друг другу. Мы старались выяснить эту проблему, проследив соотношения между человеческими типами, языками и культурами. Обнаружился общий недостаток соответствия, и это привело нас к тому выводу, что нынешние человеческие типы древнее нынешних лингвистических семей, и что каждый тип развил несколько языков. Так как последние должны считаться продуктом умственной деятельности каждого типа, не испытавшим или почти не испытавшим на себе влияния других типов, то мы старались выяснить, можно ли показать, что один язык выше других, и делают ли некоторые языки невозможными высшие формы мысли. Результаты этого исследования были вполне аналогичны результатам, полученным в нашем исследовании характерных физических типов человека, и обнаружили сходные черты во всех языках. Выяснилось также, что языки были сформированы мыслью, а не мысль языками.

Повидимому, все еще существовала возможность доказать отсталость известных племен, если бы можно было показать, что все члены известных рас стоят на ступенях культуры, соответствующих ранним эпохам, между тем как члены других рас независимо достигли позднейших стадий развития. Это предполагало бы, что общий ход культурного развития повсюду одинаков, и что типы культуры могут быть приурочены к определенным стадиям развития. Теория такого общего параллелизма истории человеческой культуры основана на сходстве культурных черт во всех частях света. Наш анализ обнаружил, что сходства являлись скорее кажущимися, чем действительными, что они часто развивались путем сходящейся к одному и тому же пункту эволюции, вытекавшей из разных источников, и что не все стадии оказывались налицо во всех типах культуры. Таким образом, все наши попытки установить соответствие между расовыми типами и культурными стадиями оказались несостоятельными, и мы пришли к тому выводу, что культурная стадия по существу дела представляет собою явление, зависящее от исторических причин и не имеющее отношения к расе.

Наконец, мы попытались дать умственную характеристику первобытного человека, не обращая внимания на его принадлежность к той или иной расе. Мы указали на различия в принципах классификации опыта, находимые на различных стадиях общ-

ственного развития, на различия в логических выводах, делаемых первобытным и цивилизованным человеком, вытекающих из различия в характере познания, накопленного предшествовавшими поколениями. Затем мы проследили эмоциональные ассоциации родов обычной деятельности и тенденцию придумывать для них рационалистические объяснения. Оказалось, что эти ассоциации весьма обыкновенны в первобытной жизни, и мы отметили значительное разнообразие идей и родов деятельности, между которыми, таким образом, устанавливается связь, благодаря которой получают некоторые особые понятия и роды деятельности. Другие особые ассоциации не вызваны сильными эмоциональными мотивами, но для всех них обнаруживается общая тенденция, заключающаяся в том, что им даются разного рода рационалистические объяснения. Изменение при переходе от первобытного общества к цивилизованному связано с уменьшением количества эмоциональных ассоциаций и с улучшением традиционного материала, являющегося элементом наших обычных умственных процессов.

Х

РАСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Теперь мы перейдем к рассмотрению вопроса о том, какие выводы вытекают из этих результатов нашего исследования по отношению к тем проблемам, с которыми приходится иметь дело современной цивилизации, а в особенности нашей нации. Развитие американской нации путем амальгамации различных европейских национальностей, присутствие негров, индейцев и китайцев и общая, все возрастающая разнородность составных элементов американского населения заключают в себе ряд проблем, для разрешения которых наши исследования доставляют важные данные.

Вышеприведенные соображения выясняют гипотетический характер многих из общепринятых предположений и показывают, что в настоящее время не на все эти вопросы можно дать ответ с научной точностью. Досадно, что нам приходится проявлять столь критическое отношение к этим проблемам, так как политический вопрос о том, как следует поступать со всеми этими группами населения, имеет большое и непосредственное значение. Однако этот вопрос должен быть разрешен на основании научного знания, а не в соответствии с эмоциональными требованиями. При нынешних условиях мы, повидимому, призваны к тому, чтобы формулировать определенные ответы на вопросы, требующие в высшей степени тщательного и непредубежденного исследования, и чем настоятельнее требуются окончательные выводы, тем нужнее критическое исследование явлений и пригодных для их разрешения методов.

Сначала воспроизведем мысленно факты, относящиеся к возникновению нашей нации. Когда британские иммигранты начали стекаться на северо-американском берегу Атлантического океана, они нашли материк, населенный индейцами. Население страны было редко и сравнительно быстро исчезло перед наплывом более многочисленных европейцев. Всем нам известно, что голландцы поселились у Гудзонова залива, германцы — в Пенсильвании, не говоря уже о других национальностях. Мы знаем, что фун-

дамент нашего современного государства был заложен испанцами на юго-западе, французами — в бассейне Миссисипи и в области Великих Озер, но что британские иммигранты значительно превосходили численностью иммигрантов, принадлежавших к другим национальностям. В составе нашего населения туземный элемент никогда не играл важной роли, за исключением весьма кратковременных периодов. В тех местностях, где колонизация в течение долгого времени подвигалась вперед исключительно благодаря иммиграции неженатых мужчин белой расы, семьи смешанного происхождения имели некоторое значение в период постепенного развития, но они никогда не стали настолько многочисленными в какой-либо многолюдной части Соединенных Штатов, чтобы их можно было считать важным элементом нашего населения. Не подлежит сомнению, что индейская кровь течет в жилах большого числа лиц, принадлежащих к нашему населению, но пропорция столь незначительна, что на нее можно, конечно, не обращать внимания.

Гораздо важнее был ввоз негров, численность которых увеличилась в несколько раз, так что теперь они составляют, приблизительно, одну восьмую долю всей нации. В течение известного промежутка времени казалось вероятным, что переселенцы, принадлежащие к азиатским нациям, получают значение в развитии нашей страны, но политические события последних лет способствовали значительному уменьшению их непосредственной важности, хотя мы и не решаемся предсказывать, что отношения между азиатами и американцами, принадлежащими к белой расе, не могут стать в высшей степени важной проблемой в будущем. Однако эти факты известны и совершенно ясны всем нам.

Не так давно возникла проблема иммиграции переселенцев, принадлежащих ко всем национальностям Европы, западной Азии и северной Африки. Между тем как до конца второй половины XIX века иммигранты состояли почти исключительно из жителей северо-западной Европы, уроженцев Великобритании, Скандинавии, Германии, Швейцарии, Голландии, Бельгии и Франции, состав переселяющихся масс совершенно изменился с этого времени. По мере экономического развития Германии, иммиграция из Германии сократилась; в то же время все возрастало число переселявшихся итальянцев, лиц, принадлежащих к разным славянским народам Австрии, России и Балканского полуострова, венгерцев, румын, восточно-европейских евреев, не говоря уже о многих других национальностях. Не подлежит сомнению, что эти люди, переселяющиеся из восточной и из южной Европы, являются представителями физических типов, отличающихся от физического типа жителей северо-западной Европы, и даже совершенно случайному наблюдателю ясно, что их нынешний социальный уровень глубоко отличается от нашего. Так как в нормальные годы насчитываются сотни тысяч вновь прибывающих переселенцев, то, конечно, можно поставить вопрос: каков будет результат этого на-

плова типов, отличающихся от нашего, если этот наплыв будет продолжаться в течение долгого времени?

Часто утверждают, что смешение народов в Соединенных Штатах представляет собой единственное в своем роде явление, что подобного смешения прежде никогда не бывало во всемирной истории, и что нашей нации суждено стать тем, что некоторым писателям угодно называть «нечистокровной» нацией в том смысле, что никогда не происходило ничего подобного.

Если мы постараемся анализировать занимающее нас явление детальнее и пользуясь нашим знанием условий, существующих в Европе, а также и в других частях света, то, по моему мнению, этот взгляд оказывается несостоятельным. Говоря об европейских типах, мы привыкли считать их сравнительно чистыми породами. Легко показать, что эта точка зрения ошибочна. Стоит взглянуть на карту распределения расовых типов какой-либо европейской страны, напр., Италии, чтобы убедиться в том, что местное расхождение типа является характерною чертою однообразия его—исключением. Так, доктор Ридольфо Ливи показал в своих фундаментальных исследованиях по антропологии Италии, что типы крайнего севера и крайнего юга совершенно различны: первый — высок, короткоголов, при чем среди принадлежащих к нему лиц встречается значительное число белокурых и голубоглазых индивидуумов; второй — низок, длинноголов и замечательно смугл. Переход от одного типа к другому в общем совершенно постепенен; но, подобно изолированным островам, там и там встречаются различные типы. Примерами этого рода могут служить район Лукки в Тоскане и Неаполитанский округ, что может быть объяснено как явление, обусловленное переживанием более древней породы, вторжением новых типов или особым влиянием окружающей среды.

Исторические данные вполне согласны с результатами, полученными путем исследования распределения нынешних типов. В древнейшие времена мы находим на полуострове Италии группы разнородного населения, при чем отношения родства между многими из них в лингвистическом отношении все еще не выяснены. Мы видим, как, начиная с древнейших доисторических времен, одна народная волна за другою вливалась в Италию с севера. Очень рано греки поселились в большей части южной Италии, и финикийское влияние утвердилось на западном берегу этого полуострова. Между Италией и северной Африкой существовали оживленные сношения. Ввозились рабы берберского происхождения, и от них остались следы. Благодаря торговле рабами к населению страны до последнего времени примешивались иноземные элементы, и Ливи полагает, что ему удалось проследить тип крымских рабов, которые были ввозимы в конце средних веков в Венецианскую область. В течение веков переселения кельтских и тевтонских племен, завоевания норманов, сношения с Африкой способствовали смешению населения на Апеннинском полуострове.

Судьба других европейских стран была не менее разнообразна. Пиренейский полуостров, в настоящее время кажущийся одной из наиболее изолированных частей Европы, имел в высшей степени пеструю историю. Его древнейшие, известные нам обитатели, вероятно, были родственны пиренейским баскам. Они подвергались восточным влияниям в до-микенский период, пуническим влияниям, вторжениям кельтов, римской колонизации, нашествиям тевтонов, завоеванию маврами, а позднее, особому процессу отбора, которым сопровождалось изгнание мавров и евреев.

Англия не была изъята от этого рода перемен. Кажется правдоподобным, что в очень ранний период тип, встречающийся в настоящее время, главным образом, в Уэльсе и в некоторых частях Ирландии, занимал большую часть острова. Он был вытеснен набегавшими одна за другой волнами кельтского, римского и англо-саксонского переселений. Таким образом мы находим изменения повсюду.

История странствований готов, нашествие гуннов, в течение столь короткого промежутка времени, как одно столетие, перенесших свои жилища с границ Китая в самый центр Европы, служат доказательством громадных изменений в населении, происходивших в прежние времена.

Медленная колонизация также вызвала глубокие изменения как в крови, так и в распространении языков и культур. Может быть, поразительнейший пример такого изменения в недавнее время представляет постепенная германизация местности, расположенной к востоку от реки Эльбы, где после переселения тевтонов поселился народ, говорящий на славянских языках. Примерами подобных процессов могут служить постепенное поглощение кельтских общин, басков, в древние времена великая римская колонизация, а позднее, завоевание северной Африки арабами.

В прежние времена смешение никоим образом не ограничивалось народами, которые, отличаясь друг от друга по языку и по культуре, тем не менее принадлежали к довольно однообразному типу. Наоборот, разнообразнейшие типы южной Европы, северной Европы, восточной Европы и западной Европы, не говоря уже об элементах, устремлявшихся в Европу из Азии и из Африки, участвовали в этом долго продолжавшемся смешении народов.

Тем не менее существует одно коренное различие между ранними европейскими переселениями и нынешним заатлантическим. В общем, первые происходили в период, когда густота населения была, сравнительно, невелика. Не подлежит сомнению, что число индивидуумов, принимавших участие в образовании современных великобританских типов, было невелико по сравнению с миллионами, сошедшимися для образования новой нации в Соединенных Штатах; и очевидно, что процесс смешения, происходивший в общинах, в которых насчитываются миллионы жителей, носит иной характер, чем процесс смешения, происходящий в общинах, в которых насчитываются тысячи жителей. Если

оставить в стороне социальные преграды, несомненно способствующие, как прежде, так и теперь, обособлению народов, которые могли бы смешиваться, то казалось бы, что в более многочисленных общинах нового времени отдельные соединяющиеся элементы могли бы, благодаря своей сравнительной многочисленности, представляющей больше благоприятных случаев для обособления, менее изменяться.

В менее обширных общинах процесс смешения должен был быть чрезвычайно быстрым. Раз уничтожились социальные разграничения, количество чистых потомков одного из смешивавшихся типов значительно убывает, и четвертое поколение народа, первоначально состоявшего из различных элементов, окажется почти однородным. Впоследствии я еще вернусь к этому явлению.

Против этой точки зрения можно было бы возразить, что самое разнообразие местных типов в Европе доказывает однородность расовых типов, как, например, северо-западного европейского типа, средиземноморского типа, восточно-европейского типа, альпийского типа. Однако следует помнить, что у нас имеется историческое доказательство процесса смешения, и что относительная численность составляющих элементов достаточна для объяснения нынешних отношений.

По моему мнению, мы можем отвергнуть предположение существования чистого типа в какой-либо части Европы и такого процесса смешения крови в Америке, который отличался бы от всего происходившего в Европе в течение тысячелетий. Далее, мы не вправе предполагать, что рассматриваемое явление представляет собой процесс более быстрого смешения, чем то, которое преобладало в древние времена. Различие относится по существу дела к массам индивидуумов, участвовавшим в процессе.

Если мы ограничимся в данное время рассмотрением смешения европейских типов в Америке, то, по моему мнению, из сказанного выше станет ясно, что ощущаемое многими беспокойство относительно сохранения расовой чистоты нашей нации в значительной степени оказывается воображаемым. История Европы доказывает, что в течение чрезвычайно долгих периодов расовой чистоты нигде не существовало, при чем продолжавшееся смешение европейских типов не оказало какого-либо растлевающего действия ни на одну из европейских национальностей. Было бы также легко доказать, что у тех наций, спокойствие которых всего менее нарушалось, не оказывалось побуждений к дальнейшему прогрессу, и что они переживали периоды застоя. История Испании могла бы служить примером этого.

Однако на вопрос о действительных последствиях смешения нельзя ответить историческим обобщением, вроде того, которое мы попытались дать выше. Сторонников теории понижения типа благодаря наплыву так называемых «низших» типов нельзя заставить замолчать ссылкой на прежние смешения, происходившие в Европе, ход которых уже невозможно проследить в фактически-

деталей; ведь мы не знаем, насколько многочисленны были в действительности смешанные браки и каково было развитие семей смешанного происхождения по сравнению с чистокровными. Повидимому, необходимо приступить к разрешению этой проблемы с биологической точки зрения. Однако представлялось целесообразным сперва выяснить нашу проблему в историческом отношении. Знание событий прошлого способствует нашему успокоению, устраняя опасения, вследствие которых проблема вызывает возбуждение умов, и наблюдателю внушается сильное предубеждение относительно результатов, наступления которых он боится или желает.

При изучении физических характерных черт иммигрирующего населения особенно важны два вопроса: во-первых, вопрос о влиянии отбора и окружающей среды при переселении из Европы в Америку, во-вторых, вопрос о влиянии смешения.

Мы имели возможность несколько выяснить оба эти вопроса.

Мы нашли, что типы, прибывающие к нашим берегам, не остаются устойчивыми, но что в них обнаруживаются столь важные видоизменения, что некоторые из различий в европейских человеческих типах представляются скорее эфемерными, чем постоянными, в большей степени обусловленными окружающей средой, чем наследственностью. Характерные признаки, подверженные влияниям окружающей среды, принадлежат к числу существеннейших телесных черт. Рост, форма головы и размеры лица, повидимому, одинаково подвержены этим влияниям, при чем видоизменения оказываются тем резче выраженными, чем менее развит тот орган, о котором идет речь при рождении, и чем более, следовательно, он подвергается влияниям окружающей среды. Этот факт позволяет нам утверждать с высокою степенью уверенности, что умственные черты, равно как и физические, видоизменяются благодаря действию окружающей среды. Далее, вспомнив, что мы не могли найти никаких доказательств превосходства одного типа над другим, мы можем с уверенностью утверждать, что опасности, которыми наплыв чужестранных европейских типов угрожает энергии американской нации, оказываются воображаемыми, а не реальными.

Были также получены некоторые данные, способствующие выяснению значения смешения рас. Напомним, что одною из могущественнейших сил, видоизменяющих человеческие типы, является прекращение известных тенденций, продолжавших существовать в небольших общинах, благодаря процессу быстрого переселения. Это происходит как в Европе, так и в Америке, но в последней гораздо быстрее, так как в ней происхождение населения гораздо разнообразнее, чем в европейских странах.

В настоящее время нельзя определить, какое действие могут оказать эти процессы на окончательный тип и на изменчивость американского населения; но нет таких данных, которые позволяли бы ожидать понижения развивающихся новых американских

типов. Для изучения этого предмета многое остается сделать, и, принимая в расчет, что нам недостаточно известны элементарнейшие факты, определяющие результат этого процесса, я чувствую, что нам следует быть в высшей степени осторожными в наших рассуждениях и в особенности воздерживаться от всяких сенсационных формулировок проблемы, могущих способствовать усилению преобладающей тенденции к недостаточно спокойному рассмотрению этих вопросов, тем более, что от ответа на эти вопросы зависит благополучие миллионов людей.

Проблема такова, что относительно нее столь же легко предаваться умозрениям, как трудно заняться ее точным исследованием. Основывая наши аргументы на неподходящих аналогиях с животными и растительными типами, мы можем предаваться умозрениям относительно действий, оказываемых смешением на развитие новых типов, как будто смешение, происходящее в Америке, отличалось в каком-либо смысле, кроме социологического, от смешений, происходивших в Европе в течение тысячелетий. Мы можем ожидать общего упадка, возвращения к типам дальних предков или развития нового идеального типа, смотря по тому, в каком направлении нас увлекает воображение или личная склонность. Мы можем распространяться об опасности приближающегося вытеснения северо-западного европейского типа или ликовать в надежде на его господство над всеми другими. Не безопаснее ли было бы исследовать правильность или ошибочность всякой теории, вместо того, чтобы возбуждать общественное мнение, предаваясь нашим фантастическим умозрениям? Я не отрицаю, что умозрения в значительной степени способствуют достижению истины, но их не следует обнародовать, пока они не подвергнуты тщательному анализу, дабы доверчивая публика не принимала фантазии за истину.

Если я не в состоянии предсказать, какое действие может оказать смешение различных типов, то я уверен в том, что эта важная проблема может быть разрешена, если взяться за нее с достаточной энергией и при достаточно широкой постановке вопроса. Исследование антропологических данных, относящихся к населению различных типов, при котором будет обращено внимание на сходства и различия между родителями и детьми, на быстроту и окончательный результат физического и умственного развития детей, их жизнеспособность, плодовитость браков между лицами, принадлежащими к различным типам и к различным общественным слоям, — такое исследование должно доставить нам сведения, позволяющие определенно и убедительно ответить на эти важные вопросы.

Окончательный результат смешения рас неизбежно будет зависеть от плодовитости нынешних уроженцев Америки и новых иммигрантов. Неоднократно указывалось на то, что коэффициент рождаемости у американцев понижается очень быстро, и у второго и у третьего поколения потомков иммигрантов замечается

такое же понижение. Поэтому важно знать, какова может быть плодовитость различных типов.

Если плодовитость иноземцев останется значительной без соответственного повышения коэффициента смертности детей, то мы можем заранее предвидеть общее возрастание физического влияния более плодovитого типа. Однако иммиграция разнородных южных и восточных европейских типов началась так недавно, что на этот вопрос нельзя ответить, пока не пройдет еще по крайней мере двадцать лет.

Не менее важен, чем плодовитость каждого типа иммигрантов, вопрос о том, насколько велика тенденция их к вступлению в браки друг с другом. Данные, содержащиеся в наших переписях, не выясняют вопроса о существовании этой тенденции у разных национальностей. Трудности при собирании статистических данных, имеющих значение для выяснения этой проблемы, весьма велики. Это особенно ясно обнаруживается по отношению к итальянцам. Женатые мужчины из Италии приезжают в Соединенные Штаты, зарабатывают некоторое количество денег и возвращаются к своим семьям. Иногда они снова приезжают в Америку, и если условия оказываются благоприятными, они, в конце концов, выписывают к себе свои семьи. Таким образом, среди итальянских иммигрантов встречается очень много таких, которые женились до приезда в Америку. Представляется почти невозможным отделить контингент пар, браки которых предшествовали их прибытию в Америку, от тех, которые женились по приезде в Америку, и нас всего более интересуют браки между родившимися в Америке. Естественно, что в больших городах, где национальности обособляются в различных кварталах, в течение некоторого времени между ними поддерживается сильная связь; но вероятно, что браки между потомками чуждых друг другу национальностей гораздо чаще, чем можно было бы думать, судя по цифрам, приводимым в переписях. Наши данные относительно американцев, деда и бабушки которых иммигрировали в Америку, в общем таковы, что большая часть социальных следов их происхождения исчезла, что многие даже не знают, к каким национальностям принадлежали их деда и бабушки. Можно было бы ожидать, особенно в западных общинах, где местожительство обыкновенно быстро меняется, — что это повлекло бы за собою быстрое смешение потомков различных национальностей. Это исследование, которое вполне возможно выполнить в деталях, представляется необходимым для ясного понимания положения дел.

Нелегко ясно представить себе, как быстро происходит смешение различных типов, если выбор супругов всецело предоставлен случаю. Я произвел это вычисление и нашел, что в населении, в котором смешиваются два типа, при чем оба они одинаково многочисленны, в четвертом поколении чистокровного происхождения окажется менее, чем одно лицо на десять тысяч. Когда

отношение двух первоначальных типов равняется 8 : 1, то в четвертом поколении среди большинства населения лиц чистокровного происхождения окажется менее тридцати на тысячу. Если основываться на этих данных, то из них, очевидно, вытекает, что, по устранении социальных преград, смешение должно происходить чрезвычайно быстро, и я считаю возможным с уверенностью высказать предположение, что через сто лет от настоящего времени среди большинства нашего населения окажется очень мало чистокровных потомков нынешних иммигрантов.

Однако, к сожалению, нам неизвестно влияние расовой связи. Очевидно, это один из основных пунктов, знание которого необходимо для выяснения действия недавней иммиграции. Без этих сведений все рассмотрение действия смешения остается умозрительным. Результаты нынешней народной переписи дают нам некоторые из очень нужных сведений относительно этих пунктов.

В этих замечаниях относительно проблем, связанных с европейской иммиграцией, я всецело ограничился биологической проблемой, потому что все развитые нами соображения убедительно доказали, что умственная жизнь столь пластична, что нельзя предположить существования наследственной неспособности у какого-либо из европейских народов.

Переходя к рассмотрению негритянской проблемы в том виде, в каком она представляется в Соединенных Штатах, мы должны помнить изложенные нами выше соображения. Мы нашли, что нельзя представить никаких доказательств того, что негритянский тип оказывается более низким, кроме того, что негритянская раса, быть может, не дала бы такого количества в высшей степени гениальных людей, как другие расы, между тем как не оказывалось решительно ничего такого, что можно было бы истолковать как симптом какого-либо существенного различия в умственных способностях большинства негритянского населения по сравнению с большинством белого населения.

Многое говорилось о более коротком периоде роста негритянского ребенка по сравнению с белым ребенком, но не было представлено никаких убедительных данных. Если принять в расчет значительную изменчивость в продолжительности роста и развития у различных индивидуумов и в разных общественных классах, смотря по более или менее благоприятному питанию ребенка, то наши сведения относительно негритянских детей на самом деле не имеют никакой ценности. У нас нет даже доказательств того, что более короткий период развития должен приводить к неблагоприятным результатам. Кроме того, мы не знаем, в какой период и каким образом развиваются типические негритянские черты, гораздо менее резко выраженные у новорожденных, чем у взрослых.

Удивительно, что не было сделано никаких попыток выяснить эти анатомические и физиологические проблемы, хотя эти проблемы важны и хотя некоторые из них не очень трудно было бы

разрешить. Различия между средними типами белого и негра в отношении жизнеспособности и умственных способностей гораздо менее значительны, чем индивидуальные вариации у каждой расы, — вот почти все то, что мы можем с достоверностью сказать в данном случае.

Однако этот результат очень важен, и он вполне согласен с результатом этнологического наблюдения. Обозревая африканские племена, мы находим у них незаурядные культурные успехи. Для лиц, незнакомых с произведениями туземных африканских искусства и промышленности, прогулка по одному из больших европейских музеев явилась бы откровением. Ни один из наших американских музеев не составил таких коллекций, в которых этот предмет был бы сколько-нибудь удовлетворительно представлен. Кузнец, резчик по дереву, ткач, гончар, все они производят товар, оригинальный по форме, изготовляемый очень тщательно и свидетельствующий о том трудолюбии, о том интересе к результатам труда, которых так часто не оказывается у негров. живущих в нашей американской окружающей среде. Не менее поучительны записки путешественников, рассказывающих о благосостоянии туземных деревень, обширной торговле в стране и об ее рынках. Управление туземными государствами свидетельствует о незаурядной способности к организации, и в тех случаях, когда правителями бывали выдающиеся личности, создавались обширные империи. У африканских туземцев можно найти те разнообразные роды деятельности, которые мы ценим в гражданах нашего отечества. Проявляется и философская мудрость. Стоит прочесть любой из изданных сборников африканских пословиц, чтобы составить себе понятие о доморощенной практической философии негра, часто свидетельствующей о здоровом чувстве и о здоровом смысле.

Неуместно было бы распространяться об этом предмете, так как тем существенным пунктом, выяснением которого антропология может способствовать практическому обсуждению вопроса о приспособляемости негров, является решение вопроса о том, в какой степени нежелательные черты, в настоящее время, несомненно, встречающиеся у американского негритянского населения, вытекают из расовых особенностей, и в какой степени они обусловлены социальной окружающей средой, за которую ответственны мы. На этот вопрос антропология может решительно ответить, что черты африканской культуры в том виде, как их можно наблюдать на первобытной родине негров, характерны для здорового первобытного народа, которому в значительной степени свойственны личная инициатива, организаторский талант, воображение, техническая ловкость и бережливость. У этой расы обнаруживается и воинственный дух, доказательством которого являются могущественные завоеватели, разрушавшие государства и основывавшие новые империи, и храбрость армий, повинующихся своим вождям. Не доказано, что основными чертами негри-

гнянской расы являются распушенность, непредусмотрительная леность, недостаток инициативы. Все данные свидетельствуют о том, что эти качества скорее являются результатом социальных условий, чем наследственных черт.

Здесь следует еще раз обратить особое внимание на то, что ошибочно было бы предполагать, что не существует никаких различий между складом ума негритянской расы и складом ума других рас, и что их деятельность должна была бы иметь одинаковый характер. Наоборот, если соответствие анатомического строения и физиологической функции имеет какой-нибудь смысл, то мы должны ожидать, что различия существуют. Однако нет никаких данных, на основании которых следовало бы заклеить негра, как существо низшего типа, или как подверженного таким склонностям и действию таких сил, которые были бы враждебны нашей общественной организации. Беспристрастная оценка до сих пор представленных антропологических данных не позволяет нам верить, что негритянская раса настолько ниже других, что принадлежащие к ней индивидуумы неспособны принимать участие в современной цивилизации. Мы не знаем такого требования, предъявляемого к человеческому телу или духу в современной жизни, которое, как доказывали бы анатомические или этнологические данные, превышало бы силы негра.

Характерные черты американского негра достаточно объясняются его историей и его общественным положением. Оторванность от африканской почвы и являющаяся ее результатом полная утрата прежнего быта, вместо которого возникла рабская зависимость и, благодаря ей, все, из нее вытекавшее, последовавший затем период дезорганизации и суровая экономическая борьба при неблагоприятных обстоятельствах, — всего этого достаточно для объяснения низшего положения расы, так что нет надобности прибегать к теории, согласно которой она по своим наследственным свойствам стоит ниже других. Одним словом, можно с полным основанием полагать, что если неграм будут предоставлены облегчения и благоприятные условия, то они окажутся вполне способными так же выполнять гражданские обязанности, как и их белые соседи. Возможно, что они не произведут такого количества великих людей, как белая раса, и что их средние успехи не вполне достигнут уровня средних успехов белой расы, но среди них найдется бесчисленное множество таких личностей, которые окажутся способными превзойти своих белых соперников и будут чести себя лучше, чем те дефективные элементы, которым мы позволяем тащить вниз и задерживать развитие здоровых детей в наших народных школах.

Антропологическое рассмотрение негритянской проблемы требует также, чтобы мы высказались о «расовом инстинкте» белых, играющем в высшей степени важную роль по отношению к практической стороне этой проблемы. В последнем анализе это явление представляет собой повторение старого инстинкта

и боязни браков между патрициями и плебеями, между европейской знатью и простым народом, или между кастами в Индии. Эмоции и аргументы одинаковы во всех отношениях. В занимающем нас случае они специально касаются необходимости поддерживать различное общественное положение во избежание смешения рас. Как и в других выше упомянутых случаях, так называемый инстинкт не является физиологическим отвращением. Это доказывается как существованием у нас множества мулатов, так и легче происходящим у латинских народов смешением. Скорее, этот инстинкт является выражением социальных условий, столь глубоко укоренившихся у нас, что они получают большое эмоциональное значение; по моему мнению, именно это и имеют в виду, когда называют такие чувства инстинктивными. Это такое чувство, которое не имеет никакого отношения к вопросу о жизнеспособности и о способностях мулатов. Но все-таки вопросы о смешении рас и о способности негров приспособиться к нашей окружающей среде представляют ряд важных проблем.

По моему мнению, мы должны стыдиться, когда нам приходится сознаться в том, что научное изучение этих вопросов никогда не получало поддержки ни от нашего правительства, ни от какого-либо из наших больших научных учреждений; и трудно понять, почему мы так равнодушны к вопросу, имеющему перво-степенное значение для благополучия нашей нации. Анатомия американского негра недостаточно изучена, и, несмотря на часто повторяемые утверждения, что по своим наследственным свойствам мулат стоит ниже других рас, мы вряд ли знаем что-нибудь об этом предмете. Если его жизнеспособность уступает жизнеспособности чистокровного негра, то это, может быть, настолько же обусловлено социальными, как и наследственными причинами. Благодаря многочисленности мулатов в нашей стране, нетрудно было бы всесторонне исследовать биологическую сторону этого вопроса. Необходимо энергически подчеркивать важность исследований относительно этого предмета, так как важно выяснить желательность или нежелательность смешения рас. Если мы заглянем в далекое будущее, то, повидимому, существуют основания для уверенности в том, что, по мере возрастания подвижности негров, количество чистокровных лиц станет быстро убывать, а так как нет ввоза новых негров, то не может подлежать ни малейшему сомнению, что необходимым окончательным результатом соприкосновения между двумя расами должно быть постоянное увеличение количества крови белых в негритянской общине.

Этот процесс будет совершаться чрезвычайно быстро среди цветных, благодаря бракам между мулатами и чистокровными неграми. Трудно сказать, окажется ли прибавление крови белых к цветному населению достаточно значительным для того, чтобы превозмочь это уравнивающее действие, благодаря которому лица смешанного происхождения с слабой примесью негритянской крови станут темнее или нет; но вполне ясно, что хотя наши законы

могут значительно замедлить прилив крови белых, они не могут помешать постепенному смешению. Если могучая система каст в Индии не могла предотвратить смешения, то наши законы, признающие большую степень индивидуальной свободы, конечно, не будут в состоянии достигнуть этого результата, а многочисленность мулатов достаточно выясняет отсутствие расовой половой антипатии. Беспристрастное рассмотрение того, каким образом происходит смешение, очень ясно показывает, что вероятность прибавления крови белых к цветному населению значительна. Между тем как масса белого населения всегда, по крайней мере, надолго будет совершенно далека от всякой возможности смешения с неграми, по моему мнению, мы можем с достаточной степенью уверенности предсказать, что наступит такое состояние, при котором контраст между цветными людьми и белыми будет менее резко выражен, чем в настоящее время. Несмотря на все препятствия, которые могут быть оказываемы процессу смешения, условия таковы, что постоянство чистого негритянского типа практически невозможно. Даже чрезвычайно высокая смертность и недостаток плодovitости у смешанного типа по сравнению с чистыми типами не могли бы предотвратить этот результат. Так как невозможно изменить эти условия, то следовало бы считаться с ними, и мы должны требовать тщательного критического исследования всей проблемы.

Мне кажется, что политика многих из наших Южных Штатов, пытающихся предотвратить всякое расовое смешение, основана на ошибочном взгляде на совершающийся сложный процесс. Утверждают, что законодательство этого типа оправдывается необходимостью предохранять белую расу от примеси негритянской крови. Фактически этой опасности не существует. За очень немногими исключениями, брачные союзы между белыми и неграми суть брачные союзы между белыми мужчинами и негритянскими женщинами. Однако размножение рас таково, что количество рождающихся детей зависит не от числа мужчин, а от числа женщин. Следовательно, если дано известное количество негритянок, то рост цветного населения будет зависеть от их числа. Если у значительного числа их детей оказываются белые отцы, то раса, как целое, неизбежно утратит свой чисто негритянский тип. В то же время не происходит такой примеси негритянской крови к белой расе через материнскую линию, так что в действительности процесс заключается в том, что негритянская раса становится менее черною без соответственной примеси к белой расе.

Отсюда вытекает, что важнейшие практические вопросы, находящиеся в связи с негритянской проблемою, касаются мулатов и других лиц смешанного происхождения, а именно их физических типов, их умственных и нравственных качеств и их жизнеспособности. При тщательном рассмотрении из огромной литературы предмета остается немного выдерживающего серьезную критику

По моему мнению, я не преувеличиваю, утверждая, что всю работу по этому предмету еще предстоит выполнить. Развитие современных методов исследования внушает уверенность в том, что путем тщательного изучения можно найти определенные ответы на наши проблемы. Не является ли, следовательно, нашей прямой обязанностью производить исследования для того, чтобы, поскольку это может быть сделано, вместо пылких прений относительно верований в делах, касающихся не только нас самих, но и благополучия миллионов негров, принимались в расчет наблюдения.

Я надеюсь, что произведенное в этой книге исследование данных антропологии научит нас проявлять большую терпимость по отношению к формам цивилизации, отличающимся от наших, выяснит нам, что мы должны относиться к другим расам с большей симпатией, и внушит убеждение, что, как в прошлом все расы так или иначе способствовали культурному прогрессу, так они окажутся способными служить интересам человечества, если только мы пожелаем поставить их в благоприятные условия.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. РАСОВЫЕ ПРЕДРАССУДКИ.	5
<p>Успехи рас и их способности, стр. 5. Белая раса, как достигшая высшей цивилизации, представляет высший физический тип, стр. 6. Зависят ли культурные успехи только от наследственных способностей? стр. 7. Многие расы способствовали возникновению цивилизации, стр. 8. Ранняя цивилизация в Америке, стр. 8. Истолкование быстроты развития, стр. 9. Распространение цивилизации, стр. 9. Свидетельствуют ли характерные анатомические признаки иноземных рас о том, что эти расы являются низшими? стр. 10. Характерные черты различных частей тела, как признаки рас, признаваемых низшими, стр. 13. Развитие черт, отличающих человека от животных, у различных рас, стр. 14. Значение этих черт для выяснения характера ума, стр. 16. Величина мозга, стр. 17. Отсутствие точного соответствия между величиной мозга и способностями, стр. 18. Строение мозга, стр. 19. Резюме, стр. 19.</p>	
II. Влияние окружающей среды на человеческие типы.	20
<p>Проблемы расовой и социальной характеристики, стр. 20. Определение и описание изменчивости типов, стр. 21. Различия между цивилизованными и первобытными членами одной и той же расы, стр. 24. Проблема устойчивости типа вида „человек“, стр. 25. Эволюция вида „человек“, стр. 25. Проблема устойчивости рас, стр. 25. Вариации, вызываемые изменениями в скорости роста, стр. 27. Остановка роста, стр. 29. Вариации, не вызываемые ростом, стр. 29. Различия между деревенскими и городскими типами, стр. 31. Влияние отбора, стр. 31. Изменения в телесной форме американских иммигрантов, стр. 32. Объяснение изменений, стр. 33. Величина изменений, стр. 35. Изменение умственных черт, стр. 38. Приручение, стр. 39. Изменения, обуславливаемые окружающей средой, стр. 40. Изменения, обуславливаемые отбором, стр. 41. Изменения, обуславливаемые скрещиванием, стр. 42.</p>	
III. Влияние наследственности на человеческие типы.	44
<p>Важность наследственности, стр. 44. Наследственность альтернативная и наследственность, при которой тип детей является</p>	

промежуточным между типами родителей, стр. 45. Наследственность при расовом смешении, стр. 46. Наследственность при браках между лицами, принадлежащими к различным расам, стр. 46. Возвращение к типам предков, стр. 46. Сходство братьев и сестер, стр. 47. Наследственность в смысле Менделя, стр. 48. Возникновение местных типов, стр. 50. Их происхождение в больших и маленьких общинах, стр. 51. Наблюдения Иоганнсена над растениями, стр. 51. Смешение местных типов, стр. 51. Изменчивость местных типов и рас, стр. 52.

IV. УМСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОБЫТНОГО И ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА 54

Метод рассмотрения, стр. 54. Животное и человек, стр. 54. Первобытный человек и цивилизованный человек, стр. 54. Исторические указания, стр. 55. Расовые и социальные проблемы, стр. 58. Характерные умственные черты первобытного человека независимо от расы, стр. 59. Подавление импульсов, стр. 60. Непредусмотрительность, стр. 61. Внимание, стр. 62. Оригинальность мысли, стр. 62. Количественный характер расовых различий, стр. 64. Различия между группами людей, находящимися в близком родстве, стр. 65. Результаты плохого питания, стр. 65. Экспериментальный метод, стр. 66. Влияние продолжительной цивилизации, стр. 67. Возвращение индивидуумов к первобытной жизни, стр. 67. Влияние ранних привычек, стр. 68. Резюме, стр. 68.

V. РАСА И ЯЗЫК 70

Является ли язык выражением умственного развития расы? стр. 70. Соотношение между типом, языком и культурой, стр. 70. Классификации, устанавливаемые с этих трех точек зрения, несогласны, стр. 71. Постоянство типа и изменение языка, стр. 72. Постоянство языка и изменение типа, стр. 73. Постоянство типа и языка и изменение культуры, стр. 74. Гипотеза первоначального соответствия между типом, языком и культурой, стр. 76. Существуют ли „низшие“ и „высшие“ языки?, стр. 78. Фонетика, стр. 78. Классификация идей, стр. 79. Примеры, стр. 80. Тенденция языка выражать сложную идею одним термином, стр. 81. Необходимость формальных элементов, стр. 82. Отношения между языком и мыслью, стр. 82. Отвлеченные термины, стр. 83. Системы чисел, стр. 84.

VI. УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ЧЕРТ 86

Сходства, наблюдаемые в культурных чертах, стр. 86. Объяснение их влиянием окружающей среды, стр. 88. Случай недостатка приспособления к окружающей среде, стр. 89. Влияние прежней окружающей среды, стр. 90. Объяснение сходств, как пережитков времен, предшествовавших расселению человеческого рода, стр. 91. Рассеяние, стр. 92. Области рассеяния, стр. 93. Объяснение сходств одинаковостью элементарных идей, стр. 94. Психологическое объяснение, стр. 95.

VII. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ 97

Представляет ли человеческая культура эволюционный ряд? стр. 97. Примеры: социальная организация, изобретения, земледелие, искусство, религия, стр. 98-100. Параллелизм культурного

развития, стр. 101. Различия, обнаруживающиеся в порядке стадий промышленного развития, стр. 101. Развитие, приводящее к одинаковым результатам, стр. 103. Несравнимость данных, стр. 105. Примеры: загробная жизнь, тотемизм, этика, стр. 105-106. Типы развития, ведущего от простых форм к сложным и обратно, стр. 107.

VIII. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОВЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ 110

Умственные реакции первобытного и цивилизованного человека, стр. 110. Классификация явлений, стр. 111. С прогрессом цивилизации пробуждается сознание принципов классификации, стр. 112. Влияние традиционного материала на мысль, стр. 117. Пример развития этических понятий, стр. 119. Типы ассоциации в цивилизованном обществе, стр. 120. Ассоциации, обязанные своим существованием привычным реакциям, и их эмоциональное значение, стр. 122. Вторичные объяснения, стр. 123. Типы ассоциации в первобытном обществе, стр. 124. Их бессознательное происхождение, стр. 125. Они становятся сознательными, стр. 125. Вторичные объяснения, стр. 125. Ассоциации, составляющие особенность первобытной жизни, стр. 126. Ритуал, стр. 126. Миф, стр. 126. Декоративное искусство, стр. 127. Тотемизм, стр. 128. Происхождение ассоциаций, стр. 129. Важность эмоциональных элементов при установлении ассоциаций, стр. 130.

IX. РЕЗЮМЕ 133

X. РАСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ 137

Происхождение американской нации, стр. 137. Характерные черты смешения рас в Соединенных Штатах и в Европе, стр. 139. Смешение различных типов, стр. 141. Действие изменения окружающей среды и смешения, стр. 143. Негритянская проблема, стр. 146.